Л. Г. ЛЕВТЕЕВА

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ В МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКАХ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

МУЗЕЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА им. М. Т. АЙБЕКА

Л. Г. ЛЕВТЕЕВА

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ В МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКАХ

(историография проблемы)

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1986

В монографии на основе изучения и обобщения определенного круга мемуарных источников центральных архивов страны и республики, впервые вводимых в научный оборот, а также публикаций мемуаров в периодической печати, сборниках раскрывается ряд важных вопросов, отражающих объективно прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России.

Мемуарные источники сгруппированы по основным признакам, в зависимости от характера содержания, а также принадлежности мемуариста к различным общественным слоям и группам, социального положения, мировоззренческих взглядов.

Для историков, преподавателей, краеведов, музейных работников и всех интересующихся вопросами истории Средней Азии дооктябрьского периода.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Б. В. Лунин*

Рецензенты:
доктора исторических наук
Г. И. Желтова, Г. Н. Чабров

Л $\frac{0502000000-3286}{М\ 355\ (04)-86}$ 13—86

ВВЕДЕНИЕ

В программных документах КПСС, решениях партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС неоднократно указывалось на необходимость расширения задач и тематики исследований в области общественных наук[1].

В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года указывается на необходимость «повысить идейно-теоретический уровень и практическую значимость научных исследований»[2]. В связи с этим все более важное значение приобретает задача расширения источниковедческой базы, одним из неотъемлемых компонентов которой служат мемуарные источники. Их использование обогащает научные труды дополнительными материалами, позволяет выявить характерные детали и особенности изучаемой эпохи, присущие ей общественную психологию и общественное сознание. В ряде же случаев свидетельства мемуаристов вообще являются единственными источниками сведений. Фактический материал, в них содержащийся, будучи введенным в научный оборот, нередко помогает (при условии его критического осмысления и аналитического подхода к нему) осветить новые стороны исторического процесса, раскрыть его закономерности и особенности.

Марксистское источниковедение подходит к оценке содержания, значения источника и его места в ряду других источников в результате изучения конкретно-исторических условий, в которых возник документ, сочетая при этом приемы проверки достоверности и происхождения с обобщающей оценкой полноты и значения содержащихся в нем сведений. К. Маркс указывал, что научный метод исследования должен основываться на обобщении, анализе совокупности исторических сведений и всех фактов, имеющих отношение к проблеме. «Конкретное потому конкретно, — писал К. Маркс, — что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного»[3].

Г. В. Плеханов подчеркивал, что «дело всякого исторического исследования приходится начинать с изучения состояния производительных сил и экономических отношений данной страны. Но

на этом, разумеется, исследование не должно останавливаться: оно должно показать, как сухой остов экономики покрывается живой плотью социально-политических форм, а затем — и это самая интересная, самая увлекательная сторона задачи — человеческих идей, чувств, стремлений и идеалов. В руки исследователя поступает, можно сказать, мертвая материя... из его рук должен выйти полный жизни организм»[4].

Творчески развивая марксизм в условиях новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций — В. И. Ленин также уделял большое внимание совершенствованию научного метода исследования, постоянно подчеркивая необходимость опираться на глубокий и всесторонний анализ совокупности источников.

Большое значение придавал В. И. Ленин революционной мемуаристике, рассматривая ее как действенное средство воспитания масс и высказывая пожелание, «чтобы как можно большее число работников, действовавших в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни, занялись описанием своего опыта»[5]. К воспоминаниям В. И. Ленин нередко обращался и в своих произведениях[6], которые служат образцом научного подхода к мемуарам[7].

Известный советский историк М. Н. Покровский писал по этому поводу: «В особенности ценными являются всякого рода воспоминания, дающие тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятыми или понятыми неправильно. Непосредственные свидетели возникновения документа могут лучше истолковать его букву, нежели люди, подходящие к документу через ряд лет с настроениями и представлениями, которых не было ни у кого в ту минуту, когда документ возник»[8].

Мемуары — документы личного происхождения объединяет наличие субъективности суждений. Как и другие виды исторических источников, они несут на себе печать своего времени, отражают действительность сквозь призму социально-экономических, политических, эстетических и других взглядов и жизненных интересов людей.

Авторы повествуют о прошлом под влиянием своих переживаний, мировоззренческих взглядов, личных симпатий или антипатий. Мемуарист сообщает при этом обычно то, чему был непосредственным свидетелем. В основе каждого мемуарного источника лежит наблюдение — сложный акт познания, который, как правило, помимо оценки и обобщения фактов, включает в себя также компоненты, связанные с личностью мемуариста (его жизненный опыт, эмоциональное отношение к наблюдаемому событию или факту, объекту и т. д.). Все это предопределяет те критические критерии, на которые следует опираться при работе с мемуарными источниками.

Советские историки детально и глубоко исследуют вопросы методологии изучения мемуаров. Разработка вопросов истории пролетариата и революционного движения на рубеже 20—30-х годов, связанная с интенсивным сбором историко-партийных документов, а также воспоминаний участников революционных событий, вызвала к жизни ряд работ общетеоретического источниковедческого плана[9].

На основе решений XX—XXVII съездов КПСС вновь расширился круг источников для научного освещения исторического процесса, усилилась разработка теоретических проблем источниковедения, в том числе вопросов использования мемуарной литературы. В последующий период появляется все больше специальных работ, посвященных источниковедческому анализу мемуаров[10].

Разработанность методологии исследования и использования мемуаров как одной из разновидностей исторических источников позволила нам обратиться к такой, пока еще не достаточно изученной области, как мемуаристика по Средней Азии периода присоединения ее к России.

Вторая половина прошлого столетия ознаменовалась в истории Средней Азии важнейшими событиями, оказавшими влияние на дальнейшее развитие народов данного региона. Присоединение, несмотря на жестокий колониальный гнет со стороны царских властей и их приспешников, объективно по своим последствиям имело прогрессивное значение[11]. Начался новый этап, характеризующийся серьезными сдвигами в хозяйственной и политической жизни среднеазиатских народов, складыванием объективных и субъективных предпосылок для социального и национального освобождения.

Определенная роль в освещении проходивших тогда процессов принадлежит мемуарным свидетельствам.

К мемуарной литературе, отразившей отдельные элементы этих процессов, обращались и дореволюционные авторы. Изучение архива Н. И. Гродекова, хранящегося в Государственном историческом музее (г. Москва), показывает, что при написании работ по истории присоединения Средней Азии к России[12] Н. И. Гродеков привлекает воспоминания ряда участников походов, в ряде случаев даже без изменений и поправок и вместе с тем без ссылок на их использование. Можно даже отметить отдельные попытки использования мемуаров представителями дворянско-буржуазной историографии для критики официальных источников. Так, работа М. А. Терентьева «История завоевания Средней Азии»[13] увидела свет лишь через три десятилетия после ее создания. И это не случайно. Ее автор в ряде случаев позволял себе критически освещать действия отдельных царских чиновников и военных в Средней Азии, хотя в целом книга Те-

рентьева отнюдь не затрагивала и не подвергала сомнению принципиальные основы захватнической политики правящих классов России. М. А. Терентьев использовал сообщения очевидцев параллельно с официальными документами для доказательства искажения содержащихся в них фактов.

В целом же для буржуазно-дворянской историографии характерны отбор и использование источников (в частности свидетельств мемуаристов) в определенных политических целях. Так, работы того же Терентьева способствовали укреплению позиций Военного министерства в его полемике с Министерством иностранных дел.

Глубокая и подлинно научная разработка истории Средней Азии была начата в послереволюционный период. Одним из основных объектов изучения стала проблема присоединения Средней Азии к России. В ее разработке исследователи опирались прежде всего на партийные документы, в которых получил строго научную марксистско-ленинскую оценку фактор вхождения среднеазиатских народов в состав России. В результате советскими историками созданы ценные исследования по важнейшим вопросам указанной проблемы.

Предпринимался также источниковедческий анализ документальных материалов. Наглядный пример комплексного использования источников представляет монография акад. М. Н. Тихомирова «Присоединение Мерва к России»[14]. Характерно, что автор весьма широко включает мемуарные свидетельства в ткань повествования, сопровождая их необходимыми комментариями. В ряде случаев описания очевидцев событий служат своеобразным стержнем, на который как бы нанизывается само изложение событий.

Некоторые мемуарные источники привлекает в своей работе «Присоединение Средней Азии к России»[15] Н. А. Халфин. Им составлена также библиография военных мемуаров по указанной проблеме.

Краткие обзоры и оценка такого вида источников, как записки и дневники путешественников по Средней Азии, содержатся в публикациях М. Н. Богданова[16], И. В. Мушкетова[17], П. П. Семенова-Тян-Шанского[18], В. В. Бартольда[19]. Сообщения крупных русских ученых — Н. А. Северцева, П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. П. Федченко и других уже давно стали составной, неотъемлемой частью историографии Средней Азии и получили отражение как в сводных трудах[20], так и в отдельных специальных исследованиях историографического плана[21]. Опубликовано также значительное число работ, посвященных жизнеописаниям отдельных ученых и путешественников и их трудам[22]. На основе некоторых из подобного рода источников выявляются исторические корни дружбы русского и среднеазиатских народов.

Большой интерес представляют «Обзоры русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию», составленные О. В. Масловой[23]. Работа эта — ценное справочное пособие для исследователей, изучающих природу, историю, жизнь и быт среднеазиатских народов.

Помимо записок и сообщений путешественников используются мемуары, в которых в той или иной мере отражалась социально-экономическая и культурная жизнь Средней Азии (Туркестана). Здесь следует отметить работы Б. В. Лунина[24]. Он опубликовал исследование по историографии науки и просвещения в Средней Азии[25]. Заслуживает внимания опыт Б. И. Искандарова[26] и некоторых других исследователей, которые используют в монографиях записи воспоминаний, произведенных среди очевидцев событий на основе специально составленной программы. Привлекают материалы воспоминаний при изучении быта народов Средней Азии и истории среднеазиатского города и этнографы[27].

Со временем значительные сдвиги произошли во взглядах на роль и значение революционной мемуаристики. Все интенсивнее используются мемуарные источники в ряде работ по истории революционного движения в Средней Азии[28], что обусловило появление и специальных исследований[29].

В целом же еще не достаточно исследований, посвященных мемуарным материалам по истории Средней Азии, выявлению их места в ряду исторических источников, аналитическому и критическому рассмотрению.

В ряде историографических обзоров, как правило, либо вообще отсутствуют, либо же даются далеко не полно общие оценки тех или иных мемуарных источников. Между тем наблюдающаяся закономерная тенденция ко все большему привлечению и использованию фактического материала, содержащегося в мемуарах, обусловливает необходимость систематизации, объективной научной характеристики, выявления биографических данных об авторах и т. д. И это в тем большей степени, что отдельные мемуары, иногда весьма ценные, до сих пор остаются вообще вне поля зрения исследователей. Все это и предопределило выбор темы настоящего исследования.

Решение поставленных задач потребовало тщательного изучения и строго критического рассмотрения как опубликованных источников, так и архивных данных.

Для выявления имеющихся публикаций дореволюционного периода изучались отдельные их издания, а также материалы, помещенные на страницах периодической печати, в журналах «Военный сборник», «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Дело», «Инженерный журнал» и т. д. В тех же целях был изучен ряд специальных изданий, таких, например, как «Известия Русского Географического

Общества». Некоторые материалы были извлечены из «Туркестанского сборника» В. И. Межова.

Материалы мемуарного характера хранятся во многих государственных архивах страны. Для их выявления использовались личные фонды ряда общественных, политических и военных деятелей: главы дипломатической миссии в Хиву и Бухару, директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел Н. П. Игнатьева (1832—1908) (ЦГАОР СССР, ф. 730); туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана (1818—1882) (ЦГИАЛ, ф. 954); оренбургского губернатора В. А. Перовского (1795—1857) (ЦГИАЛ, ф. 1021); Самаркандского военного губернатора Н. Я. Ростовцева (ЦГИАЛ, ф. 1042).

Изучены материалы личных фондов Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА СССР); командующего войсками Сырдарьинской линии, затем начальника штаба отдельного оренбургского корпуса (1857—1861) А. Л. Данзаса (1835—1880) — ф. 67; генерал-майора, участника военных походов в Средней Азии Ф. С. Добровольского (род. 1836) — ф. 66; генерал-лейтенанта, помощника туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа в 1901—1904 гг. Е. И. Мациевского (род. 1845) — ф. 81; генерал-лейтенанта, и. о. начальника Закаспийской области в 1906 г. В. А. Косаговского (род. 1857) — ф. 217; участника военных походов, начальника Закаспийской области (1890—1898), военного министра (1898—1904), туркестанского генерал-губернатора (1916—1917) А. Н. Куропаткина (1846—1925) — ф. 165, заключающие в себе дневниковые записи, а также биографические материалы, различные заметки, записи, преимущественно по вопросам военных действий в Средней Азии, управления Туркестанским краем, развития и подавления революционного движения. В этом же архиве выявлены отдельные мемуарные источники, например, дневник М. И. Дороша, в котором содержатся сведения об ахалтекинской экспедиции 1880—1881 гг.

Материалы о действиях царизма в Средней Азии извлечены также в процессе ознакомления с фондами активных участников военных походов Н. И. Гродекова (1843—1914) — ф. 307 и М. Г. Черняева (1827—1898) — ф. 208 в Отделе письменных источников Государственного исторического музея г. Москвы (ГИМ ОПИ).

Большой интерес для разработки темы представили фонд военного министра Д. А. Милютина (1816—1912) — ф. 169 в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в котором сохранились обширные воспоминания и дневники этого активного проводника внешней политики России в 60—70-х годах прошлого столетия, а также дневники и воспоминания военного агента при русском посольстве в Лон-

доне С. С. Бутурлина (1842—1891), общественного деятеля Ф. В. Чижова (1810—1867), генерал-майора, начальника Туркестанского арсенала С. Н. Ванкова (1858—1937).

Большое значение для изучения истории Средней Азии имеют фонды ученых-востоковедов и путешественников: фонд востоковеда А. Л. Куна (1840—1888) в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (ЛОИВ) — ф. 33. Его материалы включают различные дневниковые записи самого А. Л. Куна за отдельные периоды его жизни и деятельности в Туркестанском крае, рукописи дневников ряда лиц, в том числе переводчика туркестанского генерал-губернатора Ш. М. Ибрагимова. В архиве этого же института выявлены дневниковые записи сына великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского — М. Н. Чернышевского о его поездке в Среднюю Азию в 1899 г.; дорожные заметки о путешествии Ф. Р. Остен-Сакена в 1867 г. Фонд самого Ф. Р. Остен-Сакена сосредоточен в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА СССР) — ф. 1385. Мы ознакомились также с материалами архива Всесоюзного Географического Общества (г. Ленинград), где хранятся такие мемуарные источники, как «Кызыл-кумы Туркестана. Путевые заметки» Г. Мартынова, «Заметки о Ташкенте» А. Ф. Пейтана, «О колонизации в Киргизской степи Акмолинской области и о поездке от Акмолинска до Ташкента через Голодную степь» А. Соловьева, ряд дневников неустановленных лиц.

Определенный интерес представляют материалы местных общественных деятелей культуры Туркестана, хранящиеся в Центральном государственном архиве Узбекской ССР (ЦГА УзССР), и в первую очередь фонд И-1009 Н. П. Остроумова (1848—1930), содержащий дневники и воспоминания за 1871—1930 гг., автобиографические записки. В ЦГА УзССР хранятся также отдельные мемуарные источники, связанные с периодом военных действий в Средней Азии: дневник и записки о кокандском походе 1875 г. участника, впоследствии начальника Наманганского уезда П. Аверьянова — ф. И-329, воспоминания Н. А. Наследова (1854—1927) — ф. Р-1037 и некоторые другие.

Мемуарные материалы участников революционного движения в Туркестане сосредоточены в основном в рукописном фонде Узбекского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ), институтах истории партии союзных республик, институтах истории академий наук республик Средней Азии, республиканских и краеведческих музеях. Были привлечены имеющиеся публикации сборников, а также воспоминаний активных участников революционного движения[30].

Посредством ознакомления с энциклопедиями, биографическими словарями[31], справками в отдельных изданиях, архивными документами, в частности с фондом канцелярии туркестанского

генерал-губернатора (ф. И-1 в ЦГА УзССР) выявлены биографические данные авторов мемуаров.

Для проверки сведений, содержащихся в мемуарах, уточнения и освещения некоторых исторических событий были использованы различные монографии, сборники, статьи в исторических журналах, работы дореволюционных и советских авторов по истории России и Средней Азии в рассматриваемый период.

В предлагаемом обзоре опубликованной, а также выявленной в архивах страны мемуарной литературы источники располагаются в основном по отдельным темам (история военных действий, культурная и хозяйственная жизнь, административное устройство, национально-освободительное движение). В пределах этих тематических разделов рассмотрение мемуаров дается по авторам, а также в хронологическом порядке в исторической последовательности, по важнейшим периодам. Хронологические рамки работы определены 1853—1907 гг.

Глава I

МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ. ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКИ УЧАСТНИКОВ ВОЕННЫХ ПОХОДОВ

Во второй половине XIX в. русский царизм осуществил широкие завоевательские мероприятия, имевшие результатом ликвидацию фактической независимости среднеазиатских ханств и включение части их территории в состав империи.

Причинами экспансии явились: стремление царизма к компенсации за поражение в Крымской войне, которое, по словам В. И. Ленина, показало всю «гнилость и бессилие крепостной России»[1] и сделало, по выражению К. Маркса, «завоевание Туркестана, предпринятое еще в 1840 году, неотложной задачей»[2]; англо-русские противоречия на Ближнем и Среднем Востоке, соображения военно-стратегического характера. Определяющим мотивом было пореформенное экономическое развитие России и все растущие запросы русской промышленности, в первую очередь хлопчатобумажной, которая остро нуждалась в рынках сбыта и источниках сырья. В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин подчеркивал, что «капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства»[3]. Вновь присоединенные территории могли составить также колонизационный фонд для страдавшего от безземелья русского крестьянства; тем самым ослаблялись классовые противоречия внутри России.

Политические события в Средней Азии вызвали широкий интерес у различных кругов русского общества, нашедший отражение в многочисленных публикациях мемуарного характера как в периодической печати[4], так и вышедших отдельными изданиями. Принадлежность к различным общественным слоям и прослойкам, различие взглядов и убеждений мемуаристов, естественно, наложили определенный отпечаток на излагаемый материал, что позволяет нам взглянуть на события в свете разных ракурсов и, следовательно, представить их более полно и реалистично.

Мемуарное наследие крупнейшего государственного деятеля России 60—70-х годов XIX в. военного министра Д. А. Милюти-

на[5] представляет значительный интерес. Хронологически его воспоминания[6] и дневник[7] охватывают 1816—1900 гг.

Д. А. Милютин, будучи тесно связанным с деловыми кругами, являлся сторонником территориальных приобретений как новых рынков сбыта и источников сырья для русской промышленности. Человек большого ума и обширных познаний, либерального образа мыслей, по своим политическим взглядам Д. А. Милютин выражал взгляды и чаяния российского либерализма[8] в правительстве Александра II.

События, описываемые в воспоминаниях Милютина, рассматриваются автором через призму десятилетий, и это накладывает на них определенный отпечаток. Отдельные вопросы освещены им лишь с фактической стороны. Наибольший интерес для нас представляет вторая часть воспоминаний, которая относится ко времени пребывания Д. А. Милютина на посту военного министра[9].

В них фиксируется наличие разногласий во взглядах на среднеазиатскую политику министерств военного и иностранных дел, выступавшего против активизации этой политики, что грозило осложнениями с Англией: «Министерство военное бывало иногда в довольно щекотливом положении: нужно было, с одной стороны, добросовестно подчиняться требованиям и видам Министерства иностранных дел, тогда как, с другой стороны, невозможно было не признать основательности военных соображений и действий местных начальников»[10]. Обосновывая необходимость этих действий, их соответствие интересам царской России, общей программе действий в Средней Азии, военный министр продолжал: «Требуя от местных начальников соблюдения по возможности даваемых им инструкций и указаний, я, вместе с тем, находил вредным лишать их вовсе собственной инициативы»[11].

Интересны высказывания Д. А. Милютина о многочисленных депешах, которые Министерство иностранных дел разрабатывало и рассылало представителям России при дворах больших держав. Как правило, эти депеши носили успокоительный характер и содержали обычные в таких случаях разъяснения мотивов продвижения России, вызванного «несовместимым соседством государства цивилизованного с кочевыми массами», и заверения в прекращении продвижения с выходом «к естественным рубежам и к государственным образованиям»[12]. Вот что писал Д. А. Милютин по этому поводу: «Надежды эти были совершенно призрачны; по крайней мере, со стороны военного министерства не было таких иллюзий. Можно только сожалеть, что Министерство иностранных дел постоянно прибегало к подобным успокоительным заявлениям и тем связывало себе руки в дальнейших действиях. Факты, совершавшиеся вслед за этим,... всегда опровергали только что данные правительственные обещания и давали повод на-

шим противникам укорять нашу политику в коварстве и вероломстве»[13].

Однако разногласия отнюдь не носили принципиального характера. Более того, те же военные действия использовались как средство нажима на Англию[14]. В ряде случаев Министерство иностранных дел давало прямой отпор проискам английской дипломатии. Это касалось, в частности, заявления товарища государственного секретаря по иностранным делам Лайярда на заседании нижней палаты английского парламента 14—16 марта 1866 г. о будто бы данном русским правительством заверении, что в «его виды не входит расширить свои владения за счет Бухары»[15]. В ответ на это заявление, как сообщал Д. А. Милютин, Министерство иностранных дел России разослало во все русские посольства циркуляр, в котором предлагало изложить свои взгляды на азиатскую политику, «так как действительно Россия не питает никакого желания расширять свои пределы в Средней Азии далее той черты, которая признается необходимою для ее собственной безопасности, для упрочения спокойствия и развития торговли в крае»[16].

В этой связи характерен факт, связанный с военными действиями против Кокандского ханства: «Кн. Горчаков, узнав о предполагавшемся ген. Крыжановским движении на Кокан, вообразил себе, что ему дано было на то разрешение от военного министерства, без предварительного сношения с Министерством иностранных дел. «Вы знаете, как я всегда стремлюсь идти с Вами рука в руке», — писал он мне по этому поводу, — но когда я объяснил ему, что донесение из Ташкента приходит в Петербург после целого месяца пути и что ген. Крыжановский, если нашел необходимым двинуться на Кокан, то не имел возможности спрашивать разрешения из Петербурга, тогда кн. Горчаков сознался, что худо понял бумагу и прибавил в своей записке: «Против совершившихся событий на таком расстоянии, центральной власти остается покоряться исходу, как бы ни противен он был важнейшим соображениям внешней политики»[17].

В воспоминаниях содержатся сведения о различного рода совещаниях, на которых рассматривались вопросы, связанные со среднеазиатской политикой. В частности, о совещании от 26 сентября 1866 г., где был решен вопрос о Кокандском ханстве. В отношении последнего предлагалось «строго держаться прежней программы, т. е. избегать распространения наших завоеваний и отнюдь не домогаться присоединения Кокана к империи, а стараться только восстановить в этой стране, так же как и в Бухаре, наше политическое влияние и торговые сношения»[18].

В мемуарах приводятся также фактические данные, связанные с военными действиями в Средней Азии вплоть до 1885 г.: о соединении Сырдарьинской и Сибирской передовых линий, раз-

личии мнений по данному вопросу в высших правительственных сферах; занятии городов Аулиеаты, Туркестана, Чимкента, Ташкента, Ходжента, крепости Нау и др.; характеризуется общеполитическое положение среднеазиатских ханств.

Воспоминания отражают взаимоотношения между отдельными представителями военной администрации на местах и правительственными кругами, например, Черняевым и Крыжановским, Черняевым и Милютиным. Отношение Милютина к Черняеву явно отрицательное[19]. Быть может, сам по себе факт этот и не заслуживал бы особого внимания, если бы его существование не повлияло на оценку событий в Средней Азии, связанных с именем М. Г. Черняева. Его противники и сторонники по-разному оценивали эти действия Черняева и связанные с ними события. Автор воспоминаний не скрывает, что быстрые и сравнительно легкие успехи над слабо организованным противником кружили зачастую головы царским военачальникам, которые в ряде случаев вопреки намерениям правительства осуществлять присоединение постепенно, брали на себя инициативу ускорения событий.

Показателен пример, отражающий действия генерала Крыжановского в Коканде в 1866 г., фактически спровоцировавшие военный конфликт[20]. И хотя, как писал Милютин, «полученные в Петербурге известия о военных замыслах ген. Крыжановского снова встревожили министерство иностранных дел, и... очень удивили военное министерство после предшествовавших успокоительных донесений Романовского»[21], тем не менее они были щедро оценены правительством. «26 ноября ему (т. е. генералу Крыжановскому.— *Л. Л.*) пожалован «за отличную храбрость и распорядительность» орден св. Георгия 3-й степени, ген-м. Романовский назначен в свиту, флигель-адъютант гр. Воронцов произведен в генерал-майоры, также с назначением в свиту»[22].

Сообщается также о военных действиях в Бухаре[23]. После заключения в 1868 г. мирного договора бухарское правительство не оставляло надежды на возвращение отошедших к России областей. Осенью 1869 г. в Петербург прибыло бухарское посольство с письмом эмира царю, в котором излагалась эта просьба. Как писал Милютин, «само собой разумеется, что просьба эта была оставлена без последствий»[24].

Далее описаны высадка войск на восточном берегу Каспийского моря, основание Красноводска, враждебные действия хивинского хана, экспедиция генерал-майора Абрамова по Зерафшану, занятие Шахрисабза, самаркандский вопрос, мнение Министерства иностранных дел, считавшего целесообразным передать Самарканд Бухаре; происки англичан в Кашгаре; внутреннее положение в Афганистане и прибытие в Ташкент Абдурахман-хана; посольство в Бухару Носовича и Струве, барона Каульбарса в Кашгар и другие более или менее заметные собы-

тия на территории Средней Азии современного Милютину периода.

Описывая подготовку Хивинского похода, Милютин сообщает о посольстве хивинского хана в Калькутту; соглашении с лондонским кабинетом о разграничении сфер влияния, видах правительства на сохранение целостности Хивинского ханства[25]. Военная экспедиция против Хивы тенденциозно трактуется как вызванная явно враждебными действиями хана[26].

Хронологически рамки воспоминаний ограничены 1872 г. Дальнейшее изложение событий мы находим уже в дневнике Милютина. Здесь также много внимания уделяется среднеазиатскому вопросу. Интересна, например, реакция правительства на хивинский поход[27]. Д. А. Милютин весьма осторожен в оценке результатов похода, о чем свидетельствует следующая запись: «...Вчера телеграмма ген. Кауфмана возвестила об отмене «на вечные времена» рабства в хивинских владениях!... Хотя мы еще не знаем, чем именно будет гарантировано действительное исполнение этого торжественного «манифеста» ханского, однако же известие это произведет, несомненно, хорошее впечатление в Европе»[28]. В словах военного министра звучит ирония. Намеренно беря в кавычки фразу «на вечные времена», Д. А. Милютин как бы подчеркивает рассчитанность на внешний эффект торжественных заверений, которыми царское правительство пыталось прикрыть агрессивный характер своих действий в Средней Азии. В дневнике освещаются события, связанные с дальнейшими военными действиями против Кокандского ханства, посольством Столетова в Афганистан, экспансией Англии в Афганистане. По признанию Милютина, прибытие афганского посольства в Ташкент с просьбой о принятии Афганистана под покровительство России придало неожиданный оборот делу, «которому мы и не придавали особенного значения», так как «может повести к большим усложнениям, как в наших отношениях к Англии, так и вообще в положении дел в Средней Азии»[29].

В намерения царского правительства отнюдь не входил окончательный разрыв с Англией. В результате, когда Афганистан оказался перед фактом прямой английской агрессии, царизм не оказал ему помощи[30]. «Решено было послать генералу Кауфману повеление отозвать наше посольство из Кабула, заявив Шир-Али-хану о полученном от английского правительства заверении относительно сохранения и на будущее время независимости афганского владения. Удовольствуется ли эмир этим успокоительным заявлением, сомнительно. Но если он ожидал от нас чего-нибудь другого, то это с его стороны прискорбное заблуждение. Материальной помощи ни в каком случае мы не могли ему подать»[31].

Решение отступиться от Афганистана пришло не сразу, а толь-

ко после длительных дипломатических переговоров. Туркестанскому генерал-губернатору было «приказано на всякий случай собрать где удобнее игольчатое оружие, которое останется за перевооружением войск Туркестанского округа малокалиберными винтовками, дабы можно было, когда окажется нужным, снабдить афганцев означенным игольчатым оружием»[32]. В течение многих лет оказывалось гостеприимство одному из претендентов на афганский престол Абдурахман-хану. Как писал Милютин, «вопрос только в выборе момента, когда выгоднее для нас воспользоваться этим политическим орудием против англичан»[33]. Этот момент настал после смерти Шир-Али-хана, и тогда был инсценирован побег Абдурахман-хана из Ташкента: «От Кауфмана получена телеграмма о том, что Абдурахман-хан будто бы бежал из Ташкента за Амударью. К этому мнимому побегу ему открыли свободную дорогу, с выдачей притом порядочной денежной подмоги»[34].

Приводятся сведения о первой и второй ахалтекинских экспедициях, антирусских происках Англии в Персии[35], столкновении с афганцами в районе р. Кушки и англо-русском соперничестве в последующий период[36]. Последние записи, имеющие отношение к Средней Азии, датируются 1896 г.

Дневник содержит характеристики ряда крупных общественных и военных деятелей, в том числе тех, чьи судьбы были связаны со Средней Азией. Например, М. Д. Скобелева Милютин характеризует как человека талантливого, но честолюбивого, которому «нельзя сочувствовать» и который «для достижения своих честолюбивых целей» считал все «средства и пути дозволительными»[37]. Пристрастен Д. А. Милютин по отношению к князю Горчакову. В его представлении министр иностранных дел не мог уже играть существенной роли во внешней политике России[38]. На самом же деле Горчаков нередко был более дальновидным в понимании международной обстановки, чем сам Милютин.

Дневник и воспоминания Д. А. Милютина при критичном к ним отношении представляют ценный источник для изучения и правильной оценки внешней политики России второй половины XIX в. Они вводят в научный оборот ряд новых или малоизвестных исторических фактов[39].

Воспоминания военно-служилой прослойки как источник фактических сведений о процессе продвижения царизма в Среднюю Азию во второй половине XIX в.

Большинство мемуаров по указанной тематике принадлежит представителям военно-служилого сословия. Они группируются преимущественно вокруг взятия Акмечети, Ташкента, Уратюбе,

Джизака, Самарканда, Хивинского похода 1873 г., первой и второй ахалтекинских экспедиций 1879—1881 гг., присоединения Мерва, памирского вопроса.

Из мемуаров, в которых описан первый период военных действий и в основном взаимоотношения с Кокандским ханством, заслуживают внимания записки А. И. Макшеева[40]. В них освещены события, связанные со взятием Акмечети. Сообщается, что Перовский, боясь неудачи, послал к Акмечети отряд, который действовал совершенно секретно. Отряд вынужден был отступить. После его возвращения Перовский, отобрав предварительно у начальника отряда свое предписание, в котором предлагалось взять и разрушить город, лично написал рапорт «о мирной рекогносцировке», ход которой был нарушен «нападением» кокандцев. Полковник, командовавший отрядом, получил представление к генеральскому чину. В записках подробно описаны осада Акмечети во время повторной экспедиции, переговоры с осажденными и штурм крепости, завершившийся ее взятием.

В тексте воспоминаний использованы документальные материалы, среди них записки и проекты о продвижении в Среднюю Азию.

Некоторый свет на обстоятельства, связанные с организацией похода и занятием Акмечети, проливает неопубликованный дневник[41] переводчика при оренбургском генерал-губернаторе Искандера Батыршина. В записях указывается на наличие постоянных распрей между среднеазиатскими ханствами, усугубивших падение Акмечети; приводится содержание некоторых писем кокандского хана, адресованных Перовскому, с целью убедить его в прекращении «беспорядков» и, следовательно, в ликвидации поводов к «неудовольствию» царского правительства[42]. Сообщается о тяжелом положении казахов, кочевавших вокруг Акмечети, говорится о злоупотреблениях кокандских чиновников, о том, что царская администрация во взаимоотношениях с местным населением использовала в своих интересах племенные и родовые разногласия. Перовский стремился заручиться поддержкой казахских родовых управителей. Автор дневника сообщает о переговорах Перовского с представителями местной верхушки и вручении им различного рода подарков, а также о прямом подкупе крупными денежными суммами[43]. Дневник содержит материалы, касающиеся быта местного населения, организации русских фортов, пароходного сообщения на Сырдарье.

О походе к Акмечети сообщается и в дневнике[44] командующего войсками Сырдарьинской линии в 1857—1859 гг. А. Л. Данзаса[45]. Он указывает на тщательность подготовки похода, характеризует личные и служебные качества графа Перовского, с именем которого был связан начальный период активного наступления. Передается содержание разговора с Перовским о планах

дальнейшего движения к Ташкенту под предлогом предотвращения постоянных набегов и в целях противодействия английской экспансии. Освещены некоторые вопросы управления и организации в Оренбургском крае.

Сообщения А. Л. Данзаса расширяют его записки: «О торговле форта Перовский»[46], «О системе организации управления Сырдарьинской линии»[47], «О военной линии на р. Сырдарье (в разрезе политическом и экономическом)»[48] и «Взгляд на положение наше в Средней Азии»[49].

События начального этапа присоединения освещаются в воспоминаниях А. Черняевой[50]. Они содержат выдержки из дневника М. Г. Черняева[51], связанные с его участием в экспедиции капитана Бутакова в г. Кунград в июне 1858 г. Описываются действия капитана Бутакова у стен Кунграда, восставшие жители которого обратились за покровительством к России. Верный слуга царизма М. Г. Черняев подчеркивал стратегическую важность занятия низовьев Амударьи с тем, чтобы открыть пути в отдаленные районы Средней Азии: «...Занятие Амударьи принесет нам несравненно более выгод, нежели владение Сырдарьей»[52]. В этой связи рассматривается общее политическое и социально-экономическое положение Хивы и указывается на постоянные междоусобицы, ослабляющие ханство[53].

Гораздо полнее представлена мемуарная литература о событиях последующего периода — последовательном захвате царизмом городов и районов Кокандского ханства.

Например, в неопубликованном и не полностью сохранившемся дневнике Ф. С. Добровольского[54] содержатся маршрутные съемки пройденных путей, сведения об отдельных населенных пунктах, таких как Туркестан и Чимкент[55].

Описательный характер носят мемуары ряда других авторов — офицеров царской армии. Это — «Беглый рассказ о медленном продвижении в Ташкент и несколько светлых мыслей о темной стороне нашего положения в Средней Азии» Е. Быкова[56], «16 годовщина взятия Ташкента (Воспоминания старого туркестанца)» Ю. Д. Южакова[57], «Иканский бой 4, 5 и 6 декабря 1864 года» А. П. Хорошхина[58], «Дело под Иканом (Рассказ очевидца)» Л. Алексеева[59], «За тридцать лет (Листки из воспоминаний)» В. Бартенсона[60], «Воспоминания офицера о туркестанских походах 1864—1865 гг.» Г. Сярковского[61] и некоторые другие. Все они специфичны и узки по содержанию, освещают главным образом военные действия, численность и снаряжение войск, взятие кокандских крепостей — Аулие-аты, Чиназа, Чимкента, Ниязбека, неудачную попытку взятия Ташкента в 1864 г., штурм города в 1865 г.; подтверждают сведения других источников о наличии «различных партий», группировок в г. Ташкенте, в частности, сравнительно сильной партии с прорусской ориентацией[62].

Сообщения довольно подробные, однако авторы ограничиваются в основном описанием тех районов, в которых действовали они сами и их отряды.

Данная группа воспоминаний представляет интерес тем, что в ней содержатся характеристики М. Г. Черняева и его взаимоотношений с военным министерством. Это может служить дополнительным материалом для оценки взглядов высших правительственных сфер России и различных кругов общества на среднеазиатский вопрос. Взаимоотношения Черняева с военным министерством и особенно с Д. А. Милютиным получили в свое время довольно широкую огласку и отражены в ряде как мемуарных, так и документальных источников. Много сведений содержит автобиографический материал самого М. Г. Черняева[63]. Таковы записи, воспроизведенные его племянницей А. М. Черняевой[64], в которых отражены отдельные эпизоды, связанные с занятием Ташкента и с его административным устройством[65].

Записи участников «бухарской кампании» 1866—1868 гг. отражают два ее этапа. Первый — занятие ряда таких важных пунктов ханства, как Уратюбе, Джизак и Яныкурган, и второй — поражение бухарской армии и взятие Самарканда.

Среди воспоминаний, связанных с первым этапом кампании, обстоятельностью изложения отличаются мемуары В. Фишера, М. Зиновьева, Амичиса[66] — представителей среднего офицерского состава. В мемуарах отражается общий ход военных действий, сообщается об оборонительных сооружениях осаждаемых крепостей, приемах ведения военных операций в условиях Средней Азии[67]. Отмечается низкая техническая оснащенность бухарской армии. Вот что, например, писал М. Зиновьев: «Пули у них, за малыми исключениями, представляют камешки, облитые свинцом, т. к. дороговизна свинца не позволяет им употреблять сплошные пули»[68]. Бухарская пушка, по описанию Зиновьева, «имела железный ствол длиною в 8 вершков и наложена была на деревянный лафет с колесами. В игрушечных магазинах можно встретить такие пушки...»[69]. «На земле валялись множество фитильных ружей со сломанными по большей части прикладами»[70].

Военные действия царизма приносили много бедствий мирным жителям и наносили большой ущерб производительным силам страны. Вся тяжесть войны ложилась на плечи народных масс[71].

Особенно подробно пишет об этом М. Зиновьев, автор «Осады Ура-Тюбе и Джизака»[72]. Находим мы в его записках также сведения о внутрипартийной борьбе различных слоев городского населения, сторонников и противников прихода русских.

В тексты воспоминаний для оправдания военных действий царизма в Средней Азии вводятся справки исторического характера. Дается также характеристика бухарского эмира Сейид-Музафара, отмечается его вероломство, корыстолюбие, невежество.

В ряде случаев события трактуются авторами упрощенно и тенденциозно. Таковы, например, излагаемые М. Зиновьевым причины и результаты зимнего (1866 г.) похода к Джизаку и обстоятельства пребывания в Бухаре русского посольства. Сопоставление материалов[73] показывает, что поход, по утверждению автора, «ничем не кончившийся и ничего не разрешивший», на самом деле внес раскол в действия бухарского эмира и его союзников.

В целом налицо стремление уверить возможного читателя записок в якобы «исключительно мирном направлении нашей (царской.— *Л. Л.*) политики в Средней Азии»[74], переложить всю ответственность за военные действия на представителей местной правящей верхушки.

Второй, завершающий этап бухарской кампании получил отражение в мемуарных источниках: «Защита Самарканда в 1868 г.» А. Черкасова[75], «Воспоминания о защите Самарканда в 1868 г.» Е. Вороница[76], «Зерабулакские высоты» Н. Н. Каразина[77], «Весна 1868 года в Средней Азии. Воспоминания казачьего офицера» А. П. Хорошхина[78], «Под Самаркандом. Рассказ новичка (Из старых записок 1868 года)»[79] Д. Л. Иванова[80] и ряде других. Так, в воспоминаниях Д. Л. Иванова[81] описаны военные действия при Чупанатинских высотах, приведшие к поражению бухарской армии под Самаркандом. Привлекают внимание свидетельства о тяжелых условиях службы сарбазов бухарской армии[82]. К сожалению, в записках отсутствует социальная сторона описываемых событий.

Воспоминания А. П. Хорошхина[83] носят более общий характер. Автор воссоздает тревожную атмосферу, вызванную активными действиями бухарских войск, сообщает о переходе на сторону русских войск афганского отряда, входившего в состав гарнизона крепости Нурата. Рамки повествования раздвинуты и затрагивают события, предшествовавшие походу на Самарканд. Во второй части мемуаров описываются занятие Самарканда и последующие действия царских войск.

Записки художника и публициста Н. Н. Каразина[84] «Ургут»[85] посвящены организации военной экспедиции против горного бухарского города, ставшего центром сопротивления. Описываются административные мероприятия Кауфмана в первые дни после занятия Самарканда, широко применявшего систему подкупа местной верхушки: «На почетнейших из депутатов надевались золотые и серебряные медали; всем без исключения — цветные, а иногда и шитые золотом халаты...»[86].

Если население какого-либо района или города отказывалось от повиновения, его принуждали к этому военной силой. Каразин последовательно описывает организацию, снаряжение, численность, движение и действия экспедиционного отряда, штурм Ургута.

Значительное число мемуарных источников связано с Хивинским походом 1873 г. Среди них — «Экспедиция в Хиву в 1873 году. От Джизака до Хивы. Походный дневник»[87] и «Пребывание туркестанского отряда в Хиве в 1873 году»[88] Д. Г. Колокольцева; «Воспоминания о Хиве. Беглые заметки» А. П. Хорошхина[89]; «Хивинская экспедиция 1873 г. Записки очевидца-сапера» Е. Сарангова[90]; «Воспоминания о полковнике Веймарне» М. Нудженко[91]; «С севера на юг. Из среднеазиатской жизни» Н. Н. Каразина[92]; «Поход в степи. Из записок очевидца о Хивинском походе» А. Н. Маслова[93], «Записка о взятии Хивы» М. Д. Скобелева[94]; «Воспоминания» В. А. Полторацкого[95]; «Из воспоминаний старого туркестанца» Д. Л. Иванова[96]; «Русская гребная флотилия на Амударье в мае месяце 1873 г. и другие воспоминания о Хивинском походе» Н. Н. Касьянова[97]; «Поход в Хиву (Кавказских отрядов) 1873 г.» М. Алиханова-Аварского[98]; «Воспоминания о Хивинском походе» Н. Н. Головачева[99]; «В Туркменской степи (Из записок черноморского офицера). 1870—1873 гг.» С. А. Гунаропуло[100] и ряд других.

В них с той или иной степенью полноты освещена организация похода, его причины, движение и действия отдельных отрядов и т. д.[101].

Остановимся, например, на дневнике одного из типичных представителей царского офицерства Д. Г. Колокольцева[102] «Экспедиция в Хиву в 1873 году», в котором описываются действия главного Туркестанского отряда. Дневник содержит большой фактический материал. Сообщается о делегации г. Шурахана и некоторых родов с просьбой о покровительстве России. Известный выход дает автор дневника и своим верноподданическим чувствам[103].

Иначе объясняет эти же события другой очевидец — В. А. Полторацкий[104], состоявший при штабе Кауфмана. Он также последовательно останавливается на движении Туркестанского отряда из Ташкента вплоть до занятия Хивы. Особенно полно освещается трудный этап похода — отрезок пути от колодцев Адамкрылган к берегам Амударьи. Действия Кауфмана рассматриваются В. А. Полторацким критично. Он сообщает об обстоятельствах, которые едва не привели весь отряд к гибели[105]. В записках дается также картина тяжелой изнурительной солдатской службы в царской армии.

Воспоминания Полторацкого вызвали в свое время широкую полемику. Их называли «совершенно лишенными исторической правды и имеющими анекдотический характер». Автора обвиняли в стремлении очернить основных исполнителей, подчеркнуть и выделить себя[106]. Действительно, В. А. Полторацкий явно не страдал излишней скромностью. Тем не менее никто не смог опровергнуть приведенные им факты негативного характера.

Действия Кавказского отряда описаны в воспоминаниях М. Алиханова-Аварского[107]. В 1879 г. они были напечатаны в номерах «Русского вестника»[108], а вторично изданы отдельной книгой в 1899 г. в связи с 25-летием покорения Хивы[109].

М. Алиханов-Аварский состоял при главнокомандующем Кавказской армией в качестве офицера для особых поручений, что позволило ему быть в курсе основных событий. Он отмечает оживление, охватившее офицеров царских войск в преддверии выступления, не скрывая, что оно было вызвано, как откровенно пишет автор воспоминаний, тем, что «по обыкновению многие стремились, конечно, в... поход за крестами» (наградами — *Л. Л.*)[110]. Еще одно свидетельство: «Все... с лихорадочным нетерпением ждут не дождутся выступления... все боятся прийти в Хиву к «шапочному разбору»[111], упустить победные лавры[112]. Характерен и такой факт: когда Кауфман уже входил в Хиву через Хазараспские ворота, генерал Веревкин предпринял штурм Шахабадских ворот города, фактически уже признавшего себя побежденным. Настолько сильными были честолюбивые стремления военных службистов приписать себе честь занятия столицы ханства[113]. Воспоминания подтверждают, что вся тяжесть борьбы за новые территориальные приобретения правящих кругов империи ложилась на плечи русских солдат[114].

Привлекает внимание изложение обстоятельств бегства и последующего возвращения хана Сейид Мухаммед Рахима и неудачной попытки его брата Атаджан-тюри, придерживавшегося прорусской ориентации, воспользоваться этим для захвата престола.

В воспоминаниях М. Алиханова-Аварского освещаются действия военного командования царских войск, сопровождавшиеся насильственной реквизицией у местного населения верблюдов — основного средства транспортировки. Население, наученное горьким опытом, «бросило обыкновенные места своих аулов вслед за первыми известиями о намерении... двинуть к пределам Хивы новый отряд из Мангышлака и удалилось за сотни верст от нас, частью на окраину полуострова, к Кайдакскому заливу, а частью на Устюрт, к хивинским пределам»[115]. Хивинские войска не оказывали сопротивления. Крепости оставлялись ими без боя. Так, был оставлен Мангит[116], Ходжейли — «довольно значительный город обнесен с трех сторон глинобитным валом с рвом впереди, а с четвертой южной стороны омывается широким каналом, проведенным из Аму-Дарьи. Очевидно, хивинцы не думали оборонять и этот город, так как они не только не исправили сильные повреждения городской ограды, но даже не напустили воды в ров...»[117] В описании экспедиции против иомудов рассказывается о действиях отряда Головачева[118–119]. Не ограничиваясь изложением военных событий, Алиханов дает и общую краткую характеристи-

ку населенных пунктов и городов[120] (Ходжейли, Кунград, Мангит, Хива), местных достопримечательностей, архитектурных памятников, этнографических особенностей населения, бытового уклада, местной агрокультуры. Кроме того, он пытается анализировать социально-экономические и политические отношения в ханстве[121]. Сообщается о рабстве и жестоком обращении с рабами[122]. Естественно поэтому, что «персияне... бегут от своих хозяев и массами являются в наш лагерь, несмотря на то, что хивинцы из предосторожности держат их последнее время на цепи, под строгим присмотром»[123]. Приход русских войск в Хивинский оазис сопровождался стихийным освобождением рабов[124].

В 1875 г. в связи со вспыхнувшим в 1873 г. крупным народным восстанием в Кокандском ханстве против Худояр-хана организуется новая военная экспедиция, лишившая Коканд независимости. Эти события получили отражение в дневнике начальника Наманганского уезда Ферганской области П. Аверьянова[125], в воспоминаниях полковника М. Михайлова «Поход в Коканд в 1875 году»[126] и «Объяснении покорения ханства Кокандского. 1875—1876 гг.» М. Д. Скобелева[127]. В основном все они ограничиваются освещением военных действий.

В конце 70 — начале 80-х годов XIX в. царизм предпринимает две ахалтекинские экспедиции. Первая из них, 1879 г., закончившаяся неудачей, описана В. А. Туган-Мирзой-Барановским «Русские в Ахал-теке»[128], Г. З. Демуровым «Бой с текинцами при Денгиль-Тепе 28 августа 1879 г. Рассказ очевидца»[129] и С. Кодинеца «Неудавшаяся экспедиция»[130].

Наиболее полно и подробно описывает происходившее В. А. Туган-Мирза-Барановский[131]. Он излагает обстоятельства снаряжения экспедиции, ее ход и характер, причины неудачи. В. А. Туган-Мирза-Барановский придерживается официальной, заведомо тенденциозной версии причин продвижения царской России в Средней Азии[132]. Экспедиция готовилась весьма тщательно[133]. В армии не верили в возможность серьезного сопротивления противника, поэтому неудача предпринятого штурма крепости и последующее отступление трактуется мемуаристом как явление случайное[134]. Действительной же причиной, вынудившей царское командование отвести войска, явилось героическое сопротивление туркменского населения, его решимость до конца бороться за свою независимость[135]. Большое внимание уделяет автор описанию трудностей степного перехода и устройству опорных военных пунктов[136]. Мемуары хорошо аргументированны, хотя и содержат некоторые неточности[137]. Они дают также представление о географическом положении оазиса, его природных ресурсах, занятиях и быте населения, его численности, племенном и родовом делениях.

Вторая ахалтекинская экспедиция (1880—1881 гг.) описана в следующих источниках: «Воспоминания невоенного человека об Ахалтекинской экспедиции» Н. Кончевского[138], «Завоевание Ахал-Теке» А. Н. Маслова[139], «Очерки боевой жизни Ахалтекинского отряда 1880—1881 гг.» К. Гейнса[140], «М. Д. Скобелев в Ахалтекинской экспедиции 1880—1881 гг.» А. Ф. Арцишевского[141], «Поход на Амударью и в Текинский оазис уральских казаков в 1880—1881 годах» А. Л. Гуляева[142], «В Ахал-Теке» И. Муравьева[143], «Покорение Ахал-Теке. Из записок полковника Н. Н. Сполатбога»[144], «От Тифлиса до Денгиль-Тепе» А. Ржевусского[145], «Ахалтекинская экспедиция генерала Скобелева в 1880—1881 гг. Из воспоминаний доктора» А. В. Щербака[146], «Экспедиция против ахал-текинцев в 1879—1880 и 1881 гг. Исторический очерк очевидца и участника» В. Шаховского[147], «Год в песках. Наброски и очерки ахалтекинской экспедиции 1880—1881 гг. (Из воспоминаний раненого)» А. А. Майера[148]; «Рекогносцировка Скобелева (Рассказ очевидца)» А. Верещагина[149], «В Закаспийской области. Воспоминания о Михаиле Дмитриевиче Скобелеве врача, 1879—1881 гг.» О. Ф. Гейфельдера[150].

Широкой осведомленностью автора отличаются записки А. Н. Маслова[151]. Это — типичное произведение военного мемуариста[152]. Вместе с тем Маслов не может не признать, что при осаде Геок-Тепе текинцы вынуждены были оставлять свои поселения, бросать посевы, огороды и сады[153]. Подробно описано дальнейшее движение экспедиционного отряда к крепости Геок-Тепе[154], ее осада и последующий штурм. Приложен план осады, где подробно указаны расположение осаждающих частей, опорных пунктов, траншей с их профилями, профилей крепостных стен.

Автор не в силах также умолчать о мужестве текинцев, их героизме и бесстрашии, упорной защите ими крепости: «Несмотря на жестокий огонь, текинцы и здесь выказали редкое мужество, производя под гранатами исправления бреши»[155]. «Не раз приходилось видеть, как вслед за падающей гранатой мелькала текинская лопата с землей; другие совершенно открыто бежали по парапету, спускались и заделывали пробоины хворостом, каменьями и плетеными корзинами, наполненными землей»[156]. Они дрались с беззаветной храбростью и достойным уважения упорством. И эта храбрость была тем более достойна, что надежда на победу почти исчезла: непобедимая дотоле крепость должна была скоро пасть.

Эти свидетельства Маслова, помимо воли автора, служат еще одним обвинительным актом против колонизаторской политики царизма.

После взятия крепости было обнаружено, что «кроме толстой наружной стены» внутри ничего не оказалось. «Все остальное представляло совершенно ровную площадь..., на которой было

установлено около десяти тысяч кибиток. И этот кусок голой земли, совершенно не закрытый от разрушительного действия навесного огня, текинцы геройски защищали в течение двадцати трех дней»[157].

Вылазки текинцев из крепости породили «сомнение в возможности благополучного исхода дела, и даже мысль об отступлении»[158].

А. Маслов описывает далее занятие Асхабада и ряда других пунктов оазиса, которое происходило уже в основном мирным путем[159]. Он приводит тексты некоторых документов, что усиливает достоверность воспоминаний. Определенный интерес представляют сведения об административных мероприятиях царских властей в отношении местного населения, осуществлявшихся в процессе присоединения.

Из заслуживающих внимания фактов последующего периода Маслов упоминает о сделанном туркменскими племенами сарыками и салорами заявлении о желании вхождения в состав России, а также характеризует общую настроенность населения[160].

В воспоминаниях отрядного врача А. В. Щербака[161] сообщается о злоупотреблениях подрядчиков интендантского ведомства, которые обсчитывали «верблюдовожатых», кормили их впроголодь, обманывали и т. д. Что же касается властей, к которым обращались обиженные туркмены, то те смотрели на все «сквозь пальцы, подвергая зачастую обиженных грубому обращению»[162]. Система организации доставки верблюдов, отдававшейся на откуп подрядчикам, открывала широкие возможности для злоупотреблений, что отрицательно сказывалось на доставке продовольствия и снаряжении войск[163].

Наступление в глубь оазиса вынуждало жителей покидать свои поля, посевы и жилища, что было временным фактором. А. В. Щербак в своих мемуарах указывает на долговременный фактор — разрушение производительных сил. Это свидетельствовало о пренебрежительном отношении царской военной администрации к проблемам природных ресурсов страны. Уничтожались огромные площади древесной растительности, использовавшейся для изготовления телеграфных столбов. «Странная расчетливость! — писал А. В. Щербак, — Сохранить десятка два тысяч рублей, а взамен этого обезлесить берег единственной речки в этой части пустыни и тем подвергать ее высыханию, уничтожая таким образом и жизненность края...»[164].

А. В. Щербак также приводит примеры героической обороны крепости, мужества ее защитников[165]. Вместе с тем мемуарист подчеркивает, что чуждые озлобления против побежденных простые русские солдаты были человечными и великодушными. Данное обстоятельство отмечают в своих воспоминаниях и Маслов, и Майер.

Обилием фактического материала отличаются записки В. Шаховского[166] «Экспедиция против ахал-текинцев в 1879—1880 и 1881 гг.». Он подробно освещает организацию, ход, характер экспедиций, причины неудачи первой из них. Перечисляет важнейшие рекогносцировки русских отрядов в 70-х годах[167]. Шаховской подчеркивает явное техническое превосходство царских войск, подробно характеризует вооружение текинцев, отмечая его примитивность, отсутствие необходимых при обороне орудий. Примечательно следующее высказывание: «Несмотря на ничтожество своей артиллерии, текинцы... отменно пристрелялись по нас и могли попадать почти на выбор. Жутко пришлось бы нам, если бы неприятельские снаряды были разрывные»[168].

Отмечая губительность артиллерийского огня для осажденных, автор пишет: «главным образом артиллерия способствовала быстрому падению Геок-Тепе...»[169] Заслуживает также внимания сведения о попытках царской администрации привлечь на свою сторону местных богатеев. Так, говорится о том, что Тыкма-Сердару, возглавлявшему оборону крепости, была возвращена бóльшая часть его богатств, а сам он впоследствии удостоен чина майора[170].

Воспоминания В. Шаховского дополняют свидетельства других очевидцев о характере бедствий, которые несла с собой война. Помимо опустошения основного пути осуществлялись фуражировки в различные пункты оазиса. В таких случаях «забирали в аулах все кибитки, разбирали сакли и дерево увозили к себе в лагерь; из частей кибиток у нас выходило прекрасное топливо; их же мы употребляли на устройство гатей, мостов и частью на туры и фашины для осады... Когда мы выходили из очищенных нами аулов, то женщины возвращались в них и, конечно, находили там одни развалины»[171].

В большей степени детализированы действия военной администрации после взятия Геок-тепе[172], возвращение жителей и т. д.[173] Подробно останавливается Шаховской на противоречивой личности М. Д. Скобелева и его биографии, приводит выдержки из личных бумаг Скобелева, связанных с Ахалтекинской экспедицией[174].

М. Д. Скобелеву посвящены записки А. Ф. Арцишевского «Михаил Дмитриевич Скобелев в его письмах и распоряжениях во время Ахал-Текинской экспедиции, 1880—1881»[175].

В 1904 г. были изданы «Закаспийские воспоминания»[176] М. Алиханова-Аварского. Они являются единственным свидетельством очевидца о событиях, связанных с мирным присоединением Мерва к России и генгешем 1 января 1884 г., провозгласившим присоединение. Правда, для воспоминаний характерна крайне субъективная позиция автора. Так, первую поездку в Мерв он

рассматривает как собственную инициативу, что не соответствовало действительности[177]. Рапорт полковника Муратова[178] свидетельствует о том, что вопрос о миссии Алиханова в Мерв был решен командованием в Асхабаде[179].

Алиханов приписывает себе заслугу принятия генгешем решения о присоединении Мерва к России, как и сам созыв генгеша. Внимательное ознакомление с воспоминаниями показывает, что вопрос о присоединении Мерва к России был решен самими туркменами.

Описанию присоединения Мерва предшествует изложение событий в ретроспективе. Автор рассказывает о возникновении Асхабада, ставшего военно-административным центром округа. Подробнее, чем другие очевидцы, он останавливается на бедственном положении текинцев, которые, «потеряв под Геок-Тепе весь свой скот, все свои запасы и имущество... не успели засеять своих полей и, лишенные поэтому каких бы то ни было жизненных запасов, голодали буквально всем народом»[180].

Меры, принимавшиеся администрацией, были явно недостаточны, и «смерть начала жестоко опустошать текинские аулы, в особенности, когда к голоду присоединилась зима, застигшая народ почти без крова и топлива...»[181]. Однако эти бедствия текинцев описываются Алихановым отнюдь не из чувства сострадания к побежденным. Происходившее воспринималось им как неизбежный результат сопротивления туркменских племен.

В начале февраля 1882 г. решено было послать в Мерв торговый караван для сбора подробных сведений о стране. В инструкции Алиханову, сопровождавшему караван как секретное лицо или агент, подтверждалось, что «поставленные задачи сводились к подробному описанию пройденных путей, ко всестороннему исследованию Мервского оазиса, с нанесением всего виденного на карты, планы и маршруты, и, наконец, — к собиранию расспросных сведений обо всем, что имеет какое-либо отношение к Мерву и может представить интерес в отношении научном и специально-военном»[182]. Алиханов подробно описывает снаряжение каравана, его участников, принятые меры предосторожности, маскировки, достигнутые результаты[183].

Более подробно освещена в воспоминаниях Алиханова его вторая поездка в Мерв, непосредственно связанная с проведением генгеша, провозгласившего присоединение Мерва к России. Описанию этому предшествуют включения в изложение нескольких исторических компиляций о Мерве, взятых в основном из публикаций венгерского ученого, языковеда-тюрколога и этнографа Арминия Вамбери. Автор пытается проанализировать внутреннее политическое и социально-экономическое положение Мервского оазиса накануне присоединения его к России, однако сопровождает описания нигилистическими рассуждениями относительно

моральных качеств местного коренного населения[184]. Эти клеветнические измышления как бы оправдывают колонизаторские действия царизма[185].

Отмечаются попытки соседних государств подчинить Мерв своему влиянию. Алиханов пишет, что «эмиссары из Афганистана шныряли по стране с целью подготовить народ к признанию власти своего эмира...»[186], упоминает о подобных попытках со стороны Персии, откуда был прислан специальный представитель; миссия его, впрочем, как и остальных, потерпела фиаско[187]. Сообщается и о пропаганде корреспондента «Daily News»[188] О'Донована, ставленника хивинского хана Атаджан-бая (Бабаджан-бая), не имевшей успеха[189–190].

Много сведений приводит Алиханов о подготовительной работе по созыву генгеша, рисует яркую картину этого всенародного форума, решившего судьбу оазиса.

Присоединение Мерва обусловило переход в подданство России в мае 1884 г. Иолатани и Серахса. Обстоятельства этого перехода также отражены в воспоминаниях Алиханова[191].

Определенное внимание уделяет мемуарист и мероприятиям царских властей по устройству вновь присоединенных земель, в частности отмене рабства и работорговли. Однако данные о количестве освобожденных рабов противоречивы[192].

Нашли отражение в воспоминаниях М. Алиханова русско-английские взаимоотношения[193].

При всей субъективности позиции автора эти мемуары содержат некоторые сведения из истории Средней Азии рассматриваемого периода.

Присоединение Мервского оазиса к России вызвало бурную реакцию в Англии. Наиболее агрессивные круги призывали к немедленной войне[194]. Вопрос о северо-западных границах Афганистана все еще не был решен, и правящая верхушка Англии попыталась использовать этот факт в своих целях. В район Кушки были стянуты афганские войска и спровоцировано русско-афганское столкновение. Эти события воспроизведены в воспоминаниях А. Кузьминского «Кушкинский бой 18 марта 1885 г.»[195], В. Прасолова «Мургабский поход 1885 г., завершившийся боем с афганцами 18 марта»[196], А. Баландина «Поход на афганцев и бой на Кушке (1885)»[197], Н. В. Чарыкова «Мирное завоевание Мерва (Из воспоминаний о походе генерала А. В. Комарова в 1885 г.)»[198]. Фактическая сторона событий освещена в этих мемуарах достаточно подробно.

В конце 80 — начале 90-х годов XIX в. центр тяжести англо-русского соперничества переместился на Памир[199]. Решение «памирского вопроса» затянулось до 1895 г. События этого периода освещены в мемуарах Б. Л. Рустам-бека Тагеева — «Памирский поход. Воспоминания очевидца»[200], «Русские над Индией. Очерки

и рассказы из боевой жизни на Памире»[201] и «В заоблачной стране. Очерки и рассказы из жизни в Фергане и на Памире и воспоминания участника о Памирских походах с 1892—1895 гг.»[202]. По характеру изложения они близки рассмотренным выше мемуарным источникам.

Сравнительно полно англо-русские отношения в 1884—1891 гг. отражены в дневнике русского военного агента в Лондоне С. С. Бутурлина[203].

В большинстве мемуарных источников описываются боевые эпизоды и военные кампании. Относительно подробные сведения о внутренней организации войск, действовавших в Туркестане, содержат воспоминания Н. А. Наследова[204]. Записки не предполагались к публикации, поэтому им свойственны непоследовательность в изложении, неточности в датировке, в местных географических названиях.

Привлекают внимание описания встречи с Абдурахман-ханом, жившим в изгнании под Самаркандом, инсценировки его побега в Афганистан, прибытия в Ташкент афганского посольства, ответного на миссию Столетова. Приводится характеристика среднеазиатских городов — Туркестана, Самарканда, Кунграда, Хивы[205]. Даются портретные зарисовки, а также сведения биографического характера о лицах высшей царской администрации в Туркестане[206]. Так, о генерал-губернаторе Вревском Наследов пишет, что после своего предшественника «Вревский представляется самой смешной карикатурой»[207]. Определенное внимание уделяется вопросам военной организации[208]. В основном же воспоминаниям Н. А. Наследова свойственна отрывочность сообщаемых сведений.

Анализ рассмотренных нами мемуаров позволяет сделать вывод, что все они написаны активными сторонниками завоевательских действий царизма в Средней Азии. Тем не менее в отличие от официозного направления дворянско-буржуазной историографии (ярко представленной, в частности, книгами военного историка Н. И. Гродекова) с ее предельно великодержавными и урапатриотическими настроениями, некоторые из мемуаристов рисуют процесс завоевания Средней Азии более правильно и реалистично. В воспоминаниях отсутствует описание «триумфального шествия» царских войск и «торжественных встреч». Об упорном сопротивлении царским войскам свидетельствует, например, такой факт: некоторые пункты царским генералам приходилось штурмовать дважды (Ак-Мечеть, Чимкент, Ташкент, Джизак). Упорными были бои за овладение Ходжентом, Уратюбе, Самаркандом. Поход к Геок-Тепе проходил в постоянных схватках с текинцами. И хотя описываемые картины героического сопротивления и мужества среднеазиатских народов должны были в трактовке мемуаристов оттенить лишь

«заслуги» самих колонизаторов, эти факты представляют объективную ценность как исторические свидетельства.

Мемуары представителей демократических кругов русского общества второй половины XIX в.

Имеется небольшая, но представляющая определенную ценность группа памятников мемуаристики, принадлежащая представителям прогрессивно настроенных кругов русского общества, в той или иной мере вскрывающим колонизаторскую сущность действий царизма в Средней Азии.

Несомненный интерес представляет дневник носителя взглядов русской революционной демократии М. С. Знаменского[209]: «От Омска до Аулы-Эты» (Аулиеаты), летучие записки воинственного, но не военного господина»[210]. В дневнике описывается военная экспедиция генерала М. Г. Черняева, выступившего в начале мая 1864 г. из Верного на кокандские крепости, расположенные в Чуйской долине. Автор дает оценку целям экспедиции, приводит данные, характеризующие методы подчинения царизмом местного населения, в частности, использование родовых распрей, подстрекательства, поддержки и противопоставления одних правителей родов другим, натравливание различных родов друг на друга. Показательна запись судебного процесса, организованного М. Г. Черняевым во время стоянки у Мерке с 24 по 28 мая. Разбирался спор по взаимной баранте между казахами и киргизами с участием их биев и манапов. Дневник М. С. Знаменского дополняет альбом рисунков[211], в котором содержится множество ценных, интересных материалов по истории и этнографии современных Киргизии и Казахстана.

Дневник М. С. Знаменского является примером живого и критического восприятия автором происходившего, стремления разобраться в истинных его причинах.

Яркие воспоминания оставил выдающийся русский художник В. В. Верещагин[212], принимавший в 1868 г. участие в самаркандских событиях. Свои впечатления он отразил в ряде произведений: «Самарканд в 1868 г.» («Русская старина», 1888, № 9, 11, 12), «Из воспоминаний о походе под Самарканд в 1868 г.»[213], а также особый очерк в книге, выдержавшей при жизни художника два издания — «Дома и на войне»[214] и «На войне в Азии и в Европе. Из воспоминаний художника В. В. Верещагина»[215]. Описания однотипны, их отличают лишь небольшие отклонения в зарисовке деталей. Автор подробно излагает причины, побудившие Кауфмана оставить Самарканд, передает общую напряженную обстановку в городе. Царские офицеры не церемонились с солдатами, «серой скотинкой». Характерный эпизод: «Вижу в самой

середине Назаров, раскрасневшийся от злости, бьет солдат наотмашь шашкою по затылкам, понуждая идти вперед, но те только пятятся»[216]. Живые и образные картины, воссоздаваемые автором, говорят о чуждости интересов царизма широкой солдатской массе. На восьмой день осады царские войска стали подступами у Самарканда. Кауфман отдал приказ «примерно наказать город»[217].

В. В. Верещагин подробно характеризует оставленные в Самаркандской цитадели царские войска, оборонительные сооружения города, говорит об упорстве осаждающих крепость самаркандцев: «Эти беспрерывные нападения действовали, видимо, удручающим образом на солдат, тут и там повторявших, что и видно всем тут лечь»[218].

Как контраст с официальной версией о присущих Кауфману свойствах человека добросердечного свидетельства Верещагина говорят о хладнокровной жестокости военачальника и администратора.

Ценность воспоминаний В. В. Верещагина и заключается прежде всего в правдивости описания виденного и осуждении им (при всей противоречивости и непоследовательности его мировоззренческих взглядов) войны как таковой, ее ужасов, что нашло необычайно яркое выражение в творчестве художника[219].

Удобным предлогом для продвижения царских войск служили случаи «баранты»[220]. Характерны воссоздаваемые художником картины разрушения.

В воспоминаниях прогрессивно мыслившего А. А. Майера[221], опубликованных в 1886 г., «Год в песках. Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880—1881 гг. Из воспоминаний раненого»[222], даны небольшие зарисовки, наброски отдельных боевых эпизодов с июня 1880 по 12 января 1881 г. и прослеживается путь экспедиционного отряда от Чикишляра до Геок-Тепе.

Отвергая господствующую точку зрения на «цивилизаторскую миссию» царской России, А. А. Майер гневно восклицает: «Бог с ней, с этой цивилизацией, когда она распространяется при помощи картечи и штыка и выражается созданием становых, урядников и кабаков!...»[223].

Книга содержит многочисленные примеры храбрости «текинцев», их неустрашимости и готовности защищать свою землю. Автор пытается уяснить причины, способствовавшие продвижению царских войск по территории современной Туркмении. Среди туркменских племен не было единства. Крупные племенные объединения враждовали между собой, что было на руку царизму. Примечателен факт наличия в составе экспедиционного отряда представителей туркменского племени иомудов: «...у задней стенки отдельной группой сидят джигиты-туркмены, из... которых резко выделяется своей наружностью старшина Нефес Мерген с

4 георгиевскими крестами на халате... Нефес Мерген племени иомудов и... ненавидит текинцев... Текинцы платят ему той же монетой...»[224].

Отсутствие тенденциозности, непритязательность и простота в изложении делают воспоминания А. А. Майера одним из интересных источников по истории второй ахалтекинской экспедиции.

Ценные сведения о настроениях широкой солдатской массы во время этой же экспедиции дает неопубликованный дневник[225] Михаила Ивановича Дороша, младшего фельдшера, прикомандированного к третьей легкой батарее 19 Артиллерийской бригады.

Дневник предваряет письмо М. И. Дороша родным со сведениями, относящимися к выступлению кавказского отряда. Непосредственно содержание дневника составляет синтезированное автором восприятие всего виденного и пережитого.

Как человек наблюдательный Дорош смог передать интересные детали, касающиеся экспедиции. Отражены основные моменты, составившие общую картину событий: движение отряда, занятие различных укреплений, осада Геок-Тепе, действия штурмовых колонн. Однако следует отметить, что эти сведения не достаточно точные. Наряду с описанием собственных впечатлений, использованы рассказы других очевидцев, прежде всего в описании штурма Геок-Тепе. Подробно детализируются будни солдат, их снаряжение. В изложение включены тексты солдатских песен, отразившие тяжелое положение простых солдат, ценою крови которых добывалась военная слава и одерживались победы[226]. Такова песня воина ахалтекинского отряда, рассказывающая о лишениях и испытаниях, выпавших на долю простых солдат.

В дневнике содержатся высказывания, отражающие отношение русских солдат к населению Ахалтекинского оазиса: «...несмотря на то, что неприятель, а все-таки печально смотреть, как видно из покинутых имуществ народонаселения бедного состояния живут в кибитках и очень порванных»[227].

Дневник М. И. Дороша, пожалуй, единственный пока из дошедших до нас мемуарных источников, освещающих историю военных экспедиций в Среднюю Азию, который написан выходцем из простого народа. Конечно, дневнику присущи некоторые шероховатости, особенно в стиле и характере подачи материала; есть в нем и элементы «красивости», сентиментальности. В основном же он представляет определенный интерес, прежде всего в связи с содержанием в нем социальных мотивов.

Таким образом, мемуарные источники подтверждают, что предпринятое в широких масштабах царизмом и правящими кругами России продвижение в глубь Средней Азии пришлось по душе и значительной части командного состава царской армии, для которого война была ремеслом, обещающим новые почести и награды.

Свидетельства мемуаристов проливают дополнительный свет и на причины, по которым среднеазиатские ханства не могли оказать достаточного сопротивления вооруженной экспансии царизма. Находясь в состоянии средневековой отсталости и застоя не только в сфере экономики, но и по уровню военной организации, допотопному вооружению, слабой технической оснащенности, они не были в состоянии устоять перед натиском царской армии, имевшей опытный офицерский состав, владевшей техническими достижениями, хорошо обученной, дисциплинированной и организованной.

Положение осложнялось феодальной раздробленностью ханств, междоусобными войнами, постоянной борьбой за власть различных феодальных группировок, забитостью угнетенного населения, видевшего в ханских и эмирских властях своих жестоких притеснителей.

Суть, атмосферу событий отражают рисуемые современниками картины бедствий, которые несла с собой война.

Мемуарные источники свидетельствуют также о разноречивости мнений по среднеазиатскому вопросу в среде самого русского общества. Демократически настроенные круги при всей порой непоследовательности в осмыслении происходивших событий все же давали реалистическую оценку военным действиям царских войск, обнаруживали понимание колонизаторской сущности действий царизма в Средней Азии и закономерности права коренного населения края на свободное и независимое существование вопреки господствовавшей тогда в России официальной трактовке «цивилизаторской миссии» царизма и его вооруженных сил.

Приведенные в ряде мемуаров факты опровергают парадные, не в меру приукрашенные сообщения ряда официальных источников[228] (например, различных донесений) о занятии населенных пунктов, жители которых якобы оказывали самый восторженный прием царским войскам и командирам, встречали их «со слезами благодарности» и т. д.

В целом обращение к этой группе мемуаров при всей их разнозначности и часто внутренней противоречивости, нечеткости оценок и т. д. дает историкам ценный дополнительный материал для все более глубокого качественного и всестороннего изучения и анализа событий, связанных с процессом вхождения Средней Азии в состав России.

К сожалению, авторы изучаемых нами источников практически не уделили внимания такому важному факту, как тяготение населения отдельных регионов (Казахстан, Киргизия и др.) к добровольному присоединению к России, что сыграло важную роль в жизни народов Средней Азии.

Глава II

ЗАПИСКИ И ДНЕВНИКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Записки представителей научной общественности России в Средней Азии

Ценнейшие материалы — наблюдения за бытом, общественным укладом, политической жизнью среднеазиатских народов содержат многие записки и дневники путешественников.

В первую очередь среди них следует выделить записки участников различных научных экспедиций[1]. Таковы опубликованные в 1897 г. по материалам дневниковых записей[2] мемуары П. П. Семенова[3] «Путешествие в Тянь-Шань»[4], в основу которых легло его путешествие, совершенное в 1856—1857 гг.[5]

Помимо чисто географического описания районов, которые посетил автор, он уделяет внимание и социально-экономическим вопросам, и быту населения этих районов. Подробно излагаются результаты наблюдений за хозяйством и бытом казахов и киргизов — обитателей Тянь-Шаня. Особый интерес представляют сведения из истории киргизских племен, отображающие эпизоды продолжительной кровавой распри между двумя соседними племенами сарыбагишей и бугинцев на территории бассейна оз. Иссык-Куль, вызвавшей разрушение производительных сил региона, страдания и гибель населения. Описывая тяжелые последствия этой вражды, автор тем самым подчеркивает положительную сторону присоединения Киргизии к России, положившего конец такого рода распрям.

П. П. Семенов прослеживает пути, по которым шло присоединение. С одной стороны, он указывает на то, что население непосредственно обращалось к русским властям с просьбами о покровительстве, с другой — на случаи открытого военного вмешательства представителей царской администрации во внутренние дела киргизских племен. Будучи гуманистом, П. П. Семенов отрицал правомерность подобного рода насильственных методов.

Мемуары содержат также сведения о первых переселенцах Заилийского края, о зарождении и развитии г. Верного. Описаны археологические находки на побережье оз. Иссык-Куль[6].

Фактический материал, собранный выдающимся русским ученым, имеет большое значение как важный источник для осмысления ряда предпосылок присоединения края к России.

Дальнейшая история отношений сарыбагишей и бугинцев нашла отражение в мемуарах другого крупного русского ученого Н. А. Северцева[7] — в его «Путешествиях по Туркестанскому краю и исследовании горной страны Тянь-Шань», изданных в 1883 г.[8]

В основу воспоминаний легли дневники трех из семи экспедиций, совершенных Северцевым в течение 23 лет. Первая из них — поездка в низовья Сырдарьи — начальный этап его исследований Средней Азии, две другие — «Зачуйская» (1865—1866) и «Туркестанская»относятся ко второму этапу — изучению Тяньшаньской горной системы.

Помимо описания работ по изучению естественных ресурсов края[9], представляющих основную цель экспедиции, мемуары содержат ряд сведений и по его истории, этнографии, экономике. В частности, во время Зачуйской экспедиции Н. А. Северцев обратил внимание на тот факт, что район Чимкента является самым густонаселенным и культурным, житницей бывшего Ташкентского владения, поставляющей пшеницу в Аулиеата, Туркестан и Ташкент. Заинтересовался ученый и развитием местного хлопководства, сделал попытку уточнить северную границу разведения хлопчатника в Средней Азии[10]. Получили отражение в книге и сведения о возделывании других культур, промыслах населения, о развитии шелководства, пчеловодства[11]. Н. А. Северцев сообщает о торговле с Кашгаром и Кокандом, описывает города Кокандского ханства, особенности местного быта.

Н. А. Северцева интересовали пути хозяйственного освоения Средней Азии. Он разработал обширные планы развития «благосостояния» районов в области ирригации, освоения земель, организации транспортных средств и речного пароходства. Одно из основных условий такого развития, по мнению ученого, «чтобы эти места были свободны и колонизация прошла без стеснения коренного местного населения»[12]. Он не оправдывал действия царских властей в Средней Азии и указывал, что «и легко усмиренный бунт оставляет свой вредный след, если поводом к нему было действительное стеснение народа... Власть, возбудившая бунт, например, отнятием земель у населения, и после усмирения бунта в значительной степени теряет свой нравственный авторитет, а такой потерей пренебрегать нельзя»[13].

Северцев указывал, что процесс вхождения киргизских племен в состав России в отдельных случаях носил противоречивый характер. Им описан выход из-под русского подданства части сарыбагишского рода во главе с Умбеталы в 1863 г.

Определенный интерес для изучения истории центральных оседлых районов Туркестана представляет дневник А. К. Гейнса[14]. Записи велись в 1865—1866 гг., когда А. К. Гейнс был причислен к Главному управлению Генштаба для особых поручений и ученых занятий и входил в состав комиссии, назначенной от

министерств военного и внутренних дел для изучения среднеазиатских владений и проектирования законов по их управлению. В процессе работы А. К. Гейнс собрал материал по истории и этнографии народов Средней Азии.

В дневниках[15] приводятся подробные этнографические наблюдения за жизнью и укладом быта населения Средней Азии. Описываются г. Туркестан, Чимкент, Аулиеата, их достопримечательности, особенности их управления до присоединения.

К этому же периоду относится неопубликованный дневник известного натуралиста Ф. Р. Остен-Сакена[16] «Дорожные заметки по путешествию в Среднюю Азию»[17] — о поездке в Ташкент[18] в 1867 г. Основное содержание дневника составляют записи, связанные с ботаническими изысканиями Ф. Р. Остен-Сакена. Приводятся также бытовые зарисовки, данные о социально-политическом и экономическом положении населения, описываются местные достопримечательности, памятники старины, выявляются этнографические особенности различных групп населения. Интересны сведения о торговле хлопком между Бухарой и Россией, снаряжении торговых караванов, направлявшихся на Нижегородскую ярмарку.

С почтовым трактом между Оренбургом и Ташкентом и характеристикой находившихся вдоль него населенных пунктов и прилегающих местностей связано содержание ряда мемуарных источников. Таковы «Путевые заметки по дороге в Ташкент»[19] А. Нисченкова; «Заметки о Ташкенте»[20] А. Ф. Пейтана; «Ташкент»[21] и «От Оренбурга до Ташкента. Путевой очерк»[22] Н. Н. Каразина; «Азиатский Ташкент»[23] Н. А. Маева, «Поездка в Ташкент и Самарканд»[24] П. С. Уваровой и др.

Наибольший интерес среди них представляют описания путешествий П. И. Пашино и В. В. Верещагина.

В 1866 г. востоковед П. И. Пашино[25] был откомандирован в качестве переводчика в распоряжение командующего войсками Оренбургского военного округа[26]. Он был человеком прогрессивных взглядов. В студенческие годы познакомился с Н. А. Добролюбовым, позже сотрудничал в журнале «Современник», близко сошелся с И. И. Панаевым и Н. Г. Чернышевским. В числе друзей П. И. Пашино были Н. В. Шелгунов, братья В. С. и Н. С. Курочкины, Д. Д. Минаев и др.

П. И. Пашино находился в Туркестане непродолжительное время. Уже в июне 1867 г. по распоряжению военного губернатора он был выслан из Ташкента в Оренбург как «человек неблагонадежный и вредный для службы в Туркестанской области»[27].

Солидная научная подготовка П. И. Пашино наложила отпечаток на характер опубликованных через два года в Петербурге путевых заметок «Туркестанский край в 1866 году». Уже с самого момента выхода в свет книга вызвала нападки консерватив-

ной прессы[28], которая по-своему правильно распознала за внешней нейтральностью[29] издания его во многом обличительный смысл.

Книга содержала подробное описание маршрута от Оренбурга до Ташкента. Автор отмечал, что казенные перевозки ложились тяжелым бременем на коренное местное население, которое должно было поставлять лошадей, содержать юрты, заниматься извозом в любую погоду и за ничтожную плату. Единственным эффективным средством воздействия на представителей «низшей расы», по мнению царских чиновников, могло быть лишь применение грубой силы и насильственных мер[30]. Опровергая это мнение, Пашино отмечает трудолюбие местного населения. Его забитость, жизнь в нищете и бесправии автор рассматривает как выражение социальных условий, жестокой эксплуатации со стороны местной верхушки и царских колонизаторов.

Большую ценность представляют в книге этнографические и экономические сведения о Туркестанском крае. Наиболее подробно и обстоятельно написаны последние главы о его природных богатствах, развитии торговли, фабричной промышленности. В разделе «Натуральные богатства страны» сообщается об использовании и переработке продуктов скотоводства, о звероловстве, торговле пушниной, характеризуются ирригационная сеть, методы обработки земель, орудия труда, используемые земледельцами, перечисляются виды сельскохозяйственных культур, районы их распространения. По свидетельству П. И. Пашино, в сельском хозяйстве использовалась наемная рабочая сила, так называемые игунчи (батраки), которые за ничтожную плату следили за посевами в то время как хозяева уходили «вместе со стадами на пастбища»[31]. На полевых работах использовался труд кабальных «киргизов», запродававших по разным обстоятельствам свой труд и свободу на несколько лет вперед. Фиксируются факты имущественного расслоения: «Есть киргизы, владеющие косяками лошадей, состоящими из нескольких тысяч голов, но есть зато и бедняки, не имеющие ни одной лошади»[32].

Вместе с тем с отдельными замечаниями П. И. Пашино трудно согласиться. Например, представляется неправомерной его оценка перехода к оседлости как фактора, результатом которого было лишь усиление нищеты местного населения. Оседлый способ ведения хозяйства, конечно же, является более прогрессивным по сравнению с кочевым.

В разделе, посвященном мануфактурной промышленности, сообщается о производстве хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных тканей, бумаги, кожевенном и мыловаренном производствах, металлических изделиях и украшениях. П. И. Пашино обращает внимание на непосредственную связь между увеличением ввоза русских товаров и падением местной кустарной шелковой

промышленности. Однако вывод об упадке местных ремесел[33], сделанный им, оказался преждевременным. Шелковая кустарная промышленность, как и некоторые другие отрасли, продолжала развиваться благодаря дешевизне рабочей силы, высокому мастерству местных ремесленников, соответствию их продукции национальным традициям и вкусам населения.

Пашино приводит сведения о проникновении капиталистических отношений в натуральный способ ведения хозяйства. Так, в развитии хлопчатобумажной промышленности он наблюдает такие явления, когда предприниматель «раздает» одним семействам очистку хлопка, другим — прядение, третьим — ткачество, четвертым — окраску и т. д., что не «обязывает его ни к устройству помещения для мастеровых, ни к покупке станков, ни к плате за то время, которое рабочие сидели бы без работы»[34]. Отмечается широкое использование женского и детского труда[35].

Постепенное проникновение капиталистических отношений автор иллюстрирует примером развития горнодобывающей промышленности[36].

Определенное внимание в книге уделено торговле. Называются предметы торговли, суммы оборотов, меры весов и длины, соотношения весовых данных с денежными единицами других стран, курсы монет, описываются главные торговые пути, в том числе в Россию, Бухару, Коканд, оттуда в Кашгар, Яркенд, Афганистан, Индию; отдельные транзитные пункты, среди них Чимкент, Туркестан, Ташкент.

П. И. Пашино останавливается и на особенностях жизненного уклада населения, развитии образования, роли мусульманской религии. В главе «Просвещение и духовенство» характеризуется система школьного обучения, отмечается полная подчиненность образования требованиям религии. Автор приводит примеры из мусульманского судопроизводства, подчеркивает огромное влияние мусульманского духовенства на все сферы общественной жизни.

В этнографических наблюдениях привлекает внимание описание положения женщины. Говоря о многоженстве, П. И. Пашино выявляет его социальную подоплеку: «Богатые люди постоянно многоженцы, а народ простой по большей части живет с одной женой всю жизнь»[37].

Все эти сведения дополняются общими материалами о посещенных городах, населенных пунктах и местностях, о крепостных сооружениях, местных достопримечательностях, численности народонаселения, историческими справками[38].

Получили отражение в записках П. И. Пашино также административное устройство края, организация посольств и др.[39]

Сведения, которые приводит П. И. Пашино, свидетельствуют о богатой самобытной культуре местного населения, достаточно высоком уровне ремесленной огранизации производства.

В книге П. И. Пашино дается первое подробное описание Ташкента сразу после присоединения к России.

Труд П. И. Пашино получил признание научной общественности, и в марте 1869 г. он был избран членом-сотрудником Русского географического общества[40].

Следует отметить, что в поле зрения путешественников оказались и многие негативные стороны местного общественного уклада. Особое отражение они получили в записках художника В. В. Верещагина.

Бо́льшую часть путешествия, которое продолжалось два года, художник провел в Ташкенте, Самарканде и его окрестностях. Полученные впечатления легли в основу дневника путешествия «От Оренбурга до Ташкента»[41] и главы «Из путешествия по Средней Азии» в книге «Очерки, наброски, воспоминания», опубликованной в 1883 г.[42] В дневнике подробнее описаны обстоятельства самого путешествия[43], а записки являются воспоминаниями.

Художник описывает торговлю рабами, пути и способы их доставки, преимущественно из Персии, невольничьи караван-сараи, мероприятия русских властей по ликвидации рабства. Чувством глубокого сострадания проникнуты строки, повествующие о тяжелой и безрадостной судьбе женщин Востока.

Особую ценность представляет свидетельство В. В. Верещагина об огромных социальных контрастах в среде городского общества. С одной стороны, довольство и роскошь господствующих классов, с другой — нищенское существование городской бедноты. При описании городских поселений художник обращает внимание на неказистость городских кварталов, в которых приходилось ютиться бедноте. Именно безысходностью судьбы бедняков объясняет Верещагин распространенность такого явления, как опиумокурение. Резкой критике подвергает он институт дервишества, называя многочисленные дервишеские общины «шайками», каждая из которых обирает свой квартал, не стесняясь «прибегать к помощи палки, если не получает добровольных пожертвований»[44]. Но и здесь он отмечает существование социального неравенства между простыми дервишами и мусульманской верхушкой, которая, присваивая основную долю собираемых средств, постоянно обогащалась[45].

Широкие возможности для грабежа населения открывала и система управления. Так, при посещении Ходжикента, отмечая имевший здесь место наследственный характер занятия административных должностей, В. В. Верещагин писал: «При таком порядке управление, разумеется, чисто патриархальное в самом многозначительном смысле этого слова: аксакал и казы на усло-

виях взаимного дележа грабят народ и, сколько мне ни случалось слышать, людей честных в том смысле, как мы это слово понимаем, нелицеприятно, без взяток и поборов судящих и управляющих, между ними нет»[46].

Тяжелое положение народных масс усугублялось низким уровнем производительных сил. Верещагин пишет о примитивности орудий труда, что приводило к значительной потере части сельскохозяйственной продукции в процессе ее переработки, например, при очистке риса[47].

Низкий социальный и экономический уровень жизни приводил к широкому распространению заболеваний: «Очень многие из жителей, чуть не половина, изрыты оспою; у многих на лице и голове следы лишаев и других накожных болезней»[48]. «В случае заболевания, — продолжает Верещагин, — туземец необходимо обратится... к своему доморощенному уста, редко совестливому, а большей частью только берущему деньги и подарки, пользы же не приносящему»[49].

В. В. Верещагин описал также посещенные им населенные пункты, местные кустарные промыслы, народные игры и развлечения.

Мемуарное наследие художника имеет важное значение для характеристики социальных и экономических условий жизни населения Туркестана в начальный период присоединения, когда элементы феодального общественного уклада еще сохранялись в почти нетронутом виде.

Состояние Кокандского ханства в последующие, 70-е годы довольно подробно освещено в записках русского ученого А. П. Федченко[50]. Путешествие в Кокандское ханство он совершил в 1871 г. Первоначальные краткие заметки А. П. Федченко были опубликованы в «Туркестанских ведомостях» за 1871 г.[51] В 1872 г. в «Известиях Русского географического общества»[52] появляются сообщения под заглавием «В Коканском ханстве», которые составили седьмой выпуск общего издания «Путешествие в Туркестан»[53].

Описание ведется в последовательности, соответствующей маршруту[54]. Касаясь политической истории Кокандского ханства, А. П. Федченко сообщает о сложных внутридинастических распрях, междоусобицах, анализирует их причины, сводившиеся к межплеменным и родовым разногласиям, противоречиям между оседлым и кочевым населением, что ослабляло ханство[55].

Большое внимание уделяется отношениям Кокандского ханства с Россией, в том числе торговым, дипломатическим и военным[56]. Приводятся примеры взаимоотношений между Кокандом и памирскими бекствами — Каратегином и Дарвазом, которые ко времени посещения ханства путешественником приняли покровительство Бухары. В книге имеются сведения о бекствах, их

отношениях с соседними государствами, правителях, внутридинастических распрях, положении народных масс, попытках Коканда вернуть бекства в сферу своего влияния[57].

Федченко имел возможность встречаться и беседовать со многими влиятельными людьми. Он сообщает о своей беседе с Музафар-ша, изгнанным правителем Каратегина, дает его портретную характеристику. Примечательна социальная подоплека изгнания: «Музафар-ша, как мне говорили, не пользуется любовью каратегинцев: очень уж деньги любил наживать и этим объясняется, почему он оставил Гарм при первом слухе о прибытии кулябцев: он спешил увезти свои сокровища»[58].

В то же время выводы и характеристики А. П. Федченко не всегда верны исторически. Так, по его словам, Худояр-хан «без особых насилий управляет вот уже восемь лет Коканским ханством с видимыми заботами о благосостоянии своих подданных»[59]. Эта характеристика опровергается фактами. В лице Худояр-хана мы имеем дело, как известно, с одним из самых жестоких, хищных и коварных правителей Востока.

А. П. Федченко касается ряда сторон жизни ханства — экономического состояния, денежного обращения, развития торговли, административного управления, положения народных масс, этнических особенностей и родовых различий.

Тяжесть налогового бремени нередко вызывала народные волнения, находившие, однако, выход в междинастических и межгрупповых разногласиях. Это объясняется политической незрелостью и слабыми представлениями широких масс трудящихся о своих классовых интересах. Так, А. П. Федченко, рассказывая о восстании сохских киргизов весной 1871 г., связанном с казнью претендента на кокандский престол Сейид-хана и его приверженцев, замечает, что «другие, из народа, напротив, говорили мне, что причина восстания не что иное, как поборы сохского правителя, и что ближайшей причиной его был отказ хана назначить в Сох правителя киргиза, а не таджика в виду преобладания киргизов в населении этого округа. Возможно, что правы и те, и другие, т. е. что поборы вызвали недовольство и тем подготовили почву для восстания, затеянного недовольными нынешним ханом»[60].

В книге описаны агрокультура посещенных ученым местностей, характеризуются методы ведения сельского хозяйства, выращиваемые культуры, говорится о постепенном переходе кочевого населения к оседлости. Отмечается использование наемного труда[61], сообщается о системе отходничества, существовавшей в Каратегине[62]. Большой интерес и поныне представляет описание, сделанное А. П. Федченко, местных ремесел и промыслов — бумагоделательного производства в Коканде и шелководства в Ходженте. Путешественник дает общую географическую характерис-

тику ханства, определяет его границы, описывает посещенные города и населенные пункты — Коканд, Ходжент, Шахимардан и др.[63].

Как видим, «Путешествие» А. П. Федченко содержит весьма разнообразный материал, касающийся многих сторон экономической и политической жизни Кокандского ханства и представляет собой один из важных источников для изучения его истории.

Сообщения А. П. Федченко о Кокандском ханстве как бы дополняют дневник переводчика туркестанского генерал-губернатора Ш. М. Ибрагимова[64]. В дневнике отражаются события января—марта 1872 г., связанные с пребыванием в Ташкенте и возвращением в Коканд посольства кокандского хана Худояра во главе с ханским сыном Сейид-Мухаммед-Насыром. В дневнике описаны посольские и внешнеполитические сношения России и Коканда, будни посольства. В деталях расписаны церемонии приемов.

Ш. М. Ибрагимов представляет посольство как «простой» и «дружеский» визит, обычный в междипломатических отношениях России и среднеазиатских ханств. Однако на самом деле это было совсем не так. Активные действия царизма в Средней Азии, потеря Кокандом значительной части ранее принадлежавших ему земель побуждали хана неусыпно следить за планами могущественного соседа, пытаясь в то же время установить «дружеские» контакты. Передаваемое в дневнике содержание бесед членов посольства с туркестанским генерал-губернатором К. П. Кауфманом проливает дополнительный свет на позицию России в решении вопроса о дальнейшей судьбе Кокандского ханства.

Интересны «Дорожные наброски»[65] Ш. М. Ибрагимова. Сопровождая административных лиц, он много ездил по различным районам края, и как человек наблюдательный смог передать многие примечательные особенности посещенных им объектов. Так, Ибрагимов описывает населенные пункты и города — Ходжикент, Нау, Уратюбе, Заамин, Самарканд, местные архитектурные и исторические памятники, приводит маршрутные съемки пройденного пути, сообщает некоторые подробности быта местного населения. Примечательны замечания о несоответствии административного устройства края нуждам населения, о развитии торгово-экономических отношений. Правда, сведения эти носят весьма общий характер.

Ш. М. Ибрагимову принадлежат также публикации «Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах (из записной книжки)»[66] и «Очерки быта киргизов»[67], созданные по результатам личных наблюдений.

Дневники Ш. М. Ибрагимова вошли в состав архива востоковеда А. Л. Куна. Сохранились и отдельные разрозненные днев-

никовые записи самого Куна[68], связанные с его пребыванием в Средней Азии, и в первую очередь в Хивинском ханстве. Они содержат разнообразные сведения, например, о поездке из Петербурга в Туркестан, о Хивинском походе 1873 г., о переезде на судах Аральской флотилии от Кунграда до Чимбая. Отдельные записи относятся к периоду пребывания Куна в Самарканде. Даются бытовые зарисовки, элементы местных обрядов, обычаев местных народностей, в том числе бухарских евреев, описываются памятники старины и зодчества.

Многие наблюдения А. Л. Куна отражены в публикациях: «Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г.» и «От Хивы до Кунграда»[69]. В них даны описания пути с небольшими этнографическими и историческими зарисовками, приведены данные о Хиве, Газавате, Ташаузе, Ильялы, Куня-Ургенче, Ходжейли, Кунграде, Чимбае, Гурлене, Кяте, Шавате, Ханки, Хазараспе и некоторых других городах и населенных пунктах[70] с характеристикой их населения, его образа жизни, занятий, административного управления.

Таким образом, записки и дневники путешественников содержат в совокупности ценнейшие материалы — наблюдения за бытом, жизнью, общественным укладом, современной политической историей среднеазиатских народов. Они качественно разнородны по степени обстоятельности подхода к изложению фактического материала. Тем не менее демократизм взглядов многих авторов нашел отражение в фиксации социальных моментов, в противоположности мнений о местном населении взглядам проводников колонизаторской политики правящих кругов России. Многие из фактических сведений о самобытной культуре, о высоком уровне организации ремесленного производства, опыте торговых сношений местных народов развенчивали шовинистические, узкие, предвзятые суждения официальных апологетов царизма, хотя, как правило, не поднимались выше взглядов либеральных общественных кругов того времени.

Записки путешественников как источник по истории развития капиталистических отношений в Туркестанском крае

В мемуарных источниках содержатся небезынтересные сведения о проникновении и развитии в Туркестанском крае капиталистических отношений — возникновении и деятельности промышленных предприятий, строительстве железных дорог и т. д. Характерны в этом отношении культуртрегерские записки Е. Л. Маркова[71]. Под названиями «В Туркмении (Путевые очерки)»[72], «На Оксусе и Яксарте (Путевые очерки Туркестана)»[73], «Фергана (Путевые очерки)»[74], «Долина Зеравшана (Из путевых очерков)»[75] они были опубликованы в периодической печати, а

впоследствии вошли в общие «Очерки путешествий», вышедшие отдельным изданием в 1901 г.[76]

Интересно проследить эволюцию взглядов Маркова. В 60-х годах он сотрудничал в органе русской демократии — журнале «Отечественные записки»; в начале 70-х годов — в буржуазно-либеральном «Голосе»; в конце 70-х — в полуконсервативной «Русской речи», а в 80—90-х годах — в «Русском вестнике», «Русском обозрении» и «Новом времени». Этим объясняется противоречивость суждений автора. С одной стороны, например, он рассматривает прогрессивное развитие края как положительный фактор, с другой — говорит о неправомерности этого процесса[77].

Заслуживают внимания приводимые Е. Л. Марковым сведения о развитии промышленности, торговли, росте местного капитала, о торгово-промышленном значении ряда среднеазиатских городов.

Рассматривая развитие горнодобывающей промышленности, он подчеркивает перспективность Туркестана в отношении разработки материальных богатств, уделяет основное внимание хлопкоочистительной, шелковой и винодельческой отраслям, описывает хлопкоочистительный завод братьев Ф. и Г. Каменских в Коканде[78]. Марков отмечает, что «очищение хлопка приносит большой барыш хозяевам завода. Расходы на устройство и эксплуатацию его не особенно велики»[79]; сообщает о появлении хлопкоочистительных заводов, принадлежащих местным предпринимателям (хлопкоочистительный завод вблизи Коканда богатейшей московской фирмы Корзинкиных[80], завод Кудрина в Чарджуе, Юговича в Каттакургане, несколько заводов в Бухаре[81]). Указание на то, что «теперь же заводов этих развелось видимо-невидимо» свидетельствует об интенсивном росте данной отрасли промышленности.

Среди предпринимателей-виноделов Е. Л. Марков выделяет Филатова, Иванова и Первушина, сопоставляет данные об их производствах, количестве и качестве вин, ценах на них и т. д. Наиболее подробно характеризуется виноделие Филатова, завод которого автор посетил в Самарканде[82]. Приводятся примеры организации винодельческой промышленности в Мургабском царском имении[83].

Разнообразные сведения сообщаются о развитии шелководства: сортности, ценах, использовании европейской грены, деятельности Ташкентской гренажной станции. Отмечается преимущественный вывоз шелка-сырца в центральные губернии России и незначительность местных предприятий шелковой промышленности[84]. Подчеркивается преобладающий кустарный характер туркестанского шелководства[85], главными «гнездами» которого называются Самарканд, Бухара, Ходжент. Фергана[86].

Помимо Ташкентской гренажной станции Е. Л. Марков характеризует другие «открытые для более удобного сбыта и более детальных исследований» отделения станции в Самарканде, Петроалександровске и Маргилане[87]. Указывая на перспективность развития шелководства, Марков выражает надежду, что «при разумном направлении в будущем этой важной и доходной промышленности Россия совсем перестанет нуждаться в привозном европейском шелке...»[88].

При описании городов Самарканда, Бухары, Чарджуя и Каттакургана Марков сообщает об открытии в Бухаре отделений Московского банка, хлопкоочистительных заводов Штейна, Држевецкого, спичечной фабрики купца Епифанова, кожевенного завода Ибрагимова (в 40 верстах от Бухары), о транспортных конторах («Надежда», «Российское общество», «Лебедь», «Кавказ и Меркурий», «Каспий»). Отмечается высокая степень проникновения русского капитала в Среднюю Азию[89], его активная приспособляемость к местным условиям[90]. Подчеркивается важная роль Закаспийской железной дороги, которая вызвала «к жизни все местности, через которые она прорезалась, могуче двинула вперед все отрасли местной промышленности и создала множество предприятий даже там, где никто не мог их предполагать»[91]. Железная дорога, по мнению автора, оказала большое влияние на рост посевных площадей хлопчатника, вывоз хлопка-сырца из Сырдарьинской и Ферганской областей.

В записках Е. Л. Маркова рассматриваются также вопросы местного землепользования с его классовым расслоением, переходом кочевого населения Сырдарьинской области к оседлому образу жизни. Автор указывает на примитивность орудий труда в сельском хозяйстве, описывает родовой уклад и быт киргизов Алайской долины. Последние сведения в основном заимствованы из книги Н. И. Гродекова «Киргизы и каракиргизы», однако имеются и собственные наблюдения Маркова. Свидетельством глубоко зревшего недовольства низов населения как царской администрацией, так и местной эксплуататорской верхушкой в определенной мере служит сообщение о неспокойном состоянии проезжих дорог и о «разбойнике» Баба-Утузове, или Баба-Гоклене, которому помогало местное население: «высылались не раз для его поимки и казаки, но население скрывало его»...[92]

Е. Л. Марков описывает запустение и разрушение среднеазиатских архитектурных сооружений, указывает на необходимость принятия срочных мер для спасения памятников восточного зодчества. Он констатирует варварское отношение к ханской урде в Коканде, представлявшей «драгоценный памятник туземной архитектуры»[93]. «Урда теперь занята разными военными учреждениями, — отмечает Марков, — которые вообще мало церемонятся с нею...»[94].

Приводимые цифровые данные о развитии производительных сил края взяты из ряда опубликованных официальных отчетов. Вместе с тем наблюдения Е. Л. Маркова, сделанные непосредственно во время путешествий, в некоторой степени расширяют наши представления о крае.

О проникновении капиталистических отношений в Туркестан, в частности в связи с Закаспийской железной дорогой и иными объектами железнодорожного строительства[95], говорится и в других мемуарных источниках.

«...Железнодорожный транспорт, — указывал В. И. Ленин,— самое крупное выражение капиталистического механизма, наиболее централизованно построенное на основе крупной материальной техники и наиболее необходимое для государства, — все это воплощало в себе «...сконцентрированный опыт капитализма...»[96]. Подчеркивая громадную роль железных дорог в развитии русского капитализма вширь, на территории колониальных окраин, В. И. Ленин писал, что «Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию»[97].

Воспоминания о строительстве Закаспийской железной дороги и о Закаспийской области в целом оставил выдающийся геолог и географ В. А. Обручев[98]. Книга «По горам и пустыням Средней Азии»[99] была написана им уже в послереволюционный период. Ее основу составляли события сорокалетней давности, когда В. А. Обручев по окончании курса в Горном институте был прикомандирован «при Закаспийской железной дороге» в качестве «аспиранта» (1886—1888 гг.).

В. А. Обручев сообщает о строительстве дороги, о различии мнений, существовавших в правительственных кругах по вопросу о ее проведении, останавливается на выдвигавшихся проектах, порою совершенно фантастических[100].

Опираясь на богатый и поразительный опыт коренных революционных преобразований во всех сферах жизни в послеоктябрьский период, Обручев проводит интересные сопоставления. Такова характеристика г. Ашхабада, его состояния в дореволюционный период, постепенного роста, развития и превращения в крупный промышленный и административный центр за годы Советской власти. Подобным образом характеризует В. А. Обручев и другие города — Мерв, Серахс, Бухару. Дается также их описание, выявляются особенности, этнографические и социальные отличия групп городского населения[101].

Отдельные записи касаются местных промыслов, в том числе добычи нефти, озокерита, самосадочной соли, причем отмечается их слабое развитие и подчеркивается, что, например, «правильная добыча нефти на горе (Нефтедаг. — *Л. Л.*) была организована только после Октябрьской революции»[102].

В. А. Обручев указывает на перспективность археологических исследований. Он называет некоторые памятники культуры вдоль древнего русла Амударьи — Узбоя.

В воспоминаниях В. А. Обручева события освещаются куда как более достоверно по сравнению с безответственными сообщениями представителя реакционных консервативных кругов — князя Э. Ухтомского[103], книга которого «От Калмыцкой степи до Бухары»[104] была опубликована в 1891 г. и явилась результатом совершенной в 1889 г. поездки «с целью сбора некоторого поэтического материала».

В книге Ухтомского затронуты вопросы строительства дороги[105] и в этой связи рассматривается переселенческий вопрос. Автор выступает как активный противник переселения крестьян из России, не учитывая при этом реальные, социальные корни данного движения. Переселенцы для князя всего лишь бродяги, производящие неблагоприятное впечатление на население края[106]. С другой стороны, он рисует картины, наглядно иллюстрирующие бедственность положения, в котором оказывались зачастую переселенцы[107]. «Пока в Туркестане пристраивается лишь ничтожное число русских — землепашцев... Туземцы и те стеснены количеством плодородной земли»[108].

Автор выражает озабоченность создавшимся положением, но это озабоченность колонизатора о престиже власти, а отнюдь не о бедственном положении переселенцев. «Вправе ли мы, — риторически восклицает Ухтомский, — пока позволять разному сброду, с которым не знаешь, что случится, приходить сюда с семьями, свободно разгуливать, нищенствовать, не брать поденной работы, а требовать земли[109].

Определенное внимание уделяет Ухтомский мусульманской религии, выявляя ее роль и значение, а также институту паломничества[110].

Книга в основном носит сильный налет беллетристики и обильно оснащена историческими экскурсами в прошлое страны, носящими поверхностный, сугубо дилетантский и компилятивный характер.

Ряд сведений о Закаспийской дороге и крае в целом содержится в путевых заметках П. М. Лессара «Заметки о Закаспийском крае и соседних странах. Поездка в Персию, Южную Туркмению, Мерв, Чарджуй и Хиву»[111]; П. П. Семенова «Туркестан и Закаспийский край в 1888 г. по путевым впечатлениям вице-председателя Русского географического общества»[112]; Н. Н. Каразина «На пути в Индию»[112а]; Э. Р. Циммермана «По Закаспийской железной дороге»[113] и «В глубь Азии. Поездка в Самарканд»[114]; Л. Е. Дмитриева-Кавказского «По Средней Азии»[115]; И. Шевченко-Красногорского «От Каспия до Аму-Дарьи»[116] и др.

Закаспийская железная дорога не могла удовлетворить нуж-

ды быстро растущей промышленности России. Поэтому изыскания в области железнодорожного строительства продолжались. Был выдвинут проект соединения Туркестана с Европейской частью России через Оренбург. В 1892 г. снаряжается экспедиция под руководством С. Н. Никитина для изучения возможности сооружения дороги через Устюрт[117]. В 1899 г. после завершения Закаспийской железнодорожной линии были представлены на обсуждение два проекта: Оренбург—Ташкент и Александров-Гай—Чарджоу. Последний предусматривал строительство дороги через плато Устюрт, а затем через Хиву и Бухару по берегу Амударьи до пересечения с Закаспийской линией.

«Для более тщательного выяснения сравнительных преимуществ и недостатков того или иного направления была высочайше учреждена особая междуведомственная комиссия из представителей министерств сообщения, военного и финансов. Эти лица должны были сами проехать по намеченным линиям и на местах собрать все необходимые данные»[118], — записал в своем неопубликованном дневнике один из участников экспедиции, сын великого революционера-демократа Н. Г. Чернышевского — М. Н. Чернышевский[119]. Следует отметить, что еще до обсуждения полученных результатов железнодорожных изысканий в высших инстанциях Ташкента и Петербурга стало ясно, что первый вариант наиболее реален[120]. Одной из многих причин невозможности осуществления проекта Александров-Гай—Чарджоу в то время явились технические условия[121].

Участники упомянутой экспедиции проехали на лошадях и верблюдах 1700 миль по степям и безводным пустыням, в необычайно тяжелых климатических условиях, вызванных ранним наступлением холодов. Содержание дневника М. Н. Чернышевского связано с маршрутной характеристикой пройденных населенных пунктов от Александров-Гая до Чарджоу — начальной и конечной точек изысканий. Среди описанных пунктов такие, как Кунград, Ханки, Ургенч, Хива. Одновременно сообщается о других городах, которые М. Н. Чернышевский посетил, следуя дальше — до Ташкента и Самарканда и на обратном пути в Петербург (Асхабад, Мерв, Ташкент, Самарканд).

Дневник содержит также сведения по этнографии местных народов, о его жизненном укладе, описания памятников старины, сведения по экономике края, торговле, социальных условиях. Заслуживают внимания некоторые замечания о налоговой системе у каракалпаков. М. Н. Чернышевский указывает на неудовлетворительную организацию системы мероприятий, которые способствовали бы устройству быта, образования и медицинского обеспечения местного населения. Так, автор рисует весьма наглядную картину жизни одного кочевника, в доме которого останавливался: «Большое семейство, много детей и все почти

голые, несмотря на холодную погоду, все золотушные...»[122]. С горечью констатирует он далее, что здесь страшно распространены всякие болезни — «ртутную мазь мы уже пораздавали по пути — надо было бы прямо пудами ее захватить сюда»[123].

При этом Чернышевский не всегда верно объясняет этнографические наблюдения. Его поразило, например, однообразие цветовой гаммы одежды жителей Хивинского оазиса: «Все поголовно до самого хана включительно ходят в однообразных простых темно-красных ситцевых (или холщевых) халатах». Это особенно бросалось в глаза при сравнении «с платьем бухарцев, которые щеголяют в самых разнообразных шелковых и атласных халатах»[124]. Автор ошибочно объясняет эту особенность влиянием местной религиозной секты. Тусклость цветовой гаммы одежды хивинцев прежде всего объясняется экономическими условиями края и древними традициями. В Хивинском оазисе, начиная от берегов Аральского моря (Ташауз, Ходжейли, Хива и т. д.), не было развито шелководство, здесь выделывали в основном хлопчатобумажные ткани неярких тонов и сильно лощенные особым способом[125].

В ряде случаев М. Н. Чернышевский ошибается и в датировке исторических и архитектурных памятников. Так, описывая развалины Белеули, он относит их к периоду правления Тимура. По-видимому, датировка памятника записана со слов переводчика. Местное население все сколько-нибудь значительные постройки обязательно связывало с Тимуром. Однако детальное изучение караван-сарая Белеули советскими учеными показало, что он был построен не позднее XII в.[126].

В целом же дневник М. Н. Чернышевского дает нам новые интересные данные, связанные с экономическим освоением района.

Таким образом, условно выделенная нами группа мемуарных источников содержит заслуживающие внимания сведения из истории экономического освоения Средней Азии, проникновения сюда русского капитала, роста железнодорожного строительства и др. Представляет интерес, например, описание отдельных предприятий, железнодорожных изысканий, хода строительства. Одновременно авторы сообщают массу различных сведений о быте населения, местных достопримечательностях и т. д.

Свидетельства участников и членов русских посольств и миссий в Хиву и Бухару во второй половине XIX в.

Значительное число записок путешественников связано с Бухарским ханством. Большую группу составляют свидетельства членов посольств, организовавшихся как до, так и после установления протектората Российской империи над ханством.

Интересны мемуары участников посольства Н. П. Игнатьева в Бухару и Хиву в 1858 г.

Уже в 1858—1859 гг. в журнале «Военный сборник» под общим названием «Письма»[127] были опубликованы мемуары Н. Г. Залесова[128], впоследствии начальника штаба Оренбургского военного округа и члена Военного Совета. Вторично, в переработанном виде они появились в 1871 г. в «Русском вестнике» под названием «Посольство в Хиву и Бухару полковника Н. П. Игнатьева в 1858 году»[129]. В 1861 г. секретарь посольства Е. Я. Килевейн опубликовал «Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сейид-Мохамед-хана в 1859—60-годах»[130]. В 1864 г. свои «Воспоминания о степном походе миссии флигель-адъютанта Игнатьева в ханства в Хиву и Бухару»[131] опубликовал уральский казачий офицер П. Назаров. В 1868 г. выходят «Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю»[132] М. Н. Галкина[133], куда вошли «Выдержки из дневника следования в 1858 г. из Оренбурга в Хиву Киргизскою степью и Амударьею»[134].

Эти источники ограничиваются в основном описанием маршрута, путевых впечатлений, этнографическими наблюдениями за жизнью местного населения и некоторыми сведениями о населенных пунктах. Несколько расширены рамки повествования Н. Г. Залесова, который сообщает об экономической и политической жизни Хивинского ханства, бедственном положении его населения, падении торговли с Россией и Бухарой в результате междоусобной борьбы в верхах туркменских и узбекских племен, отмечает большую долю рабского труда в хозяйстве края.

Наиболее полное описание принадлежит самому руководителю посольства[135]. Его воспоминания «Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта полковника Н. П. Игнатьева» были изданы в 1897 г. в Петербурге. Рукопись в нескольких списках хранится в ЦГАОР СССР[136]. Сравнение текстов показывает их идентичность.

Воспоминания последовательно рисуют организацию, движение посольства, ход переговоров, преследовавшиеся цели и задачи. Они убеждают в преимущественно военно-политическом, разведывательном характере миссии[137].

Н. П. Игнатьев настойчиво подчеркивает свою «твердость» в ходе переговоров. Так, встречные требования хивинских представителей, например, об уменьшении пошлины с хивинских товаров он называет «весьма странными и дерзкими»[138]. «Чрезмерными» называются и требования о снижении таможенных пошлин с бухарских товаров, вывозимых в Россию[139]. Подобные факты убеждают в жестокости позиций правящих кругов Петербурга и в частности, позиций военного министерства.

Интересно содержание бесед с представителями сановной знати, в частности с бухарским тохсабой Мирзой Азизом[140], которые дают представление о методах возбуждения недоверия между ханствами, применявшихся царскими подданными. Таковы намеки Н. П. Игнатьева о возможности союза Хивы с Кокандом, обложения пошлиной бухарских караванов, проходящих через хивинские владения, войны против Хивы и раздела Хивинского ханства Бухарой и Россией[141]. В дело шли и прямые угрозы. Так, останавливаясь на ходе переговоров с Хивой, Н. П. Игнатьев отмечает, что хивинцы уже начинали «понимать из моих слов ту опасность, которой Хива может подвергнуться, если не согласится добровольно допустить свободное плавание наших судов, которые как я дал заметить, в состоянии проникнуть в Аму и без разрешения ханского...»[142]

Таким образом, воспоминания дополняют историю политических, дипломатических и торговых отношений между Россией и среднеазиатскими ханствами.

Н. П. Игнатьев приводит сведения из истории социальных движений на землях Казахстана и Средней Азии — движения под руководством Исета Кутебарова, проливавшие дополнительный свет на политику царизма в присоединяемых к России районах, волнениях среди туркменских племен, подвластных Хиве.

Достоверность воспоминаний подтверждают многочисленные выдержки из копий официальных донесений, походного дневника, писем к родным.

Вопросы, связанные с организацией посольства, отражены в «Автобиографических заметках Н. П. Игнатьева[143]. Они охватывают период с 1852 г. и последующую дипломатическую службу Н. П. Игнатьева.

В 1866 г. в Бухару было направлено посольство под руководством Романовского, целью которого, помимо всего прочего, была военная разведка. Событиям, связанным с организацией, отправкой и пребыванием в Бухаре русского посольства, посвящены воспоминания горного инженера А. С. Татаринова[144] «Семимесячный плен в Бухарии»[145]. Из них можно почерпнуть некоторые сведения об усиленной подготовке эмира к оказанию сопротивления царским войскам. Члены посольства оказались фактически на положении пленников, что обусловило ориентированность воспоминаний в основном на изложение бытовых деталей, не лишенных этнографического значения.

В 1870 г. в Бухару была направлена русская миссия во главе с полковником Носовичем[146], преследовавшая цели получения материалов о настроении бухарских правящих кругов, о возможности укрепления деловых связей[147].

Об этом посольстве рассказывает в «Путешествии в Бухару русской миссии в 1870 году»[148] Л. Ф. Костенко[149], впоследствии

заведующий Азиатской частью Главного штаба. Он подробно описывает состав посольства, этапы его продвижения и прибытие в Бухару, населенные пункты, в том числе Чиназ, Каттакурган; приводит обширные данные, касающиеся Самарканда, — его населения, административных, хозяйственных и культурных учреждений, кустарных промыслов, торговли, мероприятий царской администрации. В характеристике Бухары привлекает внимание описание экономической, политической сторон жизни ханства, его взаимоотношений с Россией. Сам Л. Ф. Костенко представлял ту часть офицерства, которая выступала за присоединение Бухары к России. Его интересуют условия жизни простого народа. Костенко отмечает бедность большинства горожан, которые обитают в тесных, низких, грязных конурах, «слепленных из комков глины и разваливающихся не только от землетрясений, но и от собственной тяжести»[150], констатирует, что «народ завален налогами»[151], говорит о росте недовольства существующими порядками широких слоев населения[152]. Приводимые факты должны были подкрепить следующий тезис автора: «В настоящее время пунктом соединения и упования всех народностей Бухары служит Россия»[153].

Останавливается Л. Ф. Костенко и на положении русских пленных и просто выходцев из России, приводит некоторые сведения о бухарской армии. Рассматривая религиозную жизнь Бухары[154], он сообщает, что в городе функционирует 360 мечетей. Однако, по данным советских исследователей, эта цифра составляла лишь 217[155]. Среди учеников медресе называются выходцы из Персии, Афганистана, приволжских губерний России[156]. Указывается на многочисленность духовенства, огромное его влияние на все стороны жизни ханства, реакционную сущность его представителей, которые «разносят с собою лишь мертвящие начала обрядовой стороны мусульманства, изуверства и фанатизма»[157]. Влиянием мусульманской религии объясняется и общая отсталость страны: «Промышленность бухарская не могла развиваться вследствие недостатка технических знаний, которые заторможены законом, считающим всякое знание «вне корана греховным»[158].

Особенно подробны сведения о торговле ханства с Россией. Отмечается приспособление русских фабрикантов к бухарскому рынку, запросам и вкусам местного населения[159], дается подробный перечень товаров, их ассортимент, цены и т. д.[160] Потребностями торговли объясняется начавшаяся специализация производства монокультуры хлопка, шелка-сырца: «Количество возделываемого хлопка в Бухаре, — отмечает Костенко, — возрастает год от году, по мере увеличения вывоза его в Россию»[161]. И далее говорит о шелке-сырце: «Хотя этот предмет еще не получил такого широкого развития, как хлопок, но в скором

времени и ему предстоит не менее блестящая будущность»[162].

В связи с русско-бухарскими торговыми отношениями затрагивается вопрос о конкуренции англичан. Однако, указывает автор, «...несмотря на все старания англичан проникнуть со своими товарами в Бухару и подавить русскую торговлю..., русские товары все-таки расходятся здесь в несравненно большем количестве»[163].

О наличии благоприятных условий для русско-бухарской торговли свидетельствует и приводимое содержание бесед с русскими купцами и приказчиками, которые говорили Костенко, что «своим положением в Бухаре очень довольны, никаких обид и притеснений не испытывают, и что пошлина (зякет) взимается с них одинаковая с тою, какая берется с мусульман, т. е. одна сороковая или 2,5%»[164].

В книге приводятся отдельные зарисовки, отражающие этнический состав населения, элемент национальной культуры, танца и т. д.

Описаны также аудиенции у эмира, посещения бухарских чиновников. Сообщает автор и о том, что сначала был отклонен визит миссии к сыну эмира Абдулл-Ахад-хану[165], членам миссии было отказано в свободном посещении города[166], что было вызвано осложнением политической обстановки, прибытием афганского посольства, колебаниями эмира Музаффара[167].

Зафиксированы подробности довольно распространенных в Бухаре случаев преподнесения подарков, по своему обилию и ценности представлявших своеобразный подкуп[168].

О том, насколько внимательно подошел Л. Ф. Костенко к фиксации сообщаемых сведений, свидетельствует, например, тот факт, что определение им численности населения столицы Бухарского эмирата — г. Бухары в 75 тыс. человек соответствует (с допущением до 80 тыс.) цифре, которую установила советский исследователь Бухары О. А. Сухарева на основе тщательного изучения и аналитического сопоставления многочисленных и разнообразных данных[169].

Воспоминания[170] чиновника особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе подполковника В. В. Крестовского[171] освещают события, связанные с посольством князя Витгенштейна, организованным в Бухару в 1882 г. В записках скрупулезно освещаются детали. Круг рассматриваемых вопросов определяется организацией посольства, его движением и ходом переговоров. Одновременно сообщается масса разнообразных сведений о состоянии Бухарского эмирата, приводятся сведения об административном устройстве и управлении, придворном и чиновничьем аппарате, внутреннем распорядке жизни бухарского двора, церемониях приемов посольств[171a]. В. В. Крестовский дает

деловые и портретные характеристики крупнейших сановников эмирата, сообщает о разногласиях в их среде, борьбе так называемой «Каршинской партии»[172], ориентировавшейся на старшего сына эмира Катта-тюрю, лишенного наследных прав и «Керминенской» — делавшей ставку на наследного принца Сейид-Абдулл-Ахад-хана[173]. Приводятся данные об эмирской армии сарбазов и говорится, в частности, что «кормятся люди за счет бека, то есть в сущности за счет местного населения»...[174]

Подробно характеризует Крестовский различные мусульманские учреждения, систему начального и высшего мусульманского образования. Указывается на различие, существовавшее в размерах платы за обучение шагирдам (студентам) в медресе, обусловленное разницей их вакуфов[175], подчеркивается схоластический дух обучения: «Главная задача не в последовательном развитии способностей ребенка, а в том, чтобы заставить его выдолбить наизусть положенное число книг»...[176]. Небезынтересны подробности создания школ, системы найма учителей, внутреннего распорядка школьной жизни.

Подобно другим путешественникам В. В. Крестовский уделяет внимание торговым связям — ввозимым и вывозимым товарам, английской и русской конкуренции, приспосабливаемости русских промышленников к запросам среднеазиатского рынка. Сообщается о торговых взаимоотношениях Бухары с сопредельными странами — Афганистаном и Индией. Бухара называется одним из «важнейших» торговых центров Средней Азии»[177]. В то же время Крестовский отмечает, что основное место в торговой деятельности Бухары занимают привозные и транзитные товары, «торговля же на месте собственными произведениями далеко не так значительна...»[178]. Заметим, однако, что приводимые самим В. В. Крестовским сведения о специализации и интенсивном развитии кустарных ремесел, как и сообщения позднейших исследователей, свидетельствуют в пользу весьма широкой торговли изделиями собственных производств[179].

Описывая внутреннюю торговлю, автор характеризует отдельные социальные группы населения Бухары, в частности, индусов. Отмечается, что, наряду с их главным занятием («ростовщичеством»), они занимаются также «торговым комиссионерством и оптовою скупкой шелка, хлопка, риса, пшеницы и ячменя, каковые продукты и держат в своих складах в ожидании неурожайного года в Бухаре ли, в Афганистане или Индии, и тогда сбывают свои запасы по сильно возвышенной цене и туда, где в них оказывается наиболее настоятельная потребность»[180]. Отмечается тяжелое положение бухарских евреев, но при этом В. В. Крестовский допускает неточности. Например, он говорит, что эта народность занимается исключительно торговлей шелком. В то же время известно, что, наряду с торговлей, зна-

чительная часть еврейского населения Бухары занималась и ремеслами (кубовое крашение, тканье платков, шитье одежды, строительное дело)[181]. Крестовский указывает и на насильственное обращение местным духовенством евреев в мусульманство[182].

Среди социальных характеристик наше внимание привлекают замечания Крестовского о посещении эмиром бекств и связанных с этим расходах: «Посчитать все эти расходы, — в общем итоге набежит весьма и весьма почтенная сумма, за которую, конечно, приходится расплачиваться не столько беку, ибо бек все-таки наверстает свое потóм не мытьем, так катаньем, сколько торговому и земледельческому классам местного населения...»[183].

В книге содержится значительное число путевых зарисовок — картин природы, проезжаемых городов и местечек с данными об их развитии и значении. Так, автор отмечает стратегическое значение Джамской крепости и экономическое — г. Чиракчи. Описывая Самарканд, он говорит о городище Афрасиаб и подчеркивает: «Несомненно лишь одно, что все городище Афрасиаб требует серьезных археологических исследований»[184], и далее: «Самарканд еще ждет своего исследования и описания»[185]. В своих воспоминаниях В. В. Крестовский поднимает также вопрос о сохранности старинных архитектурных сооружений, необходимости для этого правительственной поддержки. Что касается некоторых исторических сведений о Самарканде, то они приведены со слов бывшего городского казия Низамиддина Ходжи Абдулгафарходжаева и изложены неточно[186]. Однако вывод, сделанный о древности города и его отождествление с Маракандой греческих авторов, правильны[187].

Следует отметить, что не все сообщения В. В. Крестовского являлись результатом его собственных наблюдений. Он довольно широко пользовался данными, собранными другими путешественниками, в частности Н. В. Ханыковым, Н. А. Маевым, о чем свидетельствует, например, точное совпадение ряда цифровых показателей.

Сведения В. В. Крестовского о Бухаре дополняют сообщения доктора И. Л. Яворского, изложенные в двух томах его «Путешествий русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг.»[188]. Работа посвящена в основном истории политических взаимоотношений России, Афганистана и Англии и содержит подробности, касающиеся пребывания в Кабуле русской миссии Столетова. В основном это «простой рассказ, местами живой и весьма интересный, местами излишне подробный, приправленный историческими компиляциями о некоторых местностях и довольно частыми упреками в адрес начальника миссии»[189].

Мемуарные источники, как письменное свидетельство участия

их авторов в составе русских посольств и миссий в Бухару и Хиву во 2-й половине XIX в., содержат, как правило, сведения, касающиеся преимущественно истории дипломатических, политических и торговых взаимоотоношений Бухары и Хивы с Россией. Вместе с тем сделано много ценных наблюдений относительно внутренней организации эмирата, административного устройства, войска, культовых учреждений, бытового уклада, некоторых этнических особенностей местного населения. Все это в совокупности и определяет важное значение указанной группы мемуаров в историческом и этнографическом отношении.

Путешественники о Бухаре как протекторате Российской империи

Другая группа мемуарных источников, посвященных Бухаре, принадлежит представителям различных звеньев царской администрации, посещавшим Бухару с различными служебными и научными целями. Таковы «Моя поездка в Бухару. Путевые заметки и наблюдения»[190] И. Ф. Петровского, «Поездка в Бухару. Извлечения из дневника»[191] Н. П. Стремоухова, «От Ташкента до Катты-Кургана»[192], «Путевые заметки о бухарском ханстве, посещенном в феврале и марте 1877 г.»[193] и «Маршруты и заметки по южным частям Бухарского ханства»[194] Н. А. Маева, «По Бухаре. Путевые очерки» В. Обручева[195], «По границам Бухары и Афганистана. Путевые очерки» А. А. Семенова[196], «Благородная Бухара (странички из скитаний по Востоку)»[197] М. Никольского, «Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г.»[198] и «Маршрут путешествия в Среднюю Азию»[199] Р. Ю. Рожевица, работы Д. Н. Логофета[200]: «На границах Средней Азии (Путевые очерки)»[201], «Страна бесправия»[202], «Очерки и рассказы»[203], «По Каспийскому морю и персидской границе (Путевые очерки)»[204], «Бухарское ханство под русским протекторатом»[205], «В забытой стране (Путевые очерки по Средней Азии)»[206].

Д. Н. Логофет был одним из активных сторонников включения эмирата в состав Российской империи, что во многом определило сугубо обличительный характер описания им существовавшей в Бухаре системы управления в целом. И не случайно его работы использовались туркестанской администрацией при «разрешении бухарского вопроса», обсуждавшегося на специальных совещаниях в 1909 г. в Ташкенте[207]. Примечательно, что многие книги Логофета выпускались в свет издательством Феоктиста Березовского, пользовавшегося субсидиями Военного министерства. При всем том живо и занимательно написанные книги Логофета находили широкого читателя и не лишены были познавательного значения. Некоторые из книг Д. Н. Логофета

(«На границах Средней Азии» и др.) были переведены на английский язык и рекомендовались для чтения офицерам индийской армии[208].

Д. Н. Логофет характеризует внутриполитическое положение эмирата, обстановку в отдельных бекствах, бухарский административный аппарат, управление как в центре, так и на местах, выполняемые чиновниками функции (амлякдары, мингбаши, зякетчи), систему обложения и сбора налогов с населения. Отмечается «полное бесправие населения и страшный произвол бухарских административных властей. С одной стороны, бедность туземцев, а с другой — богатая привольная жизнь беков, казиев, амлякдаров и всего бесчисленного сонма всяких чиновников...»[209].

Широкий простор для злоупотреблений открывала налоговая система: «Обыкновенно за каждый рубль, внесенный беком в казну, он собирает почти вдвое с населения и благодаря этому беки быстро наживаются и делаются очень богатыми людьми»[210]. Этому в значительной мере способствовало то обстоятельство, что «никакой в действительности здесь нет власти... и каждое туземное должностное лицо кроме забот о своем кармане, ничем решительно не интересуется. А уж о средствах пополнения этих бездонных карманов и говорить нечего; все средства считаются хорошими и допустимыми. И при всем этом полная безнаказанность, потому что вся администрация продажна, в родстве и в свойстве друг с другом, и, кроме того, высшая власть окружена целой стаей разного люда, имеющего большое значение, благодаря своему положению и никогда не отказывающегося от подарков и взяток для устройства темных дел»[211].

Причину Д. Н. Логофет видит в существовавшей в Бухаре так называемой системе «кормления», согласно которой чиновничество жило исключительно за счет доходов с населения и никакого содержания от правительства не получало[212]. Некоторым чиновникам правительство выплачивало жалованье[213], однако, размеры его в лучшем случае составляли десятую часть их наживы[214].

Светская и духовная власти объединяли свои усилия в грабеже населения. Показателен в этом отношении передаваемый Логофетом рассказ его проводника: «Плохо, когда казий с амлякдаром ссорятся, а еще хуже, когда живут между собою в дружбе. Тогда очень тяжело народу бывает, все, что есть отнимают и за все большие штрафы накладывают. У нас оттого много людей в Хиву уходят, что жить очень трудно...»[215].

Резкой критике подвергает Логофет процесс местного судопроизводства. Он описывает так называемый «божий суд», применявшийся в Восточной Бухаре и открывавший широкие возможности для беззаконий[216].

Отразив тяжелое положение народных масс Бухары, Д. Н. Логофет приходит к выводу, что «народное недовольство растет и, надо думать, не иначе, как завтра может вспыхнуть страшное кровопролитное восстание, которое не так-то легко потушить, как кажется, особенно если беспорядки коснутся Восточной Бухары и Гиссарского края»[217]. Важное значение имеет указание Логофета на влияние первой народной революции в России 1905—1907 гг. на народы Бухарского эмирата. Так, забастовка в Чарджуе, по словам Д. Н. Логофета, произвела огромное впечатление на местное население, у которого «недовольство своим правительством очень большое и замечается брожение, которое, надо думать, окончится общим восстанием, если своевременно не введут реформ в управлении»[218].

Тяжелое положение трудящихся масс эмирата волновало Д. Н. Логофета только как причина, которая могла привести к потере для Российской империи выгодного рынка сбыта, источника богатых природных ресурсов (в том числе залежей полезных ископаемых) и огромных пространств земель, годных для заселения десятками тысяч переселенцев из центральных губерний страны. Логофет говорит и о широких возможностях добычи золота, открывавшихся перед русскими предпринимателями. Он откровенно сетует на неповоротливость русского капитала[219].

Д. Н. Логофет указывает пункты и места добычи золота и других полезных ископаемых, а также способы их разработок. Приводится обширный материал о деятельности товариществ братьев Нобель и Московского нефтяно-промышленного товарищества и констатируется, что «во всех отношениях здешний край непочатый уголок всяких богатств»[220].

Рассматривая развитие торговли, Логофет характеризует торговое значение некоторых бухарских городов, в том числе г. Керки.

В связи с вопросом о присоединении Бухары к России рассматривается состояние русско-английских отношений (происки Англии, засылка ее эмиссаров, распространение враждебных России изданий). Автор анализирует политические и торговые отношения России с Афганистаном и Персией, сообщает об открытии границы для афганских торговых караванов[221], установлении специальных правил, разрешавших ввоз товаров из Афганистана на льготных условиях[222], перечисляет экспортируемые и импортируемые товары[223]. Та же протекционистская политика в области развития торговых отношений отмечается применительно к Персии[224]. Выводы Д. Н. Логофета весьма оптимистичны, вплоть до признания возможным абсолютного вытеснения с местного рынка английских товаров[225]. На самом же деле хотя промышленные товары российского производства и вытесняли с бухарского рынка западноевропейские, в основном английские,

последние все же продолжали проникать в эмират в довольно значительных количествах. Поэтому в интересах русской буржуазии, стремившейся занять монопольное положение в Бухаре, в 1895 г. здесь была введена русская таможенная система[226]. По мнению властей, эмирские войска не могли обеспечить защиту интересов царизма на границах с Афганистаном[227]. Весьма красноречивы приводимые в этой связи Логофетом сведения о состоянии бухарской армии, ее численности, методах комплектования, родах войск, размещении, снаряжении и т. д.[228]

Вряд ли, конечно, можно принять на веру все утверждения автора, в частности, что «пехотные части (эмирата. — *Л. Л.*) комплектуются преимущественно из людей, совершивших какое-либо преступление и в наказание зачисленных в войска»[229]. Жители эмирата не хотели служить в бухарской армии, рассматривая военную службу как сущую каторгу. Вербовка солдат (сарбазов) вызывала недовольство населения, а нередко и массовые протесты[230]. Большая часть жалованья сарбазов шла в карман офицерскому составу, поэтому солдаты эмира были вынуждены заниматься торговлей, ремеслом, а нередко и просто мародерством[231].

В связи с организацией пограничных русских военных постов примечательны указания Логофета касательно взаимоотношений с местным населением. Отмечая, что в целом эти отношения строились на дружеских началах, Д. Н. Логофет в то же время не мог умолчать о злоупотреблениях чинов царской администрации, о фактах деморализации офицерского состава, азартных игр, пьянства, драк, порой со смертельным исходом. Автор приводит примеры, когда отдельные представители царской армии, рассматривая себя некими удельными князьями, начинали собирать дань «со всех, в каком заблагорассудится размере»[232], или когда для проезда по трудным горным дорогам запрягали в экипажи людей из среды таджиков[233]. Сообщается об уничтожении целого кишлака у поста Акджар и выселении его жителей по одному только подозрению в убийстве унтер-офицера[234].

Д. Н. Логофет приводит разнообразные сведения, касающиеся местного уклада жизни, быта, занятий и промыслов населения, народных празднеств, религиозных верований. Он сообщает о попытках устройства медицинских пунктов, отмечает крайнюю недостаточность правительственных мер в этом направлении. Население Бухары из-за плохих санитарно-бытовых условий и ряда других причин жестоко страдало от болезней и периодически повторявшихся эпидемий. Вплоть до 1905 г. в эмирате не было ни одного врачебно-лечебного пункта.

У туркмен Д. Н. Логофет отмечает баснословную дешевизну труда женщин-туркменок на выделке ковров: «Работа в сущности страшная, но здесь женский труд совершенно не ценит-

ся». Отмечается, что «обыкновенно торговцы коврами приезжают сюда осенью и, сторговавшись о стоимости квадратного аршина ковра, делают заказы и дают под них задатки»[235].

Описывая представления народного театра, Д. Н. Логофет указывает, что острие сатиры было направлено на обличение существующей социальной системы, осмеяние пороков представителей господствующих классов[236].

Довольно подробно автор знакомит читателей с процессом земледелия, системой орошения, устройством ирригационных систем на р. Амударье, с проектами орошения земель между Керками и Мургабом, и др.[237] В записках Д. Н. Логофета много зарисовок картин природы, передача путевых впечатлений, состояния дорог и т. д. Введено значительное число диалогов, образцов разговорной речи. В то же время для его публикаций характерно некритическое использование исторических компиляций, любительских, небрежных экскурсов в прошлое, поверхностное и неточное описание архитектурных и исторических памятников и т. д. Это вызвало довольно резкий отзыв академика В. В. Бартольда в связи с представлением одной из книг Д. Н. Логофета на конкурс премии им. М. Н. Ахматова в 1911 г.[238]

Оценку политической сущности Бухарского эмирата, данную Д. Н. Логофетом, разделяет с ним А. В. Нечаев[239], совершивший в 1908 г. путешествие по Восточной Бухаре для геологических изысканий[240]. Нечаев также подчеркивает деспотический характер политического и административного режима ханства[241].

Сведения Д. Н. Логофета и А. В. Нечаева о Восточной Бухаре значительно расширяют и дополняют такие мемуарные источники, как «Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 году»[242] капитана Покотило, «Дарваз»[243] П. Кузнецова, «Через Алай и Памир»[244] Б. Л. Рустам-Бека Тагеева, «Вблизи Памиров»[245] К. К. Казанского, «Путешествие в Памир и Среднюю Азию»[246] П. С. Назарова, «Вверх по Пянджу»[247] И. И. Гейера, «Из наблюдений на Памире»[248] М. М. Воскобойникова, «Горная Бухара»[249] В. И. Липского, «На Памирах. Записки русской путешественницы»[250] Ю. Д. Головниной, «Прогулка по Памиру»[251] В. Н. Никольского, «Из Индии в Фергану»[252] В. Ф. Новицкого, «Поездка на Памир, Вахан и Шугнан в 1903 г.»[253] Н. Корженевского, «Через Бухару на Памир»[254] Б. И. Литвинова, «Восточная Бухара»[255] А. Снесарева, «По Восточной Бухаре и Памиру»[256] А. К. Разгонова и некоторые другие.

Эта группа источников мемуарного типа интересна в первую очередь сведениями о численности народонаселения, административном устройстве, системе налогового обложения, грубом административном произволе ханских чиновников, о положении

Бухарского протектората в системе Российской империи и т. д.

Мы рассмотрели лишь некоторые записки и дневники путешественников по Средней Азии, отличающиеся разнообразием сообщаемых, нередко весьма ценных с научной точки зрения сведений, характер освещения которых обусловлен мировоззрением, кругом интересов авторов, преследуемыми ими целями.

В этой группе мемуарных источников содержится разнообразный материал, касающийся особенностей жизни и бытового уклада среднеазиатских народов, их связей с Россией и сопредельными странами Востока в сфере политических, экономических, торговых и культурных отношений.

Представляют интерес сообщения о внутреннем устройстве среднеазиатских ханств, прежде всего Бухарского эмирата, реакционной сущности деспотического режима, отрицательно сказывавшегося на развитии производительных сил и обусловливавшего тяжелое положение народных масс.

Привлекают внимание вольные или невольные свидетельства очевидцев, подтверждающие крайне бедственное положение трудового народа, рисующие картины его нищеты и бесправия.

Глава III

МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

Присоединение Средней Азии к России объективно имело огромное прогрессивное значение. Это своеобразие положения и роли России подчеркивали классики марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс в письме К. Марксу 23 мая 1851 г. указывал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»[1].

На исторически прогрессивную роль России в судьбах народов сопредельных стран Востока неоднократно указывал В. И. Ленин. Он подчеркивал, что среди русской нации издавна проявлялось и росло стремление строить «свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на ...крепостническом принципе привилегий»[2]. Это стремление было тесно связано с развитием в России передовой демократической мысли и ростом освободительного движения в среде самого русского народа.

В начале XX в. Россия превратилась в центр мирового рабочего движения. В эти годы возник большевизм. Он «проделал... практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете»[3].

В своей программе по национальному вопросу большевики во главе с В. И. Лениным еще в 1903 г. провозгласили право наций на самоопределение, заявили о необходимости самого полного и тесного их союза с русским пролетариатом, ибо «только такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения»[4].

Присоединение Средней Азии к России связало судьбы народов этого обширного региона с судьбами русского народа, революционной борьбой его рабочего класса. Объективно положительные последствия присоединения не устраняют отрицательной оценки реакционного характера колониальной политики царизма в Средней Азии, которая задерживала развитие производительных сил края и отличалась косностью и жестокостью методов управления, социального и национального угнетения

народов края. Для организации системы управления царское правительство стремилось создать сильный военно-административный аппарат, которому были подчинены все стороны управления.

Воспоминания правительственных чиновников

Перед нами группа мемуарных источников, освещающих главным образом вопросы, связанные с административным и гражданским устройством края.

Богаты фактическим материалом мемуары одного из видных деятелей туркестанской колониальной администрации в области просвещения Н. П. Остроумова[5]. Это его неопубликованный обширный дневник, охвативший период с 1877 по 1930 г.[6] Лишь часть дневника (за 1877—1881 гг.) легла в основу книги воспоминаний, опубликованной в 1895 г. в Ташкенте под названием «К истории народного образования в Туркестанском крае. К. П. фон Кауфман (1877—1881 гг.)».

Н. П. Остроумова интересовал в основном вопрос об организации системы народного образования в Туркестанском крае. Он был хорошо знаком с замыслами и планами царской администрации. Остроумов передает содержание многих своих бесед с К. П. Кауфманом о постановке учебного дела, с которым генерал-губернатор края связывал определенные политические результаты. К. П. Кауфман расходился во взглядах с Н. И. Ильминским[7], предлагавшим в качестве основы обучения миссионерскую пропаганду православного христианства, которая в Туркестане не была разрешена. Мусульманские школы продолжали функционировать. Мыслилось, что они должны были изжить себя в результате лишения государственной поддержки, упадка вакуфов, зданий, уровня преподавания[8].

Как ученик Н. И. Ильминского Н. П. Остроумов был последовательным приверженцем миссионерства и не смог дать правильной оценки событиям, хотя фактический материал и давал ему такую возможность. Царская администрация решала здесь две основные задачи: организацию образования в интересах правящих классов Российской империи и (не затрагивая религиозных верований населения Туркестана) его слияние с основами русской (буржуазно-монархической) государственности. Соответственно этому колониальная администрация стремилась «не раздражать» коренное население Туркестана полицейскими, насильственными методами навязывания православия и держать местные религиозно-духовные школы вне бюрократического контроля чиновников разных рангов. В то же время царизм и буржуазия были по-своему заинтересованы в создании светской школы в Туркестане для коренного населения в интересах обес-

печения пресловутой политики русификации населения края. В этом плане и при критическом к нему отношении дневник такого усердного службиста, правомерного и убежденного монархиста, каким был питомец Казанской духовной академии Остроумов, содержит много небезынтересных и для современного исследователя данных. Н. П. Остроумов сообщает о событиях культурной, общественно-политической жизни Туркестана, об организации научных и просветительных обществ, открытии в Ташкенте первой сельскохозяйственной и промышленной выставок, публичной библиотеки и т. д.[9] Касается он и вопросов, связанных с переселенческим движением, отмечает социальную неоднородность переселенцев, антиправительственные настроения в среде интеллигенции края, указывает на особенности быта местного населения.

Представляют значительный интерес мемуары[10] известного ориенталиста-автодидакта Н. С. Лыкошина[11], в течение 35 лет занимавшего в Туркестане различные административные посты, в том числе военного губернатора Самаркандской области. Его книга, опубликованная в Петрограде в 1916 г. под названием «Полжизни в Туркестане» и вобравшая в себя опыт жизненных наблюдений автора, отличается широтой охвата фактического материала, особенно по специальным вопросам.

Воспоминания Н. С. Лыкошина лишены характера личностного изложения, личность автора не играет в них сколько-нибудь заметной роли и эпизоды с его участием вкраплены в общую ткань повествования только в различного рода примерах. Кроме того, события излагаются не в определенной хронологической последовательности, а посредством освещения представляющих с точки зрения автора интерес особенностей гражданского и административного управления, бытового уклада, обычаев и нравов местного населения, религии и т. д.

Н. С. Лыкошин сообщает о всеобщей переписи населения 1897 г. в Туркестанском крае, мероприятиях царской администрации по изучению местных языков, в том числе организации различных курсов, специальной комиссии по вопросу о распространении среди служащих знаний местных наречий[12]. Одним из требований явилось, например, установление разных минимумов знания местных языков и обычаев в зависимости от положения, занимаемого в административной иерархии[13].

В специальной главе «Наука и школьное дело у туземцев» подробно описаны русско-туземные школы, сочетание в них мусульманского и европейского методов обучения[14].

Особый интерес представляют, на наш взляд, две главы: «Народный суд и самоуправление» и «Религиозные обычаи и обряды». В первой подробно анализируется процесс судопроизводства в народных судах, пришедших после присоединения на

смену судам казиев. В основу анализа положены личные наблюдения автора, а также сведения, собранные за время службы в Ташкенте с 1890 по 1897 г. «в непосредственном соприкосновении с туземцами и их народными судьями»[15]. Фиксируется, что в основе судебных постановлений народных судов было оставлено мусульманское право «шариат»[16] с его противоречивостью и отсутствием систематизации юридических толкований мусульманского кодекса; сохранен персидский язык в юридической документации, что создавало немало неудобств для местного, в основном тюркоязычного населения[17]. Народные судьи не получали содержания от казны и труд их оплачивался вознаграждением по обычаю[18], что обусловливало зависимость судебных решений от социального положения тяжущихся и той суммы, которую мог предложить каждый из них. Особое значение имеет фиксация социального характера института: «Постоянно сталкиваясь с народными судьями по службе, я с каждым днем все больше и больше убеждался в их пристрастии к сильным и богатым туземцам, которые всегда могут рассчитывать на энергичную поддержку народного судьи и пользуются этим, чтобы давить бедняка. Иногда возникают дела, вызванные исключительно желанием богатого доказать бедняку свою силу, и народный судья никогда не встанет на защиту слабого»[19]. Приводятся сведения об организации и порядке деятельности съездов народных судей, зависимости этих съездов, как и самих народных судей каждого в отдельности, от влиятельных избирателей. Типичен в этом отношении пример старшего аксакала Ташкента Иногама Ходжи Умрнаходжинова, который до 1892 г. управлял по своему усмотрению выборами должностных лиц, а «потому и съезд народных судей привык не противоречить ему»[20].

Н. С. Лыкошин делает вывод о несовершенстве системы судопроизводства, в значительной мере сохранявшей элементы старых порядков. Показателен пример вынесения ташкентским судьей строгого приговора в отношении молодой женщины, открывшей лицо перед посторонними[21].

В воспоминаниях Лыкошина много внимания уделяется той части населения, которая вела кочевой образ жизни. Описываются выборы на должности волостных управителей, представлявших верхушку. Главной их заботой становилось личное обогащение. Этим целям служили, в первую очередь, примирительные разбирательства гражданских или уголовных дел. Положение осложнялось родовыми и социальными противоречиями. Допускались большие злоупотребления по земельным вопросам[22]. Показательны примеры незаконного отторжения зимних стойбищ целых аулов на основе сфабрикованных документов[23]. Это становилось возможным потому, что съезд волостных выборных зависел от тех же сил, что и каждый управитель в отдельности.

Такую же неправомерность действий Н. С. Лыкошин отмечает и в работе междууездных и межобластных съездов, собиравшихся для решения спорных вопросов. Однако приводимый фактический материал и предложения автора в основном были направлены не более чем на усовершенствование существовавшего административно-управленческого аппарата, упрочение влияния и авторитета царской администрации. Н. С. Лыкошина беспокоило, что административно-судебные учреждения, далеко не свободные от сторонних влияний, не были ответственны «в глазах народа за постановляемые ими решения»[24], и вся тяжесть правовых актов ложилась на государственную власть.

Присущая автору узость классовых представлений[25] не позволила ему увидеть истинную сущность вещей. Отмеченные недостатки состояли, конечно, не в принципе самоуправления, а прежде всего в социальном строе, извращавшем этот принцип и превращавшем его в орудие сильного против слабого, богатого против бедного. Только ликвидация социального неравенства могла оздоровить существовавшие органы правосудия и превратить их в средство подлинного и справедливого служения истине.

Столь же неточен и вывод Н. С. Лыкошина относительно деятельности Ташкентской городской думы. Фиктивное самоуправление нужно было царизму главным образом для того, чтобы создать видимость привлечения местного населения к участию в управлении краем.

В другой крупной главе книги Н. С. Лыкошина «Религиозные верования и обряды» подробно рассматриваются различные мусульманские учреждения, положение служителей культа, в книге описываются обычаи, обряды, быт местного населения. Характеризуя социальные институты и мероприятия царской администрации, связанные с гражданским управлением, правовыми нормами и т. д., автор подчеркивает факт сохранения многочисленных элементов старого быта и правопорядка, занятую властями позицию нейтрального отношения к мусульманской религии, которая в своей основе не подрывала устоев сложившегося правопорядка и социальных отношений, а, наоборот, упрочивала его, т. е. служила интересам господствующей верхушки, признававшей царскую власть.

Сведения об управлении краем содержатся в воспоминаниях[26] Г. П. Федорова[27], прошедшего в своей служебной карьере путь от простого чиновника до правителя канцелярии туркестанского генерал-губернатора. Они охватывают период с 1870 по 1906 г.

Перед читателем проходит галерея лиц высшей туркестанской чиновной бюрократии — генерал-губернаторы края К. П. Кауфман, М. Г. Черняев[28], Н. О. Розенбах, А. В. Вревский, военные губернаторы областей Г. А. Колпаковский, Н. Н. Головачев, М. Д. Скобелев, Н. И. Гродеков, начальник Зарафшанского ок-

руга А. К. Абрамов, начальник Закаспийской области А. Н. Куропаткин, правители канцелярии генерал-губернатора Гомзин, Каблуков, Щербинский, Несторовский и др. К деятельности ряда из них Г. П. Федоров отнесся по-своему, критически, что вызвало полемику в современной прессе[29].

В воспоминаниях Г. П. Федорова приводится обширный фактический материал, характеризующий систему управления краем, а также содержащий наблюдения за происходящими историческими событиями. Федоров указывает, например, на несовершенство законоположений об управлении краем, в частности «Положения об управлении Туркестанским краем» от 12 июля 1886 г., которое «при первом же применении на практике оказалось никуда не годным. Началось неизбежное издавание разъяснительных циркуляров, посыпались представления в Петербург о законодательной отмене, дополнении или изменении неприемлемых на практике статей» и в результате «коренной закон для Туркестана» превратился в какое-то «одеяло из лоскутков»[30].

Описываются особенности административного управления, связанные с сохранением мусульманской религии, обычаев, системы судопроизводства, положения женщины. Утверждая, что все это якобы обусловило «преданность туземного населения», Г. П. Федоров не смог в то же время обойти молчанием случаи «волнений и беспорядков»— холерный бунт в Ташкенте 1892 г., Андижанское восстание 1898 г., события 1905 г., хотя и ограничился при этом лишь простой констатацией фактов.

Г. П. Федоровым приводятся сведения об открытии и деятельности публичной библиотеки, мужской и женской гимназий, о развитии хлопководства, шелководства и виноградарства, попытке устройства ирригационных сооружений в Голодной степи, организации переселенческого дела в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях. Сообщается о взаимоотношениях России с вассальными ханствами — Хивой и Бухарой, о русско-английском соперничестве в Средней Азии.

В воспоминаниях Г. П. Федорова отражены многие фактические стороны современных мемуаристу событий, однако освещены они с позиций вполне «благонамеренного» человека, обходящего социальные моменты и дающего им заведомо тенденциозную классовую оценку.

Некоторое представление о выполнении административных функций должностными лицами непосредственно в областях края дает неопубликованный дневник[31] военного губернатора Самаркандской области Н. Я. Ростовцева[32], занимавшего этот пост с 1891 по 1897 г. Записи очень детализированы, особенно фиксируются в них сведения личного характера[33], что положительно сказалось на содержании части дневника, связанной с

выполнением Н. Я. Ростовцевым административных функций в исследуемый нами период. Здесь мы находим сведения о состоянии Самаркандской области, об административном управлении, русских переселенцах и т. д. К сожалению, авторский почерк неразборчив и требует специального текстологического анализа. Мы провели лишь предварительное ознакомление, которое показало, что дневник может явиться интересным дополнительным источником к истории области и края.

Данные о состоянии Закаспийской области в 1890—1898 гг. содержит неопубликованный дневник[34] начальника и командующего войсками области А. Н. Куропаткина[35], впоследствии военного министра, а затем туркестанского генерал-губернатора.

Некоторые сведения из истории административного управления Туркестанским краем в 1897—1899 гг. содержатся в воспоминаниях жены туркестанского генерал-губернатора генерала С. М. Духовского В. Духовской[36], опубликованных в 1913 г. в Петербурге под названием «Туркестанские скитания». В основу этих сугубо личных, преимущественно обывательских воспоминаний лег дневник В. Духовской, где она порой касается методов и приемов управления, указывает на то, какое значение С. М. Духовской придавал сближению с местной эксплуататорской верхушкой. «Периодическая раздача медалей и халатов,— пишет Духовская, — превращает несговорчивых мусульман в сравнительно полезных и довольно покладистых слуг русского правительства»[37]. Вступлению генерал-губернатора на должность предшествовали события, связанные с Андижанским восстанием 1898 г. Царизм не мог себя чувствовать спокойно. «Глухое брожение, — отмечает В. Духовская, — все растет и усложняется. Мы живем здесь на кипящем вулкане; надо быть настороже, чувствуется сильная тревога, как перед грозой»[38]. В этих словах отражено общее восприятие событий бюрократической верхушкой края. Примечательно, что почти аналогичная фраза есть в секретном письме С. М. Духовского на имя начальника Главного штаба Сахарова[39]. Она относится к периоду, последовавшему вслед за восстанием 1898 г., хотя и жестоко подавленным, но не усмирившим волнения. «Опять переживаем мы смутное время, — тревожно записывает В. Духовская, — доходившие до нас слухи предупреждают о возможности нового бунта»[40]. Описаны и сам ход Андижанского восстания, известный В. Духовской со слов окружающих, карательные меры против восставших[41]. Однако эти сведения неточны и поверхностны.

Сообщая об антиправительственных настроениях, В. Духовская не называет вызвавшие их причины. Она умалчивает, что «беспорядки» и нападения на войска были вызваны бедственным положением трудящихся Ферганы, колониальной политикой царизма. В этом проявилась классовая ограниченность восприя-

тия событий. Беглость и отрывочность в изложении также снижают ценность воспоминаний Духовской.

Административное управление Туркестанским краем в последующий период (1902—1906 гг.) отражено в неопубликованном дневнике[42] помощника туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа (1901—1904 гг.), а затем командира I Туркестанского армейского корпуса (1904—1907 гг.) Е. И. Мациевского[43]. Записи, связанные с поездками Мациевского с инспекционными целями в различные города (Самарканд, Термез, Керки, Чарджоу, Ново-Маргилан, Андижан, Наманган, Коканд, Ходжент и др.) и населенные пункты Туркестана, характеризуют состояние расквартированных в них войск и военных учреждений за 1902 г. Говорится, правда очень скупо, о «беспорядках» в Амударьинской флотилии в 1902 г., в Ташкенте и Мерве в 1906 г. Приводятся сведения, связанные с выполнением административных функций непосредственно в Ташкенте — решением хозяйственных и иных вопросов, например, о постановке учебного дела, организации народных училищ, обучении в них, уровне получаемых знаний, организации научных экспедиций. Сообщается о встречах с лицами, сыгравшими значительную роль в изучении и культурном развитии Туркестана — В. П. Наливкиным, Г. А. Арендаренко, Н. П. Остроумовым, Б. А. Федченко. Имеются записи о взаимоотношениях с Бухарой, строительстве оросительных каналов в Голодной степи, борьбе с саранчой и т. д.

Дневник Мациевского, известного своими реакционными взглядами и непримиримостью к проявлениям вольнолюбивого духа, дает нам некоторые сведения по истории революционного движения в Туркестане в начале XX в. Однако эти сведения носят характер простой констатации фактов и очень ограничены. Более подробные данные содержатся в дневнике генерала В. А. Косаговского[44], назначенного в 1906 г. начальником Закаспийской области. Записи, относящиеся к туркестанскому периоду жизни автора, включены в общую неопубликованную рукопись за 1899—1909 гг.[45] Они охватывают период с 12 июня по 1 ноября 1906 г.

Воспоминания в значительной мере отличаются субъективизмом, резко отрицательным отношением к туркестанскому генерал-губернатору генералу Д. И. Суботичу. Косаговский считал Суботича главным виновником своей отставки, а потому не скупился на нелестные эпитеты и выпады в его адрес. Суботич обвиняется в излишней мягкотелости, стремлении к дешевой популярности и т. д.[46] Помимо личной неприязни, здесь, по-видимому, сыграла роль и более либеральная позиция Суботича, иная тактическая линия поведения в отношении революционного движения в крае. Содержащийся в дневнике материал свидетельствует

в пользу того, что Суботич выступал сторонником использования мирных средств борьбы, считая их более эффективными и учитывая сложность обстановки и накал революционного движения. Возможно, он стремился затушевать истинное положение вещей в глазах высшей администрации. В. А. Косаговский же выступает сторонником решительных мер по подавлению революционного движения в крае, настолько решительных, что Д. И. Суботич даже заметил: «Если слушать Косаговского, то можно обезлюдить всю область»[47]. Дневниковые записи характеризуют эту роль Косаговского. С чувством исполненного долга сей последний заявляет, что «нагнал страх на весь край»[48].

Все это объективно свидетельствует об активизации революционной борьбы в Закаспийской области. Таковы сведения о волнениях в Геоктепинском резервном батальоне, революционных выступлениях в Кизыл-Арвате, в крепости Кушка, о карательных мерах, преследовании и аресте активных революционно настроенных солдат и представителей офицерского состава, в их числе поручика Кушкинского резервного батальона, расквартированного в Мерве, Долгиева, убившего коменданта г. Мерва, и т. д. Царская администрация была настолько напугана происходящим, что даже самые невинные просьбы осужденных вызывали страх у ее представителей: «Когда я в половине февраля 1906 г. был в Мерве, на гауптвахте, поручик Долгиев жаловался на то, что его никуда не пускают и просил у меня отдать приказание, чтобы отпускали гулять. Одна эта просьба привела в ужас тут же стоявшего коменданта гор. Мерва, бравого штаб-офицера; разумеется, я отказал»[49].

Администрация края не питала иллюзий относительно безучастности местного населения в процессе разворачивающихся событий. В этом отношении революционное движение представляло реальную опасность, оказывая «вредное» влияние на умы «инородцев». Относительно деятельности активных революционеров Косаговский писал: «Где-либо в Архангельске или Сибири они не внесли бы ничего нового, тогда как в Закаспии русскому правительству надо быть начеку. Помимо сравнительно ничтожного русского населения в области, необходимо ревниво охранять престиж власти перед мусульманами... А насколько мало мы можем полагаться на инородцев — вспомнить Андижанское восстание, едва не разгоревшееся в неугасимый пожар, даже еще до японской войны, т. е. когда наш престиж не был еще надломлен»[50].

Таким образом, дневник содержит характеристику развития революционного движения в крае и различные оценки его со стороны представителей высшей туркестанской администрации. Этот материал дополняется примерами «преступной» и «непростительной гуманности» Суботича по отношению к отдельным

революционно настроенным лицам и участникам движения (Нестерову, Вахнину, Шехтману, Марголину, Петунских[51], Майеру[52]). Однако эти примеры носят преимущественно характер фактического изложения материала и не претендуют на широту социальных обобщений.

Революционные события 1905—1907 гг. в Туркестане, как и во всей России, вызвали изменения правительственного курса. С одной стороны, режим черносотенного террора, полицейского произвола и наступления на жизненные интересы трудящихся, с другой — необходимость маскировать абсолютизм «лжеконституционными формами», пойти на новую буржуазную аграрную реформу. Определенная роль при этом отводилась переселенческому делу. Переселенческая политика должна была служить целям колонизации Туркестана, превращения края в «неотъемлемую составную часть единой России»[53].

Сведения об административном управлении Туркестанским краем и его особенностях в данный период содержатся в воспоминаниях управляющего канцелярией туркестанского генерал-губернатора В. А. Мустафина[54], опубликованных в 1913 г.[55] Написаны они были в связи со смертью Н. И. Гродекова и воссоздавали идеализированный образ этого царского администратора.

Первая часть воспоминаний посвящена периоду военного губернаторства Н. И. Гродекова и сравнительно невелика по объему. Построена на основе свидетельств лиц, лично знавших Н. И. Гродекова. В переселенческой политике сырдарьинский военный губернатор видел основу для «более прочного закрепления края за империей»[56]. Инициатива Н. И. Гродекова не получила в свое время правительственной поддержки. В 1892 г. он вынужден был оставить пост в связи с так называемым «холерным бунтом» в Ташкенте и той неблаговидной ролью, которую сыграл по его усмирению. Кандидатура Н. И. Гродекова на пост туркестанского генерал-губернатора в новых условиях отвечала требованиям проводника колонизаторской политики царизма, отличавшегося необходимой твердостью в борьбе с антиправительственными выступлениями.

Вторая часть воспоминаний В. А. Мустафина посвящена этому периоду в жизни Н. И. Гродекова. Построена она уже на основе личных впечатлений и отличается большой обстоятельностью в изложении фактического материала.

Административная деятельность Н. И. Гродекова, как явствует из воспоминаний В. А. Мустафина, осуществлялась по двум основным направлениям — подавление революционного движения и организация переселенческого дела. Н. И. Гродеков прибыл в Туркестан в начале января 1907 г. Это был период третьего этапа подъема революционного движения. В. А. Мустафин констатирует, что «настроение в войсках было самое тревожное,

доходившее до открытого проявления неповиновения, власти проявляли большую растерянность при дерзких выступлениях революционеров, обе железные дороги, соединявшие Туркестан с Россией, находились в полной власти железнодорожного союза и т. п.»[57]. Обращая внимание на активную революционную деятельность социал-демократов[58], Мустафин вынужден был признать, что этому в значительной мере способствовало «неудовлетворительное экономическое положение служащих на окраинных железных дорогах и неблагонадежный состав их»[59].

В этих сложных условиях, как подчеркивает Мустафин, генерал-губернатор «блестяще справился» с возложенными на него задачами по ликвидации «смуты» и водворению порядка: «Революционное движение было подавлено, главари движения арестованы, преданы суду, а часть вредных неблагонадежных партийных работников выселена из края»[60]. Этим целям служили, в частности, и предпринятые Н. И. Гродековым меры по укреплению административного аппарата, замене ряда правительственных чиновников на местах, вплоть до военных губернаторов областей, передаче в распоряжение генерал-губернатора полицейских органов, что обеспечивало осуществление единых военно-полицейских функций, изучению языка, ознакомлению с местным бытом и религией и, наконец, передаче края из ведения министерства военного в ведение министерства внутренних дел.

В новых изменившихся условиях Н. И. Гродеков считал нецелесообразным до осуществления оросительных работ проведение «широкого переселения» ввиду недостаточности «свободных» земель. По его мнению, для переселения необходимо было орошать новые земли, но «не отнимать у туземного населения его личным трудом орошенные земли и возбуждать этим недовольство против нашего управления»[61]. Несомненно, такой подход был вызван серьезными опасениями за существование самого института колониального господства[62]. Широкий размах революционных событий в 1905—1907 гг. оказал влияние на трудящиеся массы, способствовал пробуждению среднеазиатских народов к политической жизни[63].

Следует отметить, что эти положения Н. И. Гродекова, как и мысли об укреплении административного аппарата, нашли отражение и дальнейшее развитие в представлениях ревизии графа К. К. Палена[64] и затем главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина[65].

Таким образом, если уж такой «энтузиаст» переселенческого дела, каким был Н. И. Гродеков, заговорил о необходимости ограничений вплоть до того, что в его адрес Главным управлением земледелия была послана даже «вызывающая» телеграмма, «в которой в юмористической форме предлагалось выселить всех русских переселенцев из края и навсегда закрыть силою оружия

доступ в него русским людям»[66], то это было вызвано сложностью реальной обстановки, не учитывать которую колониальная администрация не могла[67].

В. А. Мустафин сообщает некоторые сведения о деятельности Гродекова в сфере культурно-просветительных учреждений края — туркестанского музея, публичной библиотеки, создания картинной галереи, которая служила бы в первую очередь целям ознакомления с «эпопеей завоевания (царизмом. — *Л. Л.*) Туркестана»[68]. Однако эта деятельность преследовала великодержавные цели и ограничивалась некоторыми частными мероприятиями, связанными с приобретением отдельных экспонатов. Значение имело лишь изыскание средств для продолжения начатого Межовым и прекратившегося при Розенбахе т. н. «Межовского сборника»[69].

Ценный познавательный материал, касающийся военной организации Туркестанского края, дают воспоминания Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова[70], опубликованные в 1966 г.[71]

Крупный военный специалист, внесший большой вклад в развитие военного искусства, Б. М. Шапошников принадлежал к числу тех представителей царской армии, которые после победы Великого Октября решительно порвали с прошлым и перешли на сторону народа.

Туркестанский период службы Б. М. Шапошникова охватывает 1903—1906 и 1910—1912 гг. В своих воспоминаниях он подробно характеризует Туркестанский военный округ, выявляет особенности организации, состава и комплектования воинских частей, вызванные условиями Туркестана, его стратегическим положением вблизи афганских границ. Так, отмечается, что во время русско-японской войны, потребовавшей привлечения дополнительных людских ресурсов, состав войск в Туркестане не только не сократился, но даже увеличился[72]. Автор рассматривает вопросы строевой и полевой подготовки солдат и офицеров[73].

Важное значение имеют сообщения мемуариста об общественно-политическом движении в армии. Время службы Б. М. Шапошникова в Туркестане совпало с бурным ростом революционных настроений, а затем и с революционными выступлениями широких трудящихся масс. Автор отмечает, что эти события находили отклик и в офицерской среде. «Среди офицеров, — пишет он, — происходили порой жаркие споры по поводу самых существенных вопросов положения в стране, действий правительства»[74]. Однако офицерство в основе своей оставалось верным оплотом монархического строя. В то же время проявлялась известная гибкость в отношении солдат, вызванная боязнью революционных выступлений: «В казармах начали появляться прокламации и воззвания, особенно с осени 1905 года. Полковник

Бердяев созвал всех офицеров и разъяснил, чтобы солдат, если они найдут и представят прокламацию, не наказывали, если только они не распространяют их сами»[75]. Офицеров обязывали знакомиться с программами всех партий «не исключая и социал-демократической, чтобы не оказаться политически безграмотным перед солдатом»[76]. В гарнизонной библиотеке в распоряжение офицеров была предоставлена литература всех направлений.

Б. М. Шапошников характеризует некоторых представителей высшего офицерского состава. Правда, с некоторыми оценками трудно согласиться. В этом, конечно, сказываются особенности личностного восприятия, свойственные мемуарам. Идеализируется образ генерала Самсонова[77]. Ограничиваясь личными впечатлениями, Б. М. Шапошников не затрагивает его деятельности на посту генерал-губернатора. Между тем мы знаем о неблаговидной роли Самсонова в подавлении восстания саперов в Троицких лагерях под Ташкентом в 1912 г. Характеристики ряда других лиц (генералы Моржецкий, Церпицкий, полковник Федоров) в какой-то мере объясняют низкую боеспособность армии, показывают разложение в офицерской среде[78]. Все это вместе с приводимыми фактами тяжелого положения солдат составляет обличительный аспект воспоминаний и позволяет сделать вывод, что в бюрократическом государстве, где подавлялись свободы и мысль, где была создана питательная среда для процветания разложенческих элементов, исключалось существование близкой народу армии. Одновременно сложившаяся система не могла не вызывать чувства протеста у передовых военных специалистов, закономерно пришедших впоследствии на службу своему народу (М. Ю. Ашенбреннер, П. В. Черкасов), в том числе и самого Б. М. Шапошникова[79].

Автор воспоминаний подробно описывает условия жизни, интересы и запросы офицерской среды. То обстоятельство, что эти подробности исходят от человека, вышедшего из среды офицерства и могущего дать ей объективную оценку с позиций уже советского офицера, повышает познавательную ценность воспоминаний.

Некоторые мемуары носят обличительный характер, направленный против определенной части царской служилой администрации в Туркестане.

Острая, обличительная характеристика тех, кто приезжал в Среднюю Азию для личного обогащения, дана в романе-хронике Н. Д. Ильина[80], одного из мелких чиновников, в 70—80-х годах служившего сначала в канцелярии туркестанского генерал-губернатора, а затем следователем в Ташкентской области. Опубликованный в 1913 г. в Ташкенте под названием «В новом краю» роман представляет большой интерес, так как все изображенное

в нем соответствовало действительности и в основном правильно отражало быт и нравы части общества в период 1876—1881 гг. Н. Ильин отрицательно характеризует некоторых администраторов, обнаруживая при этом наблюдательность и проявляя сочувствие местному населению.

Вновь завоеванный край, писал Н. Ильин, привлек массу авантюристов, искателей легкой наживы. В лице этих горе-администраторов царизм присылал «отребье, отбросы своего общественного организма»[81]. Они использовали служебное положение в целях личного обогащения: «Не с культурными же целями приехали они сюда! Вот поесть, попить, покутить, подебоширить, да еще и куш хапнуть — это другое дело»[82]. И, действительно, «дебоширили, кутили и хапали и иногда никакие меры со стороны генерал-губернатора не могли помешать этому»[83]. Высшие власти смотрели на происходящее сквозь пальцы «и не жизнь, а рай был этим цивилизаторам»[84]. В большинстве случаев царские администраторы приезжали в Туркестан, не имея ни гроша за душой, и, прослужив всего несколько лет, увозили отсюда большие богатства. Они строили каналы, по которым никогда не шла вода, и наживали на этом огромные состояния; продавали должности во время выборов администрации на местах. «Зло в Туркестанском крае являлось почти нормальным порядком, которого никто не стыдился и который вскрывался только в пределах необходимости избежать законной ответственности; всякая попытка сторониться от зла и придерживаться совести и закона считалась смешной и глупой идеализацией и именно безупречная нравственность и чистая совесть, а отнюдь не злоупотребления и проступки, составляют явления редкие, исключительные»[85].

Однако эта критика Ильина «изнутри» не затрагивала основ существующего строя, а вскрывала лишь те негативные стороны колониального господства в Средней Азии, которые дискредитировали власти в глазах местного населения. Подтверждением служит идеализация образа К. П. Кауфмана.

Следует указать также на один из факторов, затруднявших работу с романом-хроникой Ильина как своеобразным источником. Его литературная форма обусловила обобщенность событий и образов, широкое использование псевдонимов. В то же время созданные Ильиным образы соответствуют прототипам. Например, Зинаида Евграфовна Мордвинова, жена правителя канцелярии туркестанского генерал-губернатора, камергера Каблукова[86] выведена в романе в образе Башмаковой, властной и не стесняющейся средствами всесильной фаворитки при дворе ярым-паши. Если освободиться от известной утрировки, допущенной Н. Ильиным, то следует сказать, что З. Е. Мордвинова действительно была особой влиятельной[87].

Подробную характеристику ташкентского общества в более поздний период — 1895—1898 гг. приводит в своих воспомина-

ниях[88] бывший начальник Туркестанского военного арсенала С. Н. Ванков[89].

Наряду с такими произведениями, как роман-хроника Н. Ильина, лишь косвенно носящий мемуарный характер, имеются мемуары, связанные с конкретными случаями сложившейся системы служебных злоупотреблений. Таковы воспоминания Е. Смирнова[90]. Они невелики по объему, ограничены конкретными событиями и относятся к периоду службы автора в качестве секретаря особой строительно-дорожной комиссии при военном губернаторе В. Н. Троцком[91]. Наибольший интерес в них представляют сведения, относящиеся к ревизии советника Гирса в Туркестане и выявленных ею неприглядных сторон в действиях управленческого аппарата[92].

Туркестанский край привлекал к себе не только авантюристов, искателей легкой наживы, но и молодых, начинающих, даровитых ученых, которым бесконечно чужда была мысль о личном обогащении. Некоторые из них[93] отказывались от блестящих академических карьер в центре России, шли на скромные места преподавателей школ и либо навсегда, либо надолго поселялись в Туркестане, где занимались научной и общественно полезной деятельностью. Эти люди, наряду с чисто научной деятельностью, стремились помочь чем могли местному населению в области здравоохранения, просвещения, в изучении края. К их числу по праву может быть отнесен ряд участников так называемого «Хомутовского кружка»[94].

Среди произведений мемуаристики, отражавших деятельность передовой части прогрессивно настроенной русской интеллигенции, следует отметить воспоминания члена кружка К. А. Тимаева[95], редактора ежедневной газеты «Туркестанский курьер», человека с энциклопедическими познаниями о жизни края[96]. Помимо неопубликованной рукописи имеется также публикация К. А. Тимаева «Из воспоминаний о Петре Ивановиче Хомутове»[97].

Деятельность «Хомутовского кружка» отражена в воспоминаниях Л. В. Ошанина о своем отце В. Ф. Ошанине, опубликованных в 1961 г. под названием «Жизненный путь В. Ф. Ошанина»[98]. Материалом для них послужили личные впечатления и наблюдения, позволившие воссоздать образ одного из известных ученых-энтомологов на широком фоне современной исторической обстановки. Л. В. Ошанин был свидетелем многих событий из жизни не только В. Ф. Ошанина, но и его ближайших друзей — крупных ученых и общественных деятелей той эпохи.

Сведения Л. В. Ошанина дополняют неопубликованные воспоминания дочери Н. П. Остроумова, жены Н. Г. Маллицкого Е. Н. Маллицкой «Воспоминания о В. Ф. Ошанине»[99]. Воспоминания относятся к периоду юности Е. Н. Маллицкой и охватывают промежуток времени, предшествовавший переезду

В. Ф. Ошанина в Петербург в 1906 г. Они передают облик ученого, черты его характера, деятельность. Отдельные записи характеризуют культурную и научную жизнь Туркестана, в частности, создание и функционирование Туркестанского кружка любителей археологии, Туркестанского отдела Русского Географического Общества. Мемуаристка воссоздает образы других прогрессивных деятелей Туркестана и людей, близких к ним — П. И. Хомутова, его жены Екатерины Львовны, ее брата Д. Л. Иванова, Г. А. Лопатина. В тексте использованы отдельные бытовые эпизоды, позволяющие полнее раскрыть их образы, обстановку, в которой протекала их деятельность. Приведены выдержки из писем В. Ф. Ошанина к Н. П. Остроумову, в основном бытового характера, касающиеся публикаций научных трудов, а также политических событий того периода.

Е. Н. Маллицкая оставила воспоминания об отце — Н. П. Остроумове[100].

Некоторые сведения об Е. Л. Хомутовой содержатся в неопубликованных воспоминаниях Е. Н. Маллицкой, написанных по просьбе историка А. П. Савицкого[101]. Они отличаются лаконичной формой изложения. В воспоминаниях отражены внешний облик Е. Л. Хомутовой, ее деятельность по устройству детских приютов.

Нам известны также мемуары Д. Л. Иванова[102] об О. А. Федченко, «женщине широкого круга научных и общественных интересов»[103].

Сохранилась рукопись воспоминаний активного члена медицинских обществ в Туркестане[104], врача М. И. Шишовой о ее 60-летней деятельности[105].

Рассмотренные нами мемуарные источники при критическом к ним отношении позволяют воссоздать отдельные стороны административного устройства и политической жизни Туркестанского края. В них получили отражение мероприятия по гражданскому устройству края, организации школьного образования, своеобразие в решении религиозного вопроса, несовершенство процесса судопроизводства. Определенное место заняли вопросы военной организации, значение которой ввиду важного стратегического положения Туркестана не уменьшилось, а, наоборот, продолжало превалировать.

Мемуарные источники позволяют увидеть как бы два общественных лагеря в дореволюционном Туркестане — один антинародный, административно-колониальный находился на стадии политического и морального разложения, был сброшен в «мусорный ящик истории», и другой, который в честном и благородном служении народу двигал вперед науку и культуру, являл собою прогрессивную мыслящую и действующую часть передовой русской интеллигенции края.

Особого внимания заслуживает освещение событий, связанных с революционным и национально-освободительным движением в Туркестане в конце XIX — начале XX столетия, хотя эти источники и не обнаруживают попыток уяснения объективных причин движения, его внутреннего хода и развития. Данный весьма существенный пробел восполняет другая группа мемуаров, авторство которых принадлежит непосредственным участникам революционных событий.

Воспоминания участников революционного движения

Большую и разнообразную группу мемуаров представляют воспоминания о революционном движении в Туркестане в 1905—1907 гг.[106] Они отражают деятельность социал-демократических организаций края, воссоздают ход революционных событий, активных выступлений против царизма, хотя некоторые воспоминания затрагивают лишь отдельные эпизоды революционной борьбы.

Часть их освещает события, происходившие в крупном административном и политическом центре Туркестана Ташкенте, и деятельность Ташкентской социал-демократической организации[107]. Среди авторов воспоминаний один из организаторов нелегальной социал-демократической типографии большевик К. Д. Литвишко, член Ташкентской организации РСДРП рабочий А. Чичерин[108], участник ноябрьского выступления солдат Ташкентского гарнизона в 1905 г. Т. Магала[109], печатник, социал-демократ Т. И. Курилов[110], член стачкома Среднеазиатской железной дороги социал-демократ Н. Я. Глазунов[111], один из организаторов и руководителей Ташкентского профсоюза приказчиков Г. И. Воронцов[112], члены Ташкентской группы РСДРП Г. Колесников[113], С. Т. Дворянов[114], рабочие Главных среднеазиатских железнодорожных мастерских И. Н. Мокотович, М. П. Крупинин[115], Д. С. Золотарев, М. И. Тетушкин[116] и другие.

Насыщенные фактическим материалом о революционных событиях в Ташкенте мемуары оставил рабочий-железнодорожник С. Т. Дворянов[117]. Написаны они были в начале 20-х годов. Мемуарист, очевидно, пользовался архивными источниками. В делах Ташкентского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев сохранилось отношение в ЦУАРДЕЛ УзССР о допуске Дворянова к делам архива. Как член правления Общества С. Т. Дворянов имел возможность непосредственно дополнить сохранившиеся в его памяти факты и восстановить сопутствовавшие им обстоятельства.

По партийной принадлежности С. Т. Дворянов — меньшевик, в 1905—1907 гг. был членом Ташкентского комитета РСДРП. Впоследствии он порвал с меньшевиками. Однако политические

убеждения автора в период создания мемуаров наложили отпечаток на характер воспоминаний. Дворянов утверждает, что основную роль в социал-демократических организациях играли меньшевики, якобы именно за ними шли рабочие, а большевистское влияние в крае было незначительным. В этой связи к воспоминаниям Дворянова следует подходить с большой осторожностью[118].

В воспоминаниях С. Т. Дворянова[119] показано возникновение в Ташкенте первых социал-демократических кружков, оформление их в партийную организацию. Называется число членов организации, состав партийных комитетов, имена активных деятелей социал-демократического движения.

В ряде случаев С. Т. Дворянов пытается изобразить принципиальную позицию большевиков в их борьбе против меньшевистского руководства как сведение личных счетов, например, в освещении разногласий между М. В. Морозовым и А. Г. Зурабовым[120]. Как результат фракционной борьбы трактуется и постепенный отход части рабочих к социалистам-революционерам, хотя тут же говорится, что с выходом из организации большинства «интеллигентов социал-демократов», в основном меньшевиков, «остались почти одни рабочие, среди которых таких разногласий и такой распри, в частности и фракционной борьбы, не было»[121].

Таким образом, Дворянов противоречит самому себе. Его идейные взгляды обусловили оценку происходящего с позиций меньшевизма, стремление оправдать, обелить себя и своих товарищей. Приводимые же фактические данные доказывают обратное — раскольническую роль играли меньшевики, борьба большевиков за массы явилась решающей в развертывании революционного движения. Таковы сведения о роли В. М. Морозова в организации газеты «Русский Туркестан», его аресте. Находясь в тюрьме, Морозов продолжал партийную работу[122]. Свидетельствует С. Т. Дворянов и об участии в выпуске газеты большевика В. В. Быховского.

В мемуарах Дворянова приводится материал из истории периодических изданий — нелегальной «Рабочей газеты», легальных газет «Новый путь», «Рабочий» и др., сообщается о получении большевистской литературы — газет «Искра», «Пролетарий», причем отмечается, что эта литература шла через редакцию «Русского Туркестана»[123]. Называются социал-демократические организации, существовавшие в Самарканде, Асхабаде, Кизыл-Арвате, Андижане, Скобелеве, Коканде, Чарджуе и Мерве. Указывается, в частности, что социал-демократическая организация в Самарканде группировалась вокруг газеты «Самарканд», и организующую роль в ней играл большевик М. В. Морозов. Приводятся сведения о работе Ташкентской городской

партийной конференции (май 1906 г.), Туркестанского железнодорожного съезда (июль 1906 г.), конференции туркестанских организаций РСДРП (1906 г.), проходившей под председательством большевика Джапаридзе, использовании большевиками легальных средств при проведении работы среди рабочих и учащихся во время выборов в I и II Государственные думы, организации пропаганды в воинских частях[124].

Из крупных событий рассматриваемого периода в мемуарах С. Т. Дворянова отражены октябрьские события в Ташкенте в 1905 г., восстание солдат Ташкентского гарнизона 15—16 ноября 1905 г., забастовка рабочих железнодорожных мастерских в мае 1906 г., наступление реакции, разгром социал-демократических организаций, железнодорожного союза и др.

В воспоминаниях Дворянова освещается также деятельность социалистов-революционеров и анархистов[125], что представляет определенный интерес в общем плане изучения революционного движения в Туркестане.

Большую роль в пробуждении революционного самосознания трудящихся масс сыграла большевистская печать. Вопросы, связанные с изданием пропагандистской литературы, отражены в воспоминаниях большевика К. Д. Литвишко, написанных в 1928 г.[126]

Значительно расширившаяся издательская деятельность Ташкентской группы обусловила необходимость создания подпольной типографии. За ее оборудование взялся столяр железнодорожных мастерских Литвишко, и уже к августу 1905 г. устройство типографии было в основном завершено. Лишь арест Литвишко несколько отсрочил ее открытие. Во время ареста типография не была обнаружена. Она начала работать во второй половине октября 1905 г., а 9 мая 1906 г. была разгромлена полицией[127]. Вскоре была оборудована новая подпольная типография. В сравнительно небольших по объему воспоминаниях К. Д. Литвишко описаны обстоятельства оборудования этих типографий, названы имена активных участников, трудности работы, проходившей в условиях конспирации, подчеркивается активная роль рабочих в организации типографии[128], которые восприняли это как кровное, близкое дело и сделали все возможное для его осуществления[129].

В воспоминаниях одного из активных участников движения, члена Ташкентской группы РСДРП А. Г. Калашникова[130], написанных в 1930 г.[131], последовательно изложен ход революционных событий в рассматриваемый период. Описан банкет 12 января 1905 г. в Ташкенте, знаменательный выступлением рабочих, предъявивших политические требования. Отмечается роль местных социал-демократов во главе с большевиком В. Д. Корнюшиным в развитии революционного движения в крае.

События, связанные с банкетом, вызвали репрессивные меры. Так, некоторые ораторы были подвергнуты обыску и аресту, Д. Меньшиков, вольнонаемный рабочий артиллерийской мастерской, отдан под суд и приговорен к заключению в крепость на полтора года[132]. Была усилена полиция, контрпропаганда среди рабочих. В то же время А. Г. Калашников, характеризуя это событие «как первое публичное выступление рабочих с провозглашением верховенства народа», утверждает, что администрация не решилась на репрессивные меры якобы из-за того, что «инициатива сбора и председательство принадлежали члену окружного суда»[133].

Описаны октябрьские события в Ташкенте, неразрывно связанные с январскими событиями в России, расстрел безоружных участников митинга у здания Городской думы 19 октября[134]. Эта акция лишила проманифестских иллюзий даже отсталые слои трудящихся, убедившихся, что объявленный в октябре 1905 г. царский манифест о «свободах», в том числе о «свободе собраний», которую граждане Ташкента пытались осуществить у здания Думы — не что иное, как фикция. А. Г. Калашников отражает накал политической атмосферы митингов и демонстраций.

Октябрьские события вызвали значительный революционный подъем в армии, нарастание которого нашло отражение в выступлении солдат Ташкентского гарнизона в ночь с 15 на 16 ноября 1905 г. В воспоминаниях вскрыты причины поражения: преждевременность выступления, недостаточная подготовленность, оторванность от пролетариата революционно настроенных масс трудящихся и частей гарнизонов, отсутствие твердого революционного руководства, нерешительность и выжидательность. Мемуарист фиксирует факт неожиданности восстания для Ташкентской группы РСДРП: «Организационной связи с движением не было. Группа была застигнута врасплох и потому не могла оказать солдатам помощи»[135]. Калашников подтверждает, что многие трудности были вызваны авантюристической политикой эсеров[136], которая сказалась в их отказе от необходимости тщательной подготовки восстания, выработки общей программы действий. Это привело к тому, что «солдаты крепости не имели представления о своей непосредственной цели и тактике — забастовка с предъявлением бытовых требований или же мятеж с захватом крепости и натиском на существующую власть в полном объеме»[137].

Восстание в Ташкентской крепости активизировало дальнейшее нарастание революционных событий в крае. А. Г. Калашников отмечает рост революционной активности трудящегося населения городов, протестовавшего против расправы над участниками выступления, рассказывает об организации и ходе второй забастовки железнодорожников.

Описывает он и контрреволюционные правительственные меры, оживление правых элементов, активизацию черносотенных сил, в частности в Ташкенте; характеризует газету «Среднеазиатская жизнь», придерживавшуюся «умеренно-либеральных» принципов и позиций «Манифеста 17 октября»[138].

Революционный подъем во второй половине 1905 г. вызвал дальнейший рост социал-демократических организаций Средней Азии. К концу 1905 — началу 1906 г. они действовали уже в большинстве городов — Ташкенте, Самарканде, Черняеве, Коканде, Андижане, Новом Маргилане, Чарджуе, Красноводске, Казанджике, Перовске и Казалинске. При некоторых были созданы военные организации РСДРП. Усилилась пропагандистская и организаторская работа в массах, значительно улучшилась внутрипартийная работа. Характерно в этой связи описание А. Г. Калашниковым первой Всетуркестанской конференции РСДРП, созванной по инициативе Ташкентской группы в конце февраля 1906 г. и имевшей целью объединение разрозненных социал-демократических групп и организаций[139]. Конференция сыграла важную роль в упорядочении партийной работы и установлении связи между социал-демократическими организациями[140]. По мнению же Калашникова, она не внесла «ничего нового в социальную жизнь Туркестана»[141]. Эта оценка неверна, она противоречит приводимому автором фактическому материалу.

Много внимания в воспоминаниях уделяется внутрипартийным разногласиям. Упорядочение и развертывание партийной работы в Туркестане после IV съезда РСДРП сопровождались ожесточенной фракционной борьбой меньшевиков против большевиков. Меньшевикам удалось захватить руководство в Союзном комитете туркестанских организаций РСДРП, что привело к падению влияния Комитета среди рабочих. Автор воспоминаний приводит убедительные свидетельства того, как при перевыборах Ташкентского комитета, состоявшихся осенью 1906 г., меньшевистские вожаки из Союзного комитета[142] оказались забаллотированными[143], в то время как находившийся в тюрьме большевик Быховский[144], избранный заочно, получил 120 голосов[145]. Фракционная внутрипартийная борьба, как правильно отмечает А. Г. Калашников, ослабляла революционное движение, мешала организации совместных действий против самодержавия.

Приводятся данные об агитационно-пропагандистской деятельности Ташкентской группы РСДРП, большевистской печати, отмечается важное пропагандистское значение газеты «Русский Туркестан», превратившейся в сущности в этот период в легальный печатный орган большевиков, ее тесная связь с народными массами, огромная роль М. В. Морозова в организации издания и вообще в развитии революционных событий в Тур-

кестане[146]. В частности, говорится об отрицательном отношении к газете меньшевистского руководства, что еще раз подтвердило его раскольническую тактику: «Другой более определенной газеты, — замечает Калашников, — в условиях легальности в Туркестане существовать не могло, и эта газета явилась органом пропаганды общих принципов социализма и демократии, органом борьбы с чиновниками самодержавия...»[147].

Наряду с событиями, происходившими в Ташкенте, мемуарист отмечает революционный подъем в 1906 г. среди рабочих и солдат гарнизонов в Черняеве, Новом Маргилане, Коканде, останавливается на работе местных социал-демократических организаций. Сами поездки автора, выполнявшего активные пропагандистские функции, явились результатом стремления социал-демократов к совместным действиям всех трудящихся масс края.

Воспоминания А. Г. Калашникова в основном правильно отражают события периода первой русской революции и содержат в большинстве случаев их объективную оценку. Особый интерес представляют его сообщения о внутренней организации и деятельности Ташкентской группы РСДРП, анализ ее слабых сторон, проявившихся во фракционности и раскольнических действиях меньшевистского руководства. Конечно, утверждать, что Калашникову удалось воспроизвести всю картину в целом, во всей сложности происходивших процессов, мы не можем: отдельные моменты поданы схематично, некоторые упомянуты вскользь для сохранения общей канвы описания. Автор избегает также точных определений дат и т. д. Одной из существенных ошибок следует считать утверждение, что революционное движение якобы не коснулось коренного населения и «это был, конечно, большой минус для движения»[148]. Общеизвестны неоспоримые факты пробуждения и среднеазиатских народов к политической жизни, проникновения освободительных идей в среду трудящихся коренных национальностей, тщетных попыток царской администрации и сил реакции нейтрализовать этот процесс и свести его на нет. Как указывается в постановлении ЦК КПСС «О 80-летии революции 1905—1907 годов в России»: «В общий поток демократических сил вливалось растущее национально-освободительное движение. Вместе со своими русскими братьями на борьбу против царизма поднялись рабочие и крестьяне Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и других национальных районов. Российский рабочий класс под руководством большевиков высоко поднял знамя пролетарского интернационализма, создавая единый фронт борьбы трудящихся всех национальностей против социального и национального гнета»[149].

Некоторые сведения об агитационно-пропагандистской работе среди ташкентских рабочих, октябрьской забастовке 1905 г. и забастовочном движении 1906 г. содержат воспоминания

И. Н. Мокотовича, Д. С. Золотарева, М. П. Крупинина, М. И. Тетушкина. Видимо, большой разрыв во времени их фиксирования (50-е годы XX в.) обусловил некоторый схематизм в изложении, неточности в датах и т. д. К тому же авторы воспоминаний как рядовые участники событий не вдавались в подробности организационного порядка, не всегда, очевидно, им известные.

Многие свидетельства очевидцев характеризуют революционные события в других городах Туркестана. Все они подтверждают подъем революционной активности трудящихся края. Так, развитию революционного движения в Самарканде посвятили воспоминания сотрудники легальной большевистской газеты «Самарканд» А. С. Паренков, М. Л. Янковский, А. Хачиев и др.

Воспоминания А. С. Паренкова[150], написанные в 1923 г.[151], содержат большой фактический материал по истории организации большевистской легальной печати, подтверждающий огромную роль газеты «Самарканд» в развитии революционных событий 1905—1907 гг. в Туркестане. К ней в полном объеме можно отнести слова В. И. Ленина, что большевистская газета — это «не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»[152].

Газета «Самарканд» не только пропагандировала марксистско-ленинские идеи. Вокруг нее группировались революционные элементы, сложился революционный кружок, осуществлялись связи с иногородними организациями РСДРП, а также с ЦК РСДРП, выписывалась партийная литература, которая распространялась затем в крае. Редакция «Самарканда» снабжала типографским шрифтом подпольную социал-демократическую типографию. В необходимых случаях прокламации печатались и в газетной типографии[153]. Газета имела своих корреспондентов среди рабочих, солдат, крестьян, учащихся, ремесленников.

Воспоминания А. С. Паренкова свидетельствуют также о широкой популярности и авторитете, которыми пользовались среди рабочих, солдат, всех демократических слоев населения редакторы газеты М. В. Морозов и П. В. Поздняков.

Другую значительную группу воспоминаний о революционном движении 1905—1907 гг. составляют свидетельства участников событий, происходивших в Закаспийской области, непосредственно в таких ее городах, как Асхабад, Кизыл-Арват, Красноводск, Мерв, Кушка. Среди них воспоминания рабочих-железнодорожников[154], членов социал-демократической партии, активных участников революционных событий 1905—1907 гг. в Асхабаде — Г. И. Захарова[155], И. К. Лукьянова[156], А. С. Шереметьева[157], К. И. Трофимова[158], члена Дорожного стачечного комитета П. Д. Андриевского[159], председателя «Асхабадского кружка железнодорожников» И. И. Первышева[160], рабочего асхабадской типографии Федорова А. Иванова[161], солдата I Закаспийского

железнодорожного батальона социал-демократа А. В. Берекашвили[162], солдат асхабадского гарнизона, социал-демократа А. С. Токайшвили[163], Товардовского[164], солдата Кушкинской железнодорожной полевой роты Г. Габричидзе[165], рабочего мервского железнодорожного депо, социал-демократа И. Битюкова[165], рабочего кизыларватских железнодорожных мастерских М. Ф. Бацуры[167], члена Красноводской организации РСДРП В. Д. Дмитриева[168], рабочего депо станции Красноводск большевика Ф. С. Субботина[169] и других.

Значительный интерес для изучения событий, происходивших в Асхабаде, на Среднеазиатской железной дороге в дни октябрьской и ноябрьской забастовок представляют воспоминания П. Д. Андриевского[170], написанные в 1924 г. В них последовательно описывается октябрьская забастовка, отмечается, что она носила выраженный политический характер[171]. Мемуарист обращает внимание на организационные трудности, вызванные специфическими условиями Закаспийской области. Отмечается единодушный подъем, с которым было встречено сообщение о начале забастовки на местах, приводится состав Дорожного стачечного комитета[172], представлявшего в основном служилую среду (бухгалтера, конторщики, счетоводы и проч.), по своей партийной принадлежности меньшевиков и людей, имевших не ясно выраженную политическую ориентацию, что и определило ярко выраженную соглашательскую линию, проводимую комитетом. Описаны встречи членов комитета с генералами Ульяниным[173] и Уссаковским[174], соглашение о порядке проведения забастовки, характер которого значительно снижал революционную направленность выступления. Направлялись специальные депутации к генералу Уссаковскому даже по вопросу о месте прохождения митингов[175].

Воспоминания свидетельствуют о политике маневрирования представителей царской администрации в лице генерала Уссаковского, действовавшего весьма осторожно в стремлении исподволь направлять ход событий, используя соглашательские тенденции части Дорожного стачечного комитета. Сам Андриевский наивно и откровенно говорит о нем, как «о простом и добродушном»[176] человеке, который «принимал нас вне всякой очереди в своем рабочем кабинете, любезно предлагая каждому кресло и только после этого садился сам и внимательно выслушивал каждого из нас. Случалось долго спорить, но просьбы наши всегда удовлетворялись. Генерал Уссаковский признавал наше — железнодорожников право — на «мирную забастовку»[177].

Стремление во что бы то ни стало оправдать и приукрасить действия Дорожного стачечного комитета (Центрального забастовочного комитета), подчеркнуть его определяющую роль наглядно проявляется в даваемых Андриевским характеристиках

членов комитета, именуемых людьми «несомненно стойкими», которые «пользовались доверием, уважением и авторитетом не только в Асхабаде, но и за пределами его»[178]. Этим же обстоятельством объясняется и то, что в первый же день объявления забастовки «дело обусловилось быстрым присоединением всех линейных товарищей»[179].

Революционная активность станционных стачечных комитетов способствовала широкому размаху забастовки. Один из существенных недостатков воспоминаний — игнорирование роли стачкомов, недооценка значения их деятельности. В то же время именно они сумели придать движению ощутимо выраженные революционные формы. Пролетарский социальный состав станционных стачечных комитетов определил революционный образ их действий, а также обеспечил большевистское влияние в этих комитетах[180].

Аналогично описаны мемуаристом и события, связанные с ноябрьской забастовкой 1905 г.[181] Внимание его концентрируется в основном на двух аспектах: действиях Асхабадского отделения Союза инженеров и техников (с подробным рассмотрением выдвинутых политических требований) и движении за освобождение активных участников революционного движения в крепости Кушка, приговоренных к смертной казни генералом Прасоловым[182]. Подробно останавливается П. Д. Андриевский также на репрессивных действиях царской администрации по отношению к лицам, принявшим активное участие в октябрьской и ноябрьской забастовках[183]. Описывается деятельность различных правительственных комиссий, составы судов, судебные процессы, рассматривается существо предъявленных обвинений[184]. Использует мемуарист и некоторые документальные материалы. Действиям Дорожного стачечного комитета (Временного центрального комитета) П. Д. Андриевский уделяет меньше внимания, но приводимые им данные все же представляют определенный интерес, поскольку они характеризуют соглашательские действия комитета, оказавшегося во главе забастовочного движения железнодорожных рабочих[185].

Революционное движение охватило и солдат царской армии. Выступили и солдаты Ташкентской крепости. Кровавая расправа с восставшими вызвала возмущение среди солдатских масс и, в первую очередь, железнодорожных войск. Наиболее серьезные события развернулись в 1-м и 2-м Закаспийских железнодорожных батальонах. Их описание и характеристика содержатся в воспоминаниях И. Л. Милорадова[186].

Написанные активным участником движения, бывшим телеграфистом роты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, воспоминания сравнительно невелики по объему[187]. Тем не менее автору удалось осветить основные моменты происходив-

шего — присоединение солдат к общей ноябрьской забастовке, организацию ротных комитетов, собраний, характер предъявленных солдатами требований. Изложены события, связанные с карательными действиями генерала Прасолова по ликвидации ноябрьско-декабрьской забастовки[188]: объявлением населенных пунктов на военном положении, занятием их войсками, арестами членов стачечных комитетов — участников революционного движения. Привлекает внимание тот факт, что когда на станции Иолатан получили сообщение о приближении карательного поезда, «было собрано общее собрание, на котором и было постановлено встретить этот поезд с оружием в руках, разобрать рельсы, пустить поезд под откос и обстрелять, о чем срочной телеграммой был поставлен в известность и Асхабадский Центральный комитет, который немедленно дал ответ: «К вооруженной силе не прибегать», тогда общим собранием роты решили оставаться всем на своих местах, относясь враждебно к карательному отряду, не оказывая ему никакой помощи»[189].

Таким образом, еще раз подтверждается то обстоятельство, что генералу Прасолову не удалось сломить боевой дух революционных рабочих и солдат, и только позиция, занятая соглашательским меньшевистским руководством Временного центрального стачечного комитета (Дорожного стачечного комитета), привела к прекращению забастовки.

В воспоминаниях И. Л. Милорадова все происходившее рассматривается сквозь призму личностного восприятия одного из рядовых участников (на одной из конкретных рядовых железнодорожных станций) событий, типичных в своих общих чертах для многих населенных пунктов Туркестана. Главное в них — констатация факта усиления революционных настроений.

События, связанные с октябрьской и ноябрьской забастовками 1905 г., освещены и в воспоминаниях солдата кушкинской железнодорожной полевой роты Г. Габричидзе[190] (1924 г.). Мемуарист излагает общий ход событий, объясняет причины, послужившие поводом к началу забастовочного движения, описывает образование и состав Временного центрального забастовочного комитета, действия генерала Прасолова по подавлению революционного движения, приводит сведения об образовании и деятельности социал-демократических организаций в Закаспийском крае, и прежде всего в Асхабаде.

Так, он сообщает об организации «Асхабадской группы РСДРП», постепенном росте числа ее членов, называет имена участников — рабочих Асхабада и солдат расквартированных здесь войсковых частей (Метревели, Безухов, Ахвледиани, Васильев, Петров, Бадаев, Стадульский, Матушка, Токайшвили и др.)[191].

Асхабадская социал-демократическая группа поддерживала интенсивные связи с Бакинским большевистским комитетом РСДРП. В ее составе уже в 1904 г. были многие большевики или сочувствовавшие им люди — В. П. Вахнин, Л. Л. Стабровский, А. Г. Хачиев[192] и др. Бакинский комитет РСДРП посылал в Закаспий социал-демократическую литературу, направлял туда агитаторов, организаторов, помогал оборудовать подпольные типографии; закаспийские социал-демократы ездили в Баку за революционной литературой, инструкциями и т. д.[193] В Асхабадскую группу РСДРП одними из первых, как сообщает Г. Габричидзе, вошли переведенные в Закаспий из Закавказья и ставшие активными проводниками социал-демократического влияния солдаты, в их числе большевик Я. Метревели[194].

В воспоминаниях описывается история создания и деятельности первой нелегальной типографии в Асхабаде и затем, после ее разгрома, второй типографии; рассказывается об агитационно-пропагандистской работе социал-демократических организаций Закаспия среди солдат, издании газеты[195], выпуске революционных прокламаций. Прослеживаются пути доставки нелегальной литературы из Баку в Красноводск, Кизыл-Арват, Асхабад, из Асхабада в Кушку и т. д. Одним из пунктов, в который автор сам доставлял нелегальную литературу, являлся Актепе в окрестностях Асхабада, где был расположен военный лагерь[196]. Мы располагаем также исходящими из официальных источников[197] сведениями, что в этом лагере наблюдались случаи распространения социал-демократических прокламаций, обращенных к солдатам[198].

Недовольство солдат тяжелыми бытовыми условиями усиливало действенность социал-демократической пропаганды среди них. «Через несколько времени, летом, — пишет Г. Габричидзе,— нашу роту перевели на работу по проведению узкоколейки от ст. Безмеин до курортного местечка «Фирюза». Работали в ужасных условиях. Все поголовно переболели; каждый день записывались в околотке около 50—60 человек больных. Среди солдат начался ропот»[199]. Поэтому социал-демократы включали в свои прокламации, обращенные к солдатам, и бытовые требования, устраивали собрания, на которых эти требования вырабатывались[200]. Листовки приобщали солдат к политической жизни, вызывали протест против вынужденного участия в репрессиях, разъясняли общность интересов рабочих, крестьян и солдат в их борьбе с самодержавием.

Упорная, систематическая большевистская пропаганда в войсках сыграла большую роль в нарастании массовых солдатских возмущений в Туркестане летом 1906 г. Этому же способствовал и начавшийся общий революционный подъем. Особенно серьезные события происходили в июне—июле 1906 г. в гарнизонах

Ташкента, Асхабада и Красноводска, что также отражено в воспоминаниях Г. Габричидзе. В них прослеживаются события в Асхабаде с 13 по 18 июня 1906 г., описываются предъявленные требования, передана революционная атмосфера митингов и массовых революционных демонстраций, солидарность солдат других гарнизонов, в частности Кушкинского[201]. Называются восставшие части: 2-й и 3-й Закаспийские стрелковые батальоны, 3-я рота 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, Кушкинская полевая железнодорожная рота и некоторые другие[202].

Воспоминания свидетельствуют о том, что восстание в войсках Асхабадского гарнизона носило стихийный характер и Асхабадская группа РСДРП не сумела обеспечить его организацию. Действовавшие в частях и подразделениях гарнизона комитеты также не смогли взять руководство движением в свои руки. Правда, Г. Габричидзе говорит о выступлениях на митингах большевика Я. Метревели, попытке создания военного штаба и временного революционного правительства, в состав которого вошли большевики В. П. Вахнин, И. Н. Нестеров, Я. Метревели[203]. Однако социал-демократам не удалось оказать достаточно серьезного влияния на ход восстания, не говоря уже о том, что само восстание носило чисто локальный характер и уже тем самым было обречено на поражение. Сообщается о репрессивных мерах в отношении участников выступлений, судебных процессах, называются фамилии осужденных.

Г. Габричидзе в основном верно отражает общий характер развития революционного движения и социал-демократической работы в Закаспийской области накануне и во время первой народной революции 1905—1907 гг. Правильны датировка, имена участников движения. В то же время не все важные события упомянуты в воспоминаниях, например, крупная массовая политическая демонстрация в Асхабаде в июле 1905 г., после которой Закаспийская область была объявлена на положении усиленной охраны.

Воспоминания о возникновении и деятельности партийной организации в Асхабаде и революционном движении в Закаспии в 1905—1907 гг. оставил социал-демократ И. Н. Нестеров[204]. Особенно подробно он останавливается на пропагандистской деятельности организации, связях с другими городами, издании партийной литературы, а также современных политических событиях. В то же время им допущено много фактических неточностей. Например, издание газеты «Молот» в Кизыл-Арвате он относит к 1904 г., тогда как она стала выходить с начала 1906 г. Дается неправильная характеристика генерала Прасолова — реакционера, усмирителя, одного из ненавистных народу царских генералов. В представлении И. Н. Нестерова, Прасолов

«старый вояка, выслужившийся до генеральского чина из солдат, человек, любивший сильно выпить, и, надо сказать, что таких выпивох и рубаха-парней солдаты очень любят»[205]. По свидетельству Нестерова, Морозов был убит солдатами 2-го Закаспийского батальона[206]. На самом же деле Морозов, который в сентябре 1906 г., во время судебного процесса над солдатами Асхабадского гарнизона, участвовавшими в июньском вооруженном восстании 1906 г. в Асхабаде, убил военного прокурора Туркестанского военного окружного суда генерала Рынкевича, был зарублен при попытке к бегству дежурным офицером Борисоглебским. Неправильно называется фамилия солдата Петрунина, покушавшегося на жизнь генерала Прасолова, — Пронин и т. д.

Участник революционного движения 1905—1907 гг. А. В. Берекашвили[207] сообщает о проходивших в третьей роте 1-го Закаспийского железнодорожного батальона (г. Асхабад) в июне 1906 г. митингах, солдатских собраниях, демонстрациях[208]. Подчеркиваются стихийность и неорганизованность выступления, обусловившие его неудачу. А. С. Токайшвили останавливается на деятельности Асхабадской группы РСДРП по организации работы пропагандистских кружков, отмечает, что наряду с пропагандистскими, существовали теоретические кружки, где изучались «Капитал» К. Маркса, «Эрфуртская программа», обсуждались отдельные нелегальные издания[209].

Об «Асхабадском кружке железнодорожников» рассказывает в своих воспоминаниях его председатель И. И. Первышев[210]. Он подробно освещает организационные вопросы, называет имена участников, в основном служащих управления Среднеазиатской железной дороги[211]. В октябре 1905 г. кружок стихийно был вынесен событиями на гребень революционной волны, но вскоре в связи с созданием железнодорожного союза прекратил существование. Первышев отражает состав и соглашательскую позицию Дорожного стачечного комитета. Об этом же рассказывает в своих воспоминаниях член мервской социал-демократической группы М. С. Руманов[212]. Одновременно он характеризует политику генерала Уссаковского как администратора, стремившегося ценой незначительных уступок удержать движение в определенных рамках ради сохранения самодержавия, всей господствующей системы. М. С. Руманов говорит о всеобщем недовольстве политикой комитета, в частности мервских рабочих, протестах низовых станционных комитетов, руководимых большевиками, подчеркивает, что только благодаря организующей роли низовых комитетов движение получило революционную направленность. Приводятся факты о его поддержке местным населением, проявившим живой интерес к работе мервской организации РСДРП.

Действия низовых стачечных комитетов на местах отражены в воспоминаниях члена Кизыларватской социал-демократической

организации А. Д. Чичерина[213]; участника революционного движения солдат железнодорожного батальона, расквартированного в Казанджике, В. Панфилова[214]; участников революционного движения: в Красноводске — большевика П. Ф. Пальчикова[215], в Чарджуе — большевика А. С. Макарова[216] и других. В основном они верно освещают события и активную роль в них стачкомов. Имеющиеся фактические неточности относятся в основном к хронологии, цифровым данным и т. д. Например, в воспоминаниях П. Ф. Пальчикова приезд большевика В. Д. Дмитриева в Красноводск датируется 1907 г., тогда как он приехал еще в 1905 г. В воспоминаниях А. Д. Чичерина число выпусков газеты «Молот» определено восемью номерами, фактически вышло пять[217]; он же допускает ошибку, указывая, что карательная экспедиция генерала Прасолова не состоялась[218].

Первая буржуазно-демократическая революция пробудила к борьбе и трудящихся национальных окраин. Мемуаристы уделили в своих воспоминаниях внимание и процессу постепенного приобщения к движению трудящихся местных коренных национальностей. За каждой демонстрацией шли или ехали верхом жители «старых городов» и близлежащих кишлаков и аулов, они зачастую шли вместе с демонстрантами, принимали участие в революционных митингах и др. Об этом вспоминал С. Т. Дворянов в связи с многотысячной демонстрацией 18 октября 1905 г. в Ташкенте[219]. Другой мемуарист, А. С. Паренков, описывая митинг в Самарканде по поводу царского манифеста 17 октября 1905 г., писал: «Нужно было организовать митинг, чтобы разъяснить тысячной толпе, среди которой было много туземцев, значение этой победы рабочего класса»[220]. А. П. Гольберг, бывший председатель Ташкентского стачечного комитета Среднеазиатской железной дороги, выступая на заседании землячества Средней Азии в Москве 26 декабря 1930 г., говорил: «Коренное население как во время первой забастовки, так и второй, являлось к нам на митинги и расспрашивало о том, чего мы бастуем и чего хотим»[221].

Царская администрация всячески пыталась помешать этому проявлению солидарности, объединению революционной и национально-освободительной борьбы. Член стачечного комитета Среднеазиатской железной дороги в Ташкенте Глазунов писал в своих воспоминаниях по поводу демонстрации в связи с похоронами жертв расстрела 19 октября в Ташкенте: «К нам подходили узбеки, но полиция их отгоняла. Мы спрашивали: почему трогаете узбеков? — Нам полиция отвечала, что им здесь делать нечего»[222]. Все это свидетельствует о том, что национально-освободительное движение начинало тесно сплетаться с революционной борьбой, принимало более отчетливый классовый характер. В значительной мере этому способствовала пропагандистская деятельность

социал-демократов среди местного населения. Об этом вспоминает, например, старый большевик Султанходжа Касымходжаев[223].

Своеобразным и малоизученным проявлением освободительного движения в регионе явилось относящееся к этому времени стихийное выступление в сельских местностях Самаркандской области, которое возглавлял Намаз Пиримкулов. Имеющаяся официальная документация, а также свидетельства очевидцев могут служить подтверждением того, что это движение (если придерживаться такого определения данного явления) было не лишено социального характера и направлено против местной эксплуататорской верхушки и царских колонизаторов[224].

В целом же национально-освободительное движение в Средней Азии не оставалось в стороне от влияния революционной борьбы. В «Докладе о революции 1905 года» В. И. Ленин отмечал, что в «тогдашней России национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением»[225]. Характеризуя этот важнейший процесс втягивания народов Востока в мировое революционное движение, В. И. Ленин в статье «Пробуждение Азии» писал: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»[226].

Обширный материал из истории революционного движения в Средней Азии в 1905—1920 гг. приводится в воспоминаниях его активного участника Д. И. Манжары[227], опубликованных Среднеазиатским институтом истории партии в 1934 г.[228] Для них характерно привлечение документальных материалов, а также научных и научно-популярных книг современного мемуаристу периода. Это относится прежде всего к начальному этапу революционных событий — с момента зарождения социал-демократических организаций в Туркестане и революции 1905—1907 гг., свидетелем которых Д. И. Манжара не был, так как прибыл в Ташкент в 1909 г. Тем не менее Д. И. Манжара был в курсе многих вопросов и потому сообщаемые им сведения имеют большую ценность.

Воспоминания Д. И. Манжары фиксируют основные моменты революционного движения и характеризуют положение рабочего класса в дореволюционном Туркестане. Много внимания уделяет он национальному вопросу и вообще участию в революционном движении трудящихся масс коренных национальностей.

В сохранившемся мемуарном фонде отражены события, связанные с дальнейшим развитием революционного движения в Средней Азии. Мы ограничились лишь начальным его этапом.

Последующие этапы должны стать предметом специального изучения.

Таким образом, мемуарные источники содержат много сведений о революционных событиях в Средней Азии. Особое значение имеют данные о развитии социал-демократического движения, становлении социал-демократических организаций, возрастании роли большевистского ядра. Эти сведения во многом дополняют и исправляют сообщения официальных документов.

Революция 1905—1907 гг. в России имела огромное историческое значение. Как указывается в постановлении ЦК КПСС «О 80-летии революции 1905—1907 годов в России», «эта революция пробудила к политической жизни широчайшие массы рабочих и крестьян, другие слои населения, ознаменовала начало нового исторического периода — периода глубоких социальных потрясений и революционных битв. Несмотря на поражение, она поколебала устои самодержавно-помещичьего строя, явилась, по определению В. И. Ленина, «генеральной репетицией Великого Октября»... Революция 1905—1907 гг. была первой в мировой истории революцией, в которой марксистская партия выступила как самостоятельная политическая сила со своей программой, четко разработанной стратегией и тактикой. Прочно опираясь на трудящиеся массы, выражая их чаяния и стремления, партия политически воспитывала и закаляла их в ходе классовых битв, сплачивала вокруг пролетариата»[229].

Воспоминания являются ценным материалом для изучения жизни и деятельности участников революционного движения в Средней Азии. Эта разновидность мемуаров как источников требует от историков критического отношения, необходимого комментирования, уточнения дат, имен и т. д.

* * *

Как показало проведенное исследование, в распоряжении историков имеется большое количество мемуарных источников, освещающих различные аспекты социально-экономической, политической и культурной жизни народов Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в.

Рассмотренные материалы позволяют ознакомиться со многими деталями происходивших событий, не получившими достаточного освещения, либо вовсе не упомянутыми в соответствующих документах. Не претендуя на полный охват источников, мы проанализировали лишь часть из них, что даст возможность полнее и объективнее судить о важнейших явлениях рассматриваемого периода среднеазиатской истории и расширит представление об этом периоде.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

[1] Материалы Пленума ЦК КПСС 14—15 июня 1983 года. М.: Политиздат, 1983; Постановление ЦК КПСС «О 80-летии революции 1905—1907 годов в России».— Правда, 1985 г., 3 января; Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. Часть вторая, раздел V. Идейно-воспитательная работа, образование, наука и культура. М., 1986; Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. Раздел IV. Ускорение научно-технического прогресса и развитие науки. М., 1986.

[2] Основные направления.., с. 24.

[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 727.

[4] Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. М.. 1956, с. 678—679.

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 407.

[6] Например, работы «Как чуть не потухла «Искра», «Запись 29 декабря 1900 года», «Рассказ о II съезде РСДРП», «Об обстоятельствах ухода из редакции «Искры» написаны на основе личных воспоминаний.

[7] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 324.

[8] Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967, с. 559.

[9] «Введение в русскую историю (источники и историография)» В. И. Пичеты (1922 г.), «Методология исторического исследования» А. В. Шестакова (1929 г.), «Программа для изучения быта рабочих» Е. Марголиной (1930 г.), «Автобиографический материал, как источник изучения истории пролетариата» Б. И. Горева и ряд других.

[10] Таковы работы М. И. Новиковой «Мемуары и жизнь» (1957 г.), В. К. Яцунского «К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения Истории СССР» (1958 г.), М. Н. Черноморского «Мемуары как исторический источник» (1959 г.), А. Лукашева, С. Шаумяна и С. Щепрова «Мемуарная литература и историческая правда», (1959 г.), М. Марковского «О форме исторических исследований» (1960 г.), И. Кузнецова «За точность военно-исторических фактов» (1960 г.), Г. И. Оськина «Военные мемуары» (1961 г.), М. К. Рожковой «Мой опыт работы с историческими источниками» (1961 г.), Л. М. Рошаля «К методике составления каталогов мемуаров и дневников» (1961 г.), М. К. Макарова «О принципах классификации письменных источников» (1961 г.), М. Н. Черноморского «Работа с мемуарами при изучении истории КПСС» (1961 г.), В. С. Голубцова «Мемуары как источник по истории советского общества» (1970 г.) и ряд других.

[11] Брагинский И. С., Раджабов С., Ромодин В. А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России.— Вопросы истории, 1953, № 8; Непомнин В. Я. Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России.— Известия АН УзССР, 1954, № 1; Материалы Объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Доклады. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959; Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. С древней-

ших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Т. I. Изд-е 3. М., 1955; Джамгерчинов Б. Д. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963 и мн. др.

[12] Хивинский поход 1873 г. 2-е изд. Спб., 1888; Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг. В 3-х т. Спб. 1883.

[13] Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1—2. Спб., 1906.

[14] Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960.

[15] М.: Наука, 1965.

[16] Богданов М. Н. Обзор экспедиций и естественно-исторических исследований по Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г. Спб., 1875.

[17] Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. Т. 1. Спб., 1886, т. 2. Спб., 1906.

[18] История полувековой деятельности Русского географического общества (1845—1895 гг.). Ч. I—III. Спб., 1896.

[19] Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л., 1925.

[20] История Киргизии. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963; История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент: Фан, 1968.

[21] Мулладжанова Н. К вопросу о дореволюционной историографии вхождения Киргизии в состав России. Труды КиргГУ, сер. ист. наук. Вып. X. Фрунзе, 1967; Она же. К вопросу об историографии присоединения Средней Азии и Казахстана к России.— Сб. ст. аспирантов каф. обществ. наук КиргГУ. Вып. 2. Фрунзе, 1967; Саркеев Дж. К историографии об исторических корнях дружбы народов.— Указ. сб., и др.

[22] Бетгер Е. К. Дневники А. И. Бутакова и их судьба.— Известия АН УзССР, 1952, № 2; Кадыров Ш. К. Труды и отчеты П. П. Семенова-Тян-Шанского как источник по истории Киргизии середины XIX в.— Ученые записки истфака КиргГУ. Вып. 3. Фрунзе, 1954; Чабров Г. Художник Верещагин в Туркестанском крае.— Звезда Востока, 1955, № 5; Гневушева Е. И. Забытый путешественник. Жизнь и путешествия Петра Ивановича Пашино. М.: Географиздат, 1958; Азатьян А. А. Выдающиеся исследователи природы Средней Азии. Ташкент: Средняя и высшая школа, 1960; Кадыров Ш. К. Видные ученые о Киргизии (Первые путешественники по Киргизии накануне и в период ее добровольного вхождения в состав России). Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963; Русские путешественники и исследователи о киргизах. Под ред. докт. ист. наук Б. В. Лунина. Фрунзе: Илим, 1973; Шумков В. Жизнь, труды и странствия Николая Каразина, писателя, художника, путешественника.— Звезда Востока, 1975, № 6, и др.

[23] Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию (Материалы к библиографии). В 4-х ч. Ч. I. 1715—1856; Ч. II. 1856—1869; Ч. III. 1869—1880. Ташкент: изд. ТашГУ им. В. И. Ленина, 1955, 1958, 1962; Ч. IV. 1881—1886 Ташкент: Фан, 1971.

[24] Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958; Он же. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962; Он же. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент: Наука, 1965; Он же. У истоков великой дружбы. Ташкент: Узбекистан, 1972, и др.

[25] Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Сост. Б. В. Лунин. Ташкент: Фан, 1974.

[26] Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1958; Он же. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. В 2-х частях. Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962—1963.

[27] Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографические очерки). Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958; Она же. Позднефеодальный город. Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962; Она же. Бухара. XIX — начало XX в. (позднефеодальный город и его население). М.: Наука, 1966; Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк (Кремль) Бухары в конце XIX — начале XX в. Душанбе: Дониш, 1972, и др.

[28] Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М.: Наука, 1958; Свирский С. Я. Революционное движение в царской армии в Туркестане в годы нового революционного подъема (1910—1914). Ташкент: Объединенное изд-во при ЦК КПУз, 1960; Тутунджан Т. А. Восстание туркестанских саперов. Ташкент: Госиздат УзССР, 1960; Турсунов Х. Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Госиздат УзССР, 1962; Иноятов Х. Ш. Победа Советской власти в Узбекистане. Ташкент: Узбекистан, 1967; Сойфер Д. И. Революционное движение солдат в Туркестане. Ташкент: Узбекистан, 1969; Деева Е. А. У истоков социал-демократического движения в Туркестанском крае. Ташкент: Узбекистан, 1975; Сафаров Р. А., Ряженцев Ю. В., Крайнов Г. А. Рабочая крепость. Из истории Ташкентского тепловозо-вагоноремонтного завода им. Октябрьской революции (1898—1968 гг.). Ташкент, 1975, и др.

[29] Пясковский А. В. Краткий обзор источников по истории революции 1905—1907 гг. в Туркестане.— Проблемы источниковедения. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1955; Дильмухамедов Е. Д., Турта В. В. Отражение в мемуарных источниках рабочего движения в Казахстане в 1905—1907 гг.— Известия АН КазССР, сер. обществ. наук, 1966, № 1; Головкин А. В. Мемуары участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Туркменистане как исторический источник.— Известия АН ТССР, сер. обществ. наук, 1967, № 4; Зевелев А. И. Историография Советского Туркестана. (Историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане). Ташкент: Узбекистан, 1968; Матвеев А. М. Западная мемуаристика и историография об иностранных интернационалистах в Средней Азии.— История СССР, 1968, № 1; Зияев Х. З. Воспоминания участников восстания 1916 года как ценный исторический источник.— Общественные науки в Узбекистане, 1976, № 8; Садыков А. С. и Мазаева А. М. Основные проблемы историографии революции 1905—1907 гг. в Туркестане.— Научные тр. ТашГУ им. В. И. Ленина, № 517. Ташкент, 1976; Чеботарева В. Г., Раджапова Р. Я. Историко-партийная наука в Узбекистане. Ташкент: Узбекистан, 1982, и др.

[30] Революция в Средней Азии. Сб. 1—2. Ташкент, 1929; Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг. Сб. док. Кн. 2. Ашхабад—М., 1946; Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Сб. статей и воспоминаний. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955; Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 гг. Сб. док. и материалов. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1962; Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Документы и материалы. Ташкент: Узбекистан, 1984; Манжара Д. И. Революционное движение в Средней Азии (1905—1920 гг.). Ташкент: Соцэкгиз, 1934, и др.

[31] Русский энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. 1—82. Спб., 1893—1904; Русский биографический словарь. Т. 1—25. Спб., 1896; Пг., 1918; Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1—6. Спб., 1900; Пг., 1918; Альманах русских современных государственных деятелей. Т. 2. Спб., 1897, и др.

Глава I.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 16. Ч. 2, с. 34, примечание I.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 595.

[4] Журналы «Военный сборник», «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русский архив», «Русская старина», «Дело», «Всемирная иллюстрация», «Инженерный журнал», и др.

[5] Дмитрий Алексеевич Милютин (1816—1912 гг.) — крупный военный и государственный деятель XIX в. С его деятельностью связаны буржуазные военные реформы, позволившие улучшить состояние подготовки русской армии. Взгляды Д. А. Милютина на различные стороны современной ему жизни отражены в его многочисленных записках и трудах военно-литературного содержания. Написанные им статьи, заметки, рецензии, письма, различные выписки хранятся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 169). Труды Д. А. Милютина сыграли определенную роль в формировании буржуазной военной науки в России. О Д. А. Милютине см.: Богданович М. Исторический очерк деятельности военного управления в России за 1855—1880 гг. Спб., 1880; Русская старина. Т. 49, 1886, № 1; Зайончковский А. Военные реформы 1860—1870-х годов в России. М.: МГУ, 1952.

[6] ГПБЛ ОР, ф. 169. Милютин Д. А. Мои старческие воспоминания. Воспоминания Д. А. Милютин начал писать после выхода в отставку в Симеизе в 1882 г. и закончил их в 1892 г. Хранящиеся в библиотеке воспоминания (17 папок, 6319 листов) написаны набело с некоторыми поправками преимущественно стилистического характера, сделанными значительно позже. Другой сохранившийся экземпляр воспоминаний был переписан дочерьми Милютина в связи с предполагавшейся публикацией (19 переплетенных книг, 2769 листов). Первые три книги за 1816—1843 гг. были изданы в 1918 г. в Томске.

[7] Оригинал дневника хранится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 169) (6 папок, 2151 лист). В 1947—1950 гг. он был издан в трех томах. При издании учтен и другой имевшийся в архиве более ранний черновой текст дневника.

Дневник охватывает период с апреля 1873 г. по 1900 г. В нем подробно описаны внутриполитические события, раскрыта закулисная сторона жизни придворных и правительственных сфер. Много внимания уделено внешнеполитическим событиям: балканскому кризису 1875—1876 гг., русско-турецкой войне, Берлинскому конгрессу, русско-германским отношениям.

[8] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

[9] А. Я. Панаева в своих воспоминаниях рассказывает о том, что Д. А. Милютин был постоянным гостем кружка литераторов, группировавшихся вокруг «Современника», часто беседовал с Н. Г. Чернышевским о предстоящих реформах.

[10] «Наше министерство иностранных дел с давних времен держалось в азиатской политике системы пассивного консерватизма. Заботясь более всего о поддержании дружбы с Англией, оно противилось всякому нашему успеху в Средней Азии, дабы не возбуждать дипломатических запросов лондонского кабинета, ревниво следившего за каждым нашим шагом в степях».— См.: ГП БЛ ОР, ф. 169, карт. 10, д. 17, л. 246—247.

[11] ГП БЛ ОР, ф. 169, карт. 10, д. 17, л. 261. Примечательны следующие слова М. Г. Черняева, высказанные им в записке фельдмаршалу князю Барятинскому в 1867 г.: «Замечательный факт в истории распространения нашего владычества..., что все наше движение от Урала и Иртыша до подножия Гималаев и Тянь-Шаня сделано по инициативе местных ведомств при хроническом противодействии центрального правительства».— См.: ГИМ ОПИ, ф. 208, д. 31, л. 8.

[12] ГП БЛ ОР, ф. 169, карт. 10, д. 17, л. 262.

[13] Там же, л. 263.

[14] ГП БЛ ОР, ф. 169, карт. 11, д. 2, л. 241.

[15] Там же, л. 282.

[16] Там же, л. 283.
[17] Там же, л. 299.
[18] Там же.
[19] «Черняев разыгрывал роль непризнанного гения, жертвы зависти и интриги. В Москве он приобрел даже некоторую популярность в качестве героя, несправедливо гонимого начальством. Таково было в то время настроение общества, стоило только служащему навлечь на себя неудовольствие начальства, чтобы тем самым сделаться человеком популярным».— См.: ГП БЛ ОР, ф. 169, карт. 11, д. 2, л. 290.
[20] Несмотря на прибытие кокандского посольства с уверениями покорности и дружбы, а также уполномоченных от бухарского эмира для заключения мирного договора, соглашавшихся на все предъявленные им требования и просивших только отсрочки уплаты назначенной контрибуции, «генерал Крыжановский прервал переговоры, объявив уполномоченным, что, если через десять дней не будет уплачена назначенная сумма, то военные действия возобновятся». Так как указанный им срок был очень сжатым и не мог явиться достаточным для уплаты, то тем самым был получен повод для осуществления намеченных мероприятий.— См.: ГП БЛ ОР, ф. 169, карт. 11, д. 2, л. 164—165, 296.

Подобные же тенденции проявляли и военные низших рангов. Любопытен в данном отношении пример, связанный с движением к Чимкенту капитана ген. штаба Мейера: «Не придавая особенного значения полученным от Черняева сведениям о скоплении, видя лишь здесь легкую добычу, Мейер самоуверенно двинулся вперед. Он решил воспользоваться представившимся ему удобным случаем словить момент своей близости к Чимкенту и вместо того, чтобы идти навстречу сибирцам, он, послав Черняеву письмо, что будет ждать его на переправе через Арысь, сам направился прямо к Чимкенту, рассчитывая поспеть туда раньше сибирцев, и самолично, без посторонней помощи и не под чужим начальствованием захватить «слабую» коканскую крепость, написать об этом хлесткую реляцию, выставив себя героем, и пожать лавры победителя в пику сибирцам».— См.: ГИМ ОПИ, ф. 208, д. 96, л. 67.
[21] ГП БЛ ОР, ф. 169, карт. 11, д. 2, л. 298.
[22] Там же, л. 297.
[23] ГП БЛ ОР, ф. 169, карт. 11, д. 4, л. 62.
[24] Там же, д. 15, л. 103.
[25] Там же, д. 26, л. 151—161.
[26] Там же.
[27] Милютин Д. А. Дневник. Т. 1. М., 1947, с. 89.
[28] Там же.
[29] Милютин Д. А. Дневник. Т. 3. М., 1950, с. 93.
[30] Там же, с. 98.
[31] Там же, с. 107.
[32] ГП БЛ ОР, ф. 169, карт. 6, д. 1, л. 113.
[33] Там же, д. 2, л. 130—131.
[34] Там же, л. 190.
[35] Милютин Д. А. Дневник. Т. 3, с. 202.
[36] ГП БЛ ОР, ф. 169, карт. 11, д. 5, л. 114.
[37] Милютин Д. А. Дневник. Т. 3, с. 143.
[38] ГП БЛ ОР, ф. 169, карт. 6, д. 5, л. 47.
[39] Некоторые сведения по истории Средней Азии содержатся также в дневниках Министерства внутренних дел в 1865—1876 гг. П. А. Валуева (М.: Изд-во АН СССР, 1961); государственных секретарей Е. А. Перетца, (1880—1883 гг.) (М., 1927) и А. А. Половцева (1883—1886 гг.) (Т. 1. М.: Наука, 1966).
[40] Алексей Иванович Макшеев (1822—1892) — участник экспедиции А. И. Бутакова к берегам Аральского моря. В 1853 г. участвовал во взятии Акмечети и Джулека. В 1867 г. командирован в Туркестанскую область для

изучения края в стратегическом и статистическом отношениях. Служил в Петербурге, был профессором академии Генштаба. Известен как автор статей о Туркестане: Описание Аральского моря («Записки РГО» , 1851); Степные походы («Русский инвалид», 1856); О военной статистике в России («Вестник РГО», 1858); Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае («Записки РГО», 1871). Его работа «Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских» (Спб., 1890) представляет весьма ценное собрание фактических данных. См. о нем: Макшеева Н. А. Заметки о Макшееве А. И. (1892).— ПД ОР, ф. 434, оп. 2, д. 5; в сб.: Туркестан. Т. 2, с. 200—204; «Новое время», 1892, № 5703. Записки опубликованы в «Русском инвалиде» за 1856 г. (№ 19, 20) под названием «Степные походы».

[41] ЦГИАЛ СССР, ф. 1021, оп. 1, д. 102. Краткий дневник, веденный переводчиком Искандером Батыршиным во время похода на Акмечеть в 1853 году, л. 109. Охватывает период с мая по август 1853 г.

[42] ЦГИАЛ, ф. 1021, оп. 1, д. 102, л. 29.

[43] Там же, л. 5.

[44] ЦГВИА СССР, ф. 65, оп. 1, д. 295, л. 29. (с 7 июня 1857 г. по 29 июля 1859 г.).

[45] Александр Людвигович Данзас (1810—1880), генерал от инфантерии, в 1857 г. командующий войсками Сырдарьинской линии. См. о нем: Путеводитель по ЦГВИА СССР. М., 1949, с. 355.

[46] ЦГВИА СССР, ф. 67, оп. 1, д. 63, л. 6.

[47] Там же, д. 69, л. 9.

[48] Там же, д. 121, л. 56.

[49] Там же, д. 132, л. 10.

[50] А. М. Ч(ерняева). М. Г. Черняев в Средней Азии. Исторический вестник. Т. 140, 1915, № 6, с. 840—873.

[51] Михаил Григорьевич Черняев (1828—1898), генерал. С его именем связаны действия царских войск против Кокандского ханства в 1864—1866 гг. и занятие Ташкента. В 1865—1866 гг. был военным губернатором Туркестана, в 1882—1884 гг. занимал пост туркестанского генерал-губернатора. Известен своими сугубо реакционными взглядами и мероприятиями. В 1871 г. вместе с В. В. Комаровым издавал в Петербурге газету «Русский мир». Его склонность к авантюризму высмеяна М. Е. Салтыковым-Щедриным в «Современной идиллии»... См. о нем: Биографические сведения, переданные о себе М. Г. Черняевым в беседе с М. И. Семевским в дек. 1885 г. Стенографическая запись. ПД ОР, ф. 265, оп. 2, д. 3050; Черняева А. М. Материалы для биографии М. Г. Черняева. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. ОР, ф. 1009, оп. 689а, д. 1—5; ПД ОР, ф. 265, оп. 2, д. 3048, 3051.

[52] А. Ч(ерняева). Указ. соч., с. 867.

[53] ГИМ ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 31.

[54] Феликс Сильвестрович Добровольский (1836—1897),— участник военных походов царизма в Средней Азии, генерал-майор. О Ф. С. Добровольском см.: ЦГВИА СССР, ф. 66, оп. 1, д. 84.

[55] ЦГВИА СССР, ф. 66, оп. 1, д. 84, л. 19.

[56] Военный сборник, 1869, № 4, с. 243—309.

[57] Южаков Ю. Д. 16 годовщина взятия Ташкента (Воспоминания старого туркестанца). Спб., 1881; ГИМ ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 96, л. 74—82.

[58] Хорошхин А. П. Иканский бой 4, 5 и 6 декабря 1864 г. Спб., 1884 (2-е изд., Уральск, 1889).

[59] Исторический вестник, 1893, № 3, с. 796—803.

[60] Бартенсон В. За тридцать лет (Листки из воспоминаний). ГИМ ОПИ, ф. 208, д. 96, л. 1—17.

[61] Военный сборник, 1891, № 2—3.

[62] Согласно сообщению другого очевидца событий, кокандского чиновника Абу Убайдуллы Мухаммеда в его «Краткой биографии» («Халасат-ул-ахвая»)

в Ташкенте шла ожесточенная борьба за власть и что поэтому «простой народ... предпочел перейти под власть русских» (Урунбаев А. Неизвестная рукопись из истории Кокандского ханства. Изв. АН УзССР, 1957, № 3, с. 37).

63 ПД ОР, ф. 265, оп. 2, д. 3048, 3050, 3051; ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ОР, ф. 1009, оп. 689а, д. 1—5.

64 ГИМ ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 55, л. 18—30.

65 Там же, л. 24.

66 Фишер В. Заметки о взятии гор. Ходжента нашими войсками 24 мая 1866 г.— Инженерный журнал, 1873, № 1; Зиновьев М. Осада Ура-Тюбе и Джизака. Воспоминания об осенней экспедиции 1866 г. в Туркестанской области.— Военный сборник, 1868, № 3—4, 5—6; Амичис. В поход и из похода. Воспоминания 1866 г.— Наблюдатель, 1883, № 3.

67 Фишер В. Указ. соч., с. 20.

68 Зиновьев М. Указ. соч.— Военный сборник, 1868, № 3—4, с. 331.

69 Там же, с. 336.

70 Там же, с. 334.

71 Там же, с. 152—153.

72 Там же.

73 Львов И. Завоевание Туркестана.— Русский вестник, 1868, № 7, с. 152—174; ГИМ ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 55, л. 23.

74 Зиновьев М. Указ. соч., с. 132.

75 Военный сборник, 1870, № 9.

76 Военный сборник, 1872, № 5.

77 Дело, 1874, № 5.

78 Военный сборник, 1875, № 9.

79 Военный сборник, 1876, № 1—2, 4—6.

80 Туркестанские походы. Наброски степняка.— Военный сборник, 1873, №№ 3, 4, 6, 7, 9, 10; Туркестанское житье (наброски степняка), 1874, № 10, 12; 1875, № 1—5; Солдатское житье. Очерки из туркестанской жизни. Спб., 1875; Под Самаркандом. Рассказ новичка (Из старых записок 1868 года).— Военный сборник, 1876, № 1—2, 4—6; Из воспоминаний старого туркестанца.— Исторический вестник, 1896, № 6.

81 Дмитрий Львович Иванов (1846—1924) в 1865 г. был осужден по делу Каракозова, разжалован в солдаты и направлен на службу в один из оренбургских линейных батальонов. В 1872 г. по приглашению А. П. Федченко участвовал в организации Туркестанского отдела Политехнической выставки в Москве. В 1873 г. командирован в Вену в качестве комиссара Туркестанского отдела Всемирной выставки. В 1879 г. участвовал в поездке на Таласский Алатау, в 1883 г. в экспедиции капитана Путяты на Памир, награжден золотой медалью Русского Географического общества. Был активным членом русских географического, палеонтологического и других обществ. Помимо уже названных им написаны «Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (составлен вместе с М. И. Бродовским, И. И. Краузе). М., 1876; Верховья системы Таласского Алатау.— Известия РГО. Т. XVII, 1881, (1887), с. 193—198; Поездка в Алатау в 1879 г.— Туркестанские ведомости, 1888, №№ 8, 10, 13, 14, 16, и др. См. о нем: Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. III, 1869—1880. ТашГУ. Материалы к библиографии. Вып. IX. Ташкент, 1962, с. 153—155.

82 Иванов Д. Под Самаркандом. Рассказ новичка (Из старых записок 1868 года).— Военный сборник, 1876, № 2, с. 378—379.

83 Х[орошхи]н А. П. Весна 1868 года в Средней Азии (Воспоминания казачьего офицера).— Военный сборник, 1875, № 9, с. 169—170. Александр Павлович Хорошхин был секретарем Уральской войсковой комиссии. В 1865 г. направлен в Туркестанский край, где занимал различные должности. Принимал участие в военных кампаниях. С научными целями объездил весь Туркестан. Им написаны работы по топографии, этнографии и статисти-

ке Туркестанского края. См. о нем: Русский биографический словарь. Спб., 1901. Фабер-Цявловский, с. 214, и др.

[84] Николай Николаевич Каразин (1842—1908) — известный художник и писатель, путешественник и общественный деятель. Первый иллюстратор Ф. М. Достоевского. И. Е. Репин называл его в числе «запевал» русской художественной интеллигенции. Военную службу в Туркестане начал с 1865 г., командовал ротой в пятом Туркестанском линейном батальоне. Принимал деятельное участие в ряде научных мероприятий Русского Географического Общества. В 1874 г. входил в состав Амударьинской научной экспедиции РГО, обследовавшей район дельты р. Амударьи; в 1877—1880 гг.— Самарской, организованной РГО для исследования бассейна Амударьи и возможной трассы Среднеазиатской железной дороги; в докладах РГО эта экспедиция названа одним «из самых выдающихся явлений в отношении к исследованию Средней Азии». В Среднюю Азию Н. Н. Каразин совершил поездки также в 1885 г. и в 1888 г. Литературное наследие Н. Н. Каразина составляют дважды издававшееся двадцатитомное собрание сочинений и множество не вошедших в него газетных и журнальных статей. См. о нем: Биобиблиографический словарь художников народов СССР; Чабров Г. Н. Забытые картины (Природа Средней Азии в произведениях русских художников второй половины XIX — начала XX в.).— В кн.: Вопросы изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. Г. Гуляма, 1973, с. 114—115.

[85] Каразин Н. Н. Ургут. Из походных записок линейца.— Дело, 1874, № 5, с. 267—300.

[86] Там же, с. 269.

[87] Спб., 1873; Военный сборник, 1873, № 8—9.

[88] Спб., 1874; Военный сборник, 1874, № 1.

[89] Военный сборник, 1874, № 2.

[90] Инженерный журнал, 1874, № 1—5.

[91] Туркестанские ведомости, 1874, № 32.

[92] Дело, 1874, № 9—12; 1875, № 4—10.

[93] Пчела, 1876, № 40—42.

[94] Исторический вестник. Т. X, 1882.

[95] Исторический вестник, 1893, № 1—10; 1895, № 1—7.

[96] Исторический вестник. Т. 64, 1896.

[97] Среднеазиатский вестник, 1896, № 6, 8.

[98] Спб., 1899.

[99] Сб. «Туркестан». Т. 26.

[100] «Исторический вестник», 1900, № 11—12.

[101] Имеются мемуары и иностранных авторов. Прусский офицер Stumm, бывший при Кавказском отряде, написал о походе в Хиву несколько статей, опубликованных в «Geogr. Mittheilungen Pettermanis» в 1873 г., и книгу. Свои впечатления о походе оставил доктор Гримм под названием «Заметки врача о Хивинском походе».— Сб. «Туркестан». Т. 1. Корреспондент американской газеты «New York Herald» Мак-Гахан написал книгу «Compaining on the Oxus and the Fall of Khiva». London, 1874, переведенную на русский язык в 1875 г.

[102] Дмитрий Григорьевич Колокольцев (род. 1814) — генерал-лейтенант. См. о нем: Семевский М. Альбом.— Русская старина, 1883, № 5—6.

[103] Колокольцев Д. Г. Экспедиция в Хиву в 1873 году. Спб., 1873, с. 159.

[104] Владимир Алексеевич Полторацкий (род. 1828). В 1869 г. назначен в распоряжение командующего войсками Туркестанского военного округа. Был военным губернатором Семипалатинской области. Оставил дневник, состоящий из 28 томов рукописи. См. о нем: Сб. «Туркестан». Т. 22, с. 200; Т. 25, с. 124; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XXIV. Спб., 1898, с. 381.

[105] Данное сообщение подтверждает и М. А. Терентьев: «Мы сами видели эти печи в действии: сухари выходили мягкие, не вполне готовые и досыхали на воздухе... Тут мухи и жуки клали в них яички».— Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. Спб., 1906, с. 173.

[106] Сб. «Туркестан». Т. 25, с. 124—137.

[107] Алиханов Максут Али-хан (род. 1846), по национальности лезгин, родом из Аварии. Направлен на военную службу в Среднюю Азию в 1873 г. Сыграл заметную роль в переговорах, которые велись в связи с мирным присоединением Мервского оазиса. Автор многих корреспонденций, помещавшихся в «Русском Вестнике» и в «Московских ведомостях», а также рисунков по Средней Азии в различных иллюстративных изданиях. Некоторые из рисунков были помещены в «Путеводителе по Туркестану» А. Н. Дмитриева-Мамонтова (Спб., 1903).

[108] Русский вестник, 1897, № 7, с. 113—191; № 8, с. 543—629.

[109] Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву. 1873. Спб., 1899.

[110] Там же, с. VII.

[111] Там же, с. 15.

[112] Там же, с. 129.

[113] Аналогичные сведения содержатся в сопроводительном письме генерала Ломакина к его запискам о Хивинском походе, посланным Н. Гродекову— См.: ГИМ ОПИ, ф. 307, оп. 1, д. 14, л. 179.

[114] Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву, с. 46.

[115] Там же, с. 26. В одном из докладов кавказскому наместнику о причинах неудач Красноводского отряда сообщалось, что «чувства, которые питает к нам в настоящее время сплошь все кочевое население, стали самыми неприязненными».— См.: Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во ТуркмССР, 1960, с. 103—104.

[116] Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву, с. 211.

[117] Там же, с. 238.

[118] С туркмен была потребована немедленная уплата денег в пользу контрибуции.— См. сб. док. «Присоединение Средней Азии к России», с. 113.

[119] Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву, с. 284.

[120] Говорится о совершенной неприспособленности городских укреплений к защите.

[121] Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву, с. 149.

[122] Там же, с. 219.

[123] Там же, с. 218.

[124] Там же, с. 231. По данным хивинских историков, в ханстве насчитывалось 58 500 рабов, из них 22 500 человек остались после освобождения проживать на территории ханства. (Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы XIX в. Ташкент: Фан, 1966, с. 59).

[125] ЦГА УзССР, ф. И-329, д. 118.

[126] Михайлов М. Поход в Коканд в 1875 году (из записок артиллериста). —Туркестанские ведомости, 1884, № 3, 10—13.

[127] ПД ОР. Собрание Дашкова П. Я., ф. 93, оп. 3, д. 1126.

[128] Спб., 1881.

[129] Исторический вестник. Т. 4, 1881.

[130] Исторический вестник. Т. 80, 1900.

[131] Владимир Александрович Туган-Мирза-Барановский (1860—1887), участвовал в первом Ахалтекинском походе 1879 г. По возвращении в Петербург служил в канцелярии Государственного Совета. Сотрудничал в периодических изданиях «Новое время», «Петербургские ведомости», «Свет», «Наблюдатель». См. о нем: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XXXIV (67). Спб., 1902, с. 31; Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 7. Русские писатели, умершие в 1887 году. М.: изд. ж. «Библиографические записки», 1892, с. 90.

[132] Туган-Барановский В. А. Указ. соч., с. 3—4. В записке, пред-

ставленной главнокомандующему армии 24 ноября 1879 г., временно командующий войсками Закаспийского военного отдела генерал-лейтенант П. Л. Теркугасов писал: «Народ, не знавший над собою никого, кто бы им управлял, не признававший власти ни в каком виде..., такой народ не отдаст своей свободы, не имеющей ни в каком отношении границ, добровольно. Он попробует сопротивляться самым отменным образом и дорого возьмет за свое подчинение».— См.: ГИМ ОПИ, ф. 307, д. 21, л. 203.

133 Туган-Барановский В. А. Указ. соч., с. 12.

134 Там же, с. 130—131.

135 Характерно в данном отношении признание генерала Ломакина, возглавившего экспедицию.— См. сб. док.: Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1960, с. 460. Его донесения, опубликованные в указ. сб., носят весьма субъективный характер и искажают события.— Там же, с. 413—426, 442—455, 458—461.

136 Туган-Барановский В. А. Указ. соч., с. 6.

137 ПД ОР, ф. 265, оп. 2, д. 3072, л. 1 об.

138 Дело, 1881, № 7.

139 Спб., 1882, изд. 2-е.

140 Спб., 1882.

141 Русская старина, 1883, № 5.

142 Уральск, 1882.

143 Могилев-на-Днепре, 1884.

144 Тифлис, 1884.

145 Военный сборник, 1884, № 6—10; 1885, № 3, 6, 7.

146 СПб., 1884, изд-е 1-е; Спб., 1900, изд. 2-е.

147 Русская старина, 1885, № 4—6.

148 Кронштадт, 1886, изд. 1-е; Рыбинск, 1895, изд. 2-е.

149 Сб. «Туркестан». Т. 24, с. 163—168.

150 Русская старина, 1890, № 7.

151 Алексей Николаевич Маслов (род. 1853) — беллетрист, инженер, генерал-лейтенант. Участвовал в Хивинском походе 1873 г.; под Геок-Тепе заведовал осадными работами. Свои впечатления описал в книге «Завоевание Ахалтеке» (1882 г.). Его перу принадлежит ряд книг, вышедших под псевдонимом М. Бежецкий. См. о нем: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XVIIIa (36). Спб., 1896, с. 751.

152 Многие газеты и журналы поместили на своих страницах отзывы на эту книгу.

153 Маслов А. Указ. соч., с. 18.

154 Там же, с. 37.

155 Там же, с. 117.

156 Там же, с. 108.

157 Там же, с. 151.

158 Там же, с. 54.

159 Там же, с. 163—164.

160 Там же, с. 191—192.

161 Александр Викторович Щербак (1848—1894) — доктор медицины, писатель. Принимал участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. В 1881 г. участвовал в Ахалтекинской экспедиции, возглавил один из врачебно-санитарных пунктов. Впоследствии был старшим врачом Петербургской Александровской больницы для чернорабочих, затем — судовым врачом, сопровождал партии ссыльных на Сахалин и в Сибирь. Свои путевые впечатления описывал в корреспонденциях, которые печатались в «Новом времени». См. о нем: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XI (79). Спб., 1904, с. 65; Русский биографический словарь. Т. XXIV. Спб., 1912, с. 87.

162 Щербак А. В. Указ. соч., с. 14.

163 Там же.

164 Там же, с. 36—37.

[165] Там же, с. 144.

[166] Василий Александрович Шаховской — участник русско-турецкой войны (1877—1878 гг.), а также военных действий в Средней Азии. См. о нем: Альманах современных русских государственных деятелей. Т. 2. Спб., 1897, с. 1236.

[167] Путевые заметки о хивинских походах 1876 и 1877 гг. участвовавшего в этих походах подпрапорщика А. А. Петрова (Воспоминания, записанные М. А. Петровой в 1902 г.). Елисаветград, 1905.

[168] Шаховской В. Указ. соч, с. 407.

[169] Там же, с. 532.

[170] Там же, с. 535.

[171] Там же, с. 400.

[172] См. сб. док.: Присоединение Туркмении к России, с. 539.

[173] Шаховской В. Указ. соч., с. 544; См.: Присоединение Туркмении к России, с. 529.

[174] ПД ОР, ф. 265, оп. 2, д. 3072, л. 2 об.

[175] Русская старина, 1885, № 5, с. 387—432.

[176] Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания.— Вестник Европы, 1904, № 9—10.

[177] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 583, л. 12—15. Частично донесение опубл. в сб. док. «Присоединение Туркмении к России», с. 682—684.

[178] Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960.

[179] Там же, с. 143.

[180] Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания, с. 76.

[181] Там же.

[182] Там же, с. 80.

[183] Там же, с. 81. Об этой поездке им же написаны несколько статей, опубликованных в № 13—18, 22, 25 «Московских ведомостей» за 1882 г., и книга «Мервский оазис и дороги, ведущие к нему», изданная в том же году Военно-учетным комитетом Главного штаба.

[184] Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания, с. 90.

[185] Алиханов-Аварский М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему, с. 92.

[186] Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания, с. 88.

[187] Там же.

[188] Там же, с. 89.

[189] Там же, с. 106—107.

[190] Там же, с. 108.

[191] Там же, с. 458—471.

[192] Там же, с. 456—457.

[193] Там же, с. 471—495.

[194] Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России, с. 364.

[195] Ашхабад, 1887.

[196] Спб., 1910.

[197] Горный М. Поход на афганцев и бой на Кушке (1885). Воспоминания бывшего рядового Андрея Баландина. М., 1899; 1901; 1908; 1914.

[198] Исторический вестник, 1914, № 11.

[199] Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России, с. 366.

[200] Исторический вестник, 1898, № 7—10.

[201] Спб., 1900.

[202] М., 1904.

[203] Бутурлин С. С. (1842—1891), генерал-лейтенант. Дневник С. С. Бутурлина.— См.: БЛ ОР, ф. 89, оп. 1, д. 8477/1—5. Велся на русском, французском и английском языках. 1571 с. В дневнике отражены английская внешняя политика по вопросам, касающимся Индии, Персии, Афганистана, Китая, англо-русские разногласия. С. С. Бутурлин рассматривает также вопросы,

отражающие деятельность ряда лиц, биографии которых оказались связанными со Средней Азией. Автор дневника был знаком с П. М. Лессаром, бывшим русским политическим агентом в Бухаре; М. И. Венюковым, исследователем и автором работ по географии Средней Азии, о котором И. В. Мушкетов писал, что «он... считается одним из лучших современных знатоков географии Средней Азии» (Мушкетов И. В. Туркестан. Географическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 г. Спб., 1886, с. 175); Б. Л. Громбчевским, известным географом-путешественником и исследователем Центральной Азии и Восточного Туркестана, и др. В дневник включены выдержки из писем этих лиц. В них, в частности, нашли отражение обстоятельства, связанные с организацией экспедиции Б. Л. Громбчевского, предпринятой в 1889—1890 гг. для исследования горных долин Гиндукуша, восточных склонов Гималаев и окраин Северо-Западного Тибета и отражающие экспансию Афганистана против памирских княжеств, всячески поощряемую и провоцируемую Англией. Содержание дневника выявляет в его авторе сторонника присоединения Средней Азии.

[204] Николай Александрович Наследов (род. 1854), генерал-лейтенант. Писать воспоминания начал 24 октября 1917 г., продолжил в 1923 г. В 1956 г. по просьбе профессора ТашГУ им. В. И. Ленина О. И. Исламова с них была сделана копия. Эта копия, составляющая шесть конторских книг (619 с.), была любезно предоставлена О. И. Исламовым в наше распоряжение и мы пользовались ею.

[205] В частности, относительно раскопок В. В. Крестовского Н. А. Наследов пишет: «Крестовский, не имевший никаких познаний в археологии, ископал эту местность и вывез оттуда в Ташкент несколько возов древностей..., но знатоки признали, что эти древности, сваленные в кучу без всякой системы, не имеют той ценности для науки, какую они должны были иметь, если бы их собирал человек, знающий археологию. Словом, Крестовский все дело испортил по своему невежеству».— См.: Наследов Н. А. Воспоминания. Ч. II, тетр. 4, с. 18. Эта оценка, как мы можем увидеть ниже (см. гл. 2), верна лишь относительно.

[206] Наследов Н. А. Воспоминания. Ч. I, тетр. 3, с. 287.

[207] Там же. Ч. II, тетр. 5, с. 207.

[208] В этой связи интересны сведения об уральцах-переселенцах, т. е. казаках, высланных на р. Амударью за отказ от принятия нового положения, введенного в 70-х годах XIX в. в Оренбургском и Уральском казачьих войсках, а также новых условий отбывания ими воинской службы. «Началась невообразимая несправедливость,— пишет Н. А. Наследов,— силой поволокли упрямых «бунтовщиков», «...десятки тысяч семей разъединили, отцов, старших сыновей увели в Туркестанский край». См.: Наследов Н. А. Воспоминания. Ч. I, тетр. 3, с. 246; Ч. II, тетр. 4, с. 29—30. Одновременно воспоминания Н. А. Наследова представляют интерес для изучения истории Оренбурга, местного градостроительства, общественной, культурной и научной жизни города и округа, характера подготовки кадров в отдельных военных учебных заведениях, методах преподавания и т. д.

[209] Михаил Сергеевич Знаменский (род. 1833), художник-реалист, представитель сатирической журналистики 60—70-х годов XIX в., активный участник русского революционно-демократического движения. Был сотрудником сатирического журнала «Искра» — филиала «Современника», сыгравшего большую роль в распространении революционно-демократических идей. В экспедиционном отряде М. Г. Черняева выполнял обязанности по «снятию планов и видов» местностей, через которые проходил путь отряда.

[210] Хранится в Республиканском государственном музее КазССР, 29 л. (М. С. Знаменский и Ч. Ч. Валиханов в экспедиции 1864 г.— Простор, 1968, № 3, с. 84—91).

[211] 34 л. плотной рисовальной бумаги. Рисунки выполнены черным и цветными карандашами под общим заголовком «1864 г., степь, виды, типы, сцены,

флора, карикатура» Представляют собой зарисовки остатков построек, встречавшихся на пути из Верного в Аулиеату и нашедших отражение в дневнике, надгробных памятников, остатков кокандских крепостей.

[212] Василий Васильевич Верещагин (1842—1904). Известный художник. В 1867 г. был приглашен для работы в Туркестанский край для создания альбома, отражающего этнические особенности народов Средней Азии. Путевые впечатления первого туркестанского путешествия (1867—1868 гг.) описаны в мемуарах «От Оренбурга до Ташкента». В 1869—1870 гг. вторично посещает Туркестан, в том числе Кокандское ханство. На основе полученных впечатлений В. В. Верещагиным были созданы картины по среднеазиатской тематике. В 1874 г. туркестанские работы художника были показаны на выставке в Петербурге, где особый интерес вызвала серия под названием «Варвары». Яркого обличительного характера картины вносили резкий диссонанс в общий бум победных реляций и общественного возбуждения, вызванных хивинским походом. См. о нем: Биобиблиографический словарь художников народов СССР. ГП БЛ ОР, ф. 332, д. 1, л. 17.

[213] Военный сборник, 1885, № 1.

[214] Верещагин В. В. Дома и на войне. Спб., 1886.

[215] На войне в Азии и в Европе. Из воспоминаний художника В. В. Верещагина. М., 1894.

[216] Там же, с. 29.

[217] Там же, с. 52.

[218] Там же, с. 54.

[219] Там же, с. 63—64.

[220] Там же, с. 70, 77.

[221] Александр Александрович Майер (?—1895), военный писатель. См. о нем: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. Т. IV. Пг., 1917; Сб. док. «Присоединение Туркмении к России», с. 480.

[222] Отзывы о книге были помещены в «Вестнике Европы», 1886, № 10; «Нови». 1886, № 23; «Северном вестнике», 1886; № 11.

[223] А. Майер. Указ. соч., с. 128.

[224] Характерен в этом отношении пример, связанный с занятием царскими войсками Кизыл-Арвата. См. сб. док.: Присоединение Туркмении к России, с. 291; Майер А. Указ. соч., с. 57.

[225] ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 171. Рукопись, 79 л. Охватывает период с 30 апреля 1880 г. по 18 января 1881 г.

[226] О тяжести воинской службы русских солдат см. также: ГИМ ОПИ, ф. 307, оп. 1, д. 21, л. 204.

[227] ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 171, л. 51 об., 52.

[228] Характерны отдельные документы, содержащиеся в «Сборнике материалов для истории завоевания Туркестанского края», составленном полковником А. Г. Серебрянниковым (хранится в ЦГА УзССР, ф. И-715).

Часть II

[1] Экспедиции в Среднюю Азию стали проводиться более систематично в связи с организацией в 1845 г. Русского Географического Общества (РГО).

[2] Путевые дневники путешествия по Тянь-Шаню. Рукопись, 272 л. АВГО, ф. 58. оп. 1, д. 2.

[3] Петр Петрович Семенов (1827—1914), известный путешественник и ученый. С 1873 г. до конца жизни председатель РГО. В 1856—1857 гг. первым из европейцев исследовал Тяньшанскую горную систему, посетил Джунгарский и Заилийский Алатау, верховья Нарына, исследовал оз. Иссык-Куль, за что получил почетный титул Тяньшанского. См. о нем: Гвоздецкий Н. А., Федчина В. Н., Азатьян А. А., Донцова З. Н. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии. XIX — начало XX в. М.: Наука, 1964, с. 98—104, и др.

[4] Семенов-Тяньшанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань. Мемуары. Т. 2. М., 1946, изд. 2-е. Рукопись воспоминаний хранится в АВГО (ф. 58, оп. 1, д. 1).

[5] Первая экспедиция 1856 г. прошла по двум маршрутам, которые включали: пересечение перевалов Заилийского Алатау, Кастенакского перевала в Заилийском Алатау, мимо Токмака, по долине р. Чу, через Боамское ущелье до западной оконечности озера. Вторая экспедиция 1857 г. имела целью посещение южной и северной оконечностей оз. Иссык-Куль.

[6] П. П. Семенов положил начало обследованию археологических памятников Иссык-Куля. Он первым из русских путешественников узнал о предметах древности, выбрасываемых волнами озера, и о существовании подводных развалин. См.: Зюков Б. Под волнами Иссык-Куля. М.: Госиздат геогр. лит-ры. 1962, с. 41, 69—70.

[7] Николай Алексеевич Северцев (1827—1885), видный зоолог, путешественник, исследователь Средней Азии. Принимал участие в экспедициях: в 1857—1858 гг.— Сырдарьинской; в 1864—1868 гг. — по изучению Тянь-Шаня, за которые получил малую золотую медаль РГО; в 1873 г.— Амударьинской; в 1876 г.— Ферганo-Памирской ученой экспедиции, за которую удостоен медали Ф. П. Литке и золотой Константиновской медали. См. о нем: Дементьев Г. П., Н. А. Северцев (1827—1885 г.). М., 1940.

[8] Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шань, совершенное Н. Северцевым. Спб., 1873. Мы пользовались вторым изданием «Путешествий», осуществленным Госиздатом географической литературы в 1947 г., которое является сокращенным, но повторяющим в основных чертах первое издание (из текста исключены в основном лишь географические и стратиграфические описания). Впечатления от поездки легли также в основу первой типографской публикации в Ташкенте («Туркестанской инкунабулы») «Заметки о горной стране у вершин Чу и Нарына и о путях через нее в (бывший) Китайский Туркестан» (40 с. без выходных данных). См.: Беттгер Е. К. Из истории книжного дела в Узбекистане. Известия АН УзССР, 1951. № 2.

[9] Энциклопедически образованный Н. А. Северцев приводит в своей книге множество сведений не только по общей географии, но и по климатологии, геологии, почвоведению, гидрологии, гидрографии, орографии, флоре и фауне Средней Азии.

[10] Северцев Н. А. Путешествие по Туркестанскому краю, с. 98—99.

[11] Там же, с. 99. 146.

[12] Там же, с. 115.

[13] Там же.

[14] Александр Константинович Гейнс (1834—1892). В 1865—1866 гг. был членом комиссии, занимавшейся вопросами проектирования законов по управлению Туркестанским краем. В 1867—1869 гг.— правитель канцелярии туркестанского генерал-губернатора. Был председателем организационной Комиссии по устройству управления г. Ташкента, начальником военно-народного управления, председателем статистического комитета в Ташкенте. Участвовал в составлении проекта «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях». С 1870 г. служил в министерстве путей сообщения и в других ведомствах. Действительный член Русского Географического Общества и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В 1897—1899 гг. вышло его «Собрание литературных трудов» в трех томах. Первый том включал: «Киргиз-кайсаки (в Зауральской степи)» и «Дневник. 1865 г. (Путешествие по киргизским степям)»; второй — «Дневник. 1866 г. Путешествие в Туркестан» и др. См. о нем: Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912, с. 444—445; Русский биографический словарь. Гааг-Гербель. М., 1914, с. 353—355, и др.

[15] Речь идет об упомянутых нами «Дневниках», вошедших в «Собрание литературных трудов».

[16] Федор Романович Остен-Сакен (род. 1832). Службу начал в 1853 г. в Азиатском департаменте. В 60-х годах—секретарь Русского Географического общества. Изучал географию, статистику и этнографию России. В 1867 г. совершил поездку в Туркестанский край с научными целями. Был членом Русского Исторического общества. См. о нем: Гольдберг Г. А. Альманах современных русских государственных деятелей. Т. 2. Спб., 1897, с. 1180; Шуманский Е. А. Справочная книга для русских библиофилов и коллекционеров. Одесса, 1905, с. 78—80; ЦГАДА СССР, ф. 1385, оп. 1, д. 4, 5, 7, 73, 75.

Ф. Р. Остен-Сакеном были составлены восемь томов «Среднеазиатского сборника» из газетных и журнальных статей, хранящихся ныне в ЦГАДА СССР (ф. 1385). Здесь же имеются записки Ф. Р. Остен-Сакена о русско-индийских, русско-китайских, русско-персидских отношениях, о Кашмире, среднеазиатских торговых путях и др. (ф. 1385, оп. 1, д. 383, 384, 433, 573). Сохранилась обширная частная переписка с различными корреспондентами, в том числе с А. П. и О. А. Федченко, П. П. Семеновым, В. И. Роборовским, В. В. Григорьевым и др. (ф. 1385, оп. 1, д. 1393, 1440, 1454, 1463, 1476, 1478, 1523, 1529, 1531, 1564, 1583, 1620, 1621, 1635, 1650, 1663, 1680, 1688—1690).

[17] Архив ЛОИВ АН СССР, разряд 3, оп. 3, д. 38/916. Впечатления о поездке легли также в основу публикации «Поездка в Занарынский край летом 1867 г.», вошедшей в 5 вып. «Известий РГО» за 1869 г.

[18] Поездка преследовала в основном научные цели.

[19] Всемирная иллюстрация, 1870, № 76, 82.

[20] АВГО, разряд 71, оп. 1, д. 3. Заметки принадлежат перу канд. физ.-мат. наук Арвиду Фабеяновичу Пейтану, посетившему Ташкент в 1881 г.

Рукопись, листки исписаны с обеих сторон черными выцветшими чернилами. Непосредственно к Ташкенту относятся 5 листов, составляющих два подраздела: «Сартовская чугуно-литейная мастерская в Ташкенте» и «Книжный базар в сартовском Ташкенте». В первой описаны процесс и технология чугуно-литейного производства, указаны цены на сырье, места доставки, вырабатываемые изделия, говорится о низком уровне производства в целом. Вторая часть дает некоторое представление о книжной торговле, внешнем виде торгового книжного ряда, торговых оборотах и т. д.

[21] Живописная Россия. Т. X. Спб., 1885.

[22] Спб., 1886.

[23] Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. Спб., 1876.

[24] Русская мысль, 1891, № 11—12.

[25] Петр Иванович Пашино (1836—1891). Служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В 1861 г. был направлен в Персию вторым секретарем русского посольства. Туркестанский край П. И. Пашино посетил трижды — в 1866, 1869 и 1873 гг. Путешествовал также по Индии, Афганистану, Персии, Бирме. Собрал большой этнографический материал о жизни местных народов, местном фольклоре и др. Труды П. И. Пашино внесли определенный вклад в современный уровень знаний о странах Востока вообще и Средней Азии — в частности. В 1871—1872 гг. П. И. Пашино предпринял издание учено-литературного журнала «Азиатский Вестник» для ознакомления общественности с восточными окраинами России, в том числе с Туркестанским краем. Однако издание журнала прекратилось после выхода второго номера. См. о нем: ПД ОР, ф. 357, оп. 2, д. 283, л. 1—2; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XXIII. Спб., 1898, с. 63; Русский биографический словарь. Т. 13. Спб., 1902, с. 425—430; Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем, с. 502—503; Гневушева Е. И. Забытый путешественник. М., 1958; Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Сост. Б. В. Лунин. Ташкент: Фан, 1974, и др.

[26] Гневушева Е. И. Забытый путешественник, с. 37.

[27] ПД ОР, ф. 357, оп. 2, д. 283, л. 2.

[28] Туркестанский сборник. Т. 24, 1869, с. 234.

[29] Роскошное издание на веленевой бумаге, с множеством гравюр, выполненных художником Гинэ по рисункам худ. Д. В. Вележнева, сопровождавшего П. И. Пашино. Среди них изображения берега Сырдарьи, фортов 1 и 2, окрестностей Чимкента, Ходжента, Ташкента и др.

[30] Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки. Спб., 1868, с. 3. Спустя почти 40 лет гидротехник А. Соловьев писал: «Надо заметить, что все эти натуральные повинности, кроме того, сопровождаются свистом нагаек, самыми невозможными ругательствами... К стыду нашему нужно заметить также, что нагайки не гнушается часто и сам «барин». В моем изложении, чувствую, все равно не получится той мрачной картины, которая имеет место в действительности с массой вымогательств и эксплуатацией невежественного и беззащитного кочевника, с массой крупных и неуловимых превышений власти по отношению к нему». Соловьев А. О колонизации в киргизской степи Акмолинской области и о поездке от Акмолинска до Ташкента через Голодную степь. АВГО, разряд 65, оп. 1, д. 59, л. 10.

[31] Туркестанский край в 1866 г., с. 129.

[32] Там же, с. 135.

[33] Там же, с. 143.

[34] Там же, с. 139—140.

[35] Там же, с. 140.

[36] Там же, с. 132. В этой связи П. И. Пашино останавливается на открытии месторождений каменного угля в верховьях Бугуни, на р. Карачик, в десяти верстах от Туркестана по Изенды-Булаку; богатых свинцовых руд в верховьях Турланасу; поисках золотоносных месторождений по верхнему течению р. Чирчик и Чаткал.

[37] Пашино П. И. Указ. соч., с. 173.

[38] Гневушева Е. И. Указ. соч., с. 37.

[39] Таковы, например, обстоятельства задержания русского посольства в Бухаре в 1866 г.— ответная акция, выразившаяся сначала в задержке бухарских торговых караванов, а затем и в прямых военных действиях.

[40] Гневушева Е. И. Указ. соч., с. 60.

[41] Всемирный путешественник, 1874, № 5.

[42] Из путешествия по Средней Азии.— В кн.: Верещагин В. В. Очерки, наброски, воспоминания. Спб., 1883, с. 49—86.

[43] В. В. Верещагин следовал по маршруту: Оренбург, р. Сырдарья, форт Казала, Джанкент, форт Перовский, Яны-Курган, форт Джулек, развалины Саурана, Туркестан, Чимкент, Ташкент, Ходжент, Чиназ. В альбомах первого путешествия (1867—1868 гг.) имеются карандашные наброски берегов Аральского моря, Сырдарьи, окрестностей Туркестана, кишлаков Бука и Ходжакенд, окрестностей Самарканда и Катта-Кургана. Рисунки зрительно дополняют описанные в записках местности и населенные пункты.

[44] В. В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания, с. 61—63.

[45] Там же, с. 57.

[46] Там же, с. 75.

[47] Там же, с. 76.

[48] Там же, с. 71.

[49] Там же, с. 70.

[50] Алексей Павлович Федченко (1844—1873), известный зоолог и географ. Исследовал долину Зарафшана и Заалайский хребет. Именем А. П. Федченко назван самый длинный в мире долинный ледник, открытый в 1876 г. Ошаниным в районе хребта Петра I. При исследовании одного из ледников Монблана Федченко трагически погиб. Во время путешествий по Средней Азии (1868—1871 гг.) А. П. Федченко собрал огромный материал, осуществил разнообразные исследования. Его путешествия отличаются основательностью и разнообразием наблюдений. См. о нем: Федченко Б. В. А. П. Федченко

(1844—1873). Русский путешественник, исследователь Средней Азии. М., 1953; Азатьян А. А. Выдающиеся исследователи природы Средней Азии. Ч. I. Ташкент, 1960, и др.

[51] Из Коканда. Сведения о путешествии по Кокандскому ханству А. П. Федченко в 1871 г. Ташкент, 1871 (Отд. оттиск из «Туркестанских ведомостей»).

[52] Федченко А. П. Извлечение из сведений о путешествии по Кокандскому ханству.— Известия РГО. Т. VIII, 1872, № 1; Он же. Объяснительная записка к карте Кокандского ханства и прилежащих стран.— Известия РГО. Т. VIII, 1872, № 1.

[53] Путешествие в Туркестан. Т. I. Ч. II. Вып. 7, тетр. 1. Обработал А. П. Федченко (с портретом, 3 картами, олеографией, 4 литографиями и 9 политипажами). Спб.—М., 1875. Рисунки были выполнены женой А. П. Федченко, талантливой пейзажисткой О. А. Федченко (1845—1921). Ею же в 1875 г. изданы два альбома: «Виды Русского Туркестана» и «В Кокандском ханстве», художественными средствами как бы дополнившие «Путешествие в Туркестан» А. П. Федченко. В 1950 г. было предпринято новое издание книги. См.: Федченко А. П. Путешествие в Туркестан (1868—1871). Под ред. вступ. ст. и коммент. Б. В. Юсова. М., 1950.

[54] Ташкент, Коканд, Алай, долина Караказыка, долина Исфайрам, Дараут-Курган, Ош, Гульча, Узгент, Андижан, Наманган, Туз, горы Кураматау, Ташкент.

[55] Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. Спб., 1875, с. 8.

[56] Там же, с. 9.

[57] Там же, с. 150.

[58] Там же, с. 129.

[59] Там же, с. 8.

[60] Там же, с. 96.

[61] Там же, с. 90.

[62] Там же, с. 95.

[63] Значительное внимание А. П. Федченко уделил историческим памятникам Самарканда, описал также ряд интересных мест и сооружений в Ургуте, Дахбиде, Катта-Кургане.

[64] Шахимардан Мирясович Ибрагимов (1841—1891). С 1867 г.— переводчик при туркестанском генерал-губернаторе, сопровождал его в поездках по краю. Как сообщал генерал-лейтенант Колпаковский военному министру 25 февраля 1882 г., «Ибрагимов обратил на себя внимание знанием обычаев и наречий, точностью и отчетливостью в исполнении возлагаемых на него поручений при собрании разных сведений от туземцев и в сношениях с последними главного начальника края». Первый редактор «Туркестанской туземной газеты». Был членом и переводчиком следственной комиссии по делу о злоупотреблениях в Кураминском уезде. См. о нем: ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 1, д. 416, л. 6—64. Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем, с. 291; Лунин Б. В. Среднеазиатский этнограф Шахимардан Ибрагимов.— ОНУ, 1966, № 7; см.: Дневник Ш. М. Ибрагимова. Архив ЛОИВ АН СССР, ф. 33. оп. 1, д. 224. Рукопись, 248 л. Правка дневника произведена А. Л. Куном (его же письмо предваряет рукопись).

[65] Архив ЛОИВ АН СССР, ф. 33, оп. 1, д. 25. Рукопись, 79 л. (под названием «Заметки туриста»). Часть листов подверглась правке А. Л. Куном.

[66] Военный сборник, 1874, № 9, с. 133—163.

[67] Древняя и Новая Россия, 1876, № 3, с. 51—63. Рец. А. Е. Алекторов. Указатель книг, журнальных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900, с. 356—358.

[68] Александр Людвигович Кун (1840—1888), ученый-востоковед. В 1868 г. назначен в распоряжение туркестанского генерал-губернатора для этнографических и статистических исследований края и для составления проекта устройства учебного дела в Туркестане; с 1876 по 1882 г. был инспектором училищ

края. В 1874 г. принимал участие в работе Международного съезда ориенталистов в Лондоне, избран членом-корреспондентом Института живых восточных языков в Париже. В 1875 г. работал в Комитете по подготовке Международного конгресса ориенталистов в Петербурге. См. о нем: Русский биографический словарь. Т. 9. Спб., 1903, с. 553; Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем, с. 232—235; Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении, с. 114—119, и др.

[69] Изв. РГО. Т. X, 1874, с. 17—58; Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. IV. Ташкент, 1876, с. 203—254.

[70] Неопубликованные записки А. Л. Куна хранятся в ЛОИВ АН СССР, ф. 33.

[71] Евгений Львович Марков (1835—1903), известный журналист, писатель, кандидат естественных наук. Много путешествовал, посетил Италию, Турцию, Грецию, Египет, Палестину, Кавказ, Среднюю Азию. См. о нем: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XVIIIа. Спб., 1896, с. 659—660.

[72] Русское обозрение, 1892, № 4—6.

[73] Русское обозрение, 1893, № 1—4, 11—12.

[74] Русский вестник, 1893, № 6, 7, 9, 11.

[75] Русский вестник, 1894, № 1, 2, 4, 5.

[76] Марков Е. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. В 2-х т., 6-ти ч. Спб., 1901.

[77] Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. 2, с. 283—284.

[78] «Очищение хлопка приносит большой барыш хозяевам завода. Расходы на устройство и эксплуатацию его не особенно велики, а между тем разница в цене хлопка очищенного и неочищенного — громадная. Нечистый хлопок можно было покупать в Коканде в прошлом году по 1 р. 80 коп., 1 р. 90 коп. пуд, продавая его по очищении на заводе по 7 руб. 50 коп. за пуд. Особенно это было выгодно прежде, когда у московских фабрикантов, основавших здесь первые хлопкоочистительные заводы, почти не было конкурентов...». См.: Марков Е. Указ. соч., с. 51—52.

[79] Там же, с. 51. Эти сведения подтверждает в наши дни В. А. Акрамов.— См.: Социально-экономическая и культурная жизнь города Коканда (вторая половина XIX — начало XX в.). Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1973, с. 27.

[80] Марков Е. Указ. соч., с. 52.

[81] Там же, с. 319.

[82] «Несколько больших каменных корпусов помещают в себе винодельне Филатова. Тут и бондарня для бочек, и много других хозяйственных дополнений... Заведение приготовляет в настоящее время до 20 000 ведер вина, в 1890 году оно приготовляло 16 000, а в 1881 году при начале своего существования только 1200 ведер». (Марков Е. Указ. соч. Т. 2, с. 278).

[83] Там же, с. 274.

[84] Там же, с. 273.

[85] «Каждый магазин имеет обыкновенно своих кустарей, которые постоянно работают по его заказу. Два, три станка — самое большее,— помещаются в какой-нибудь тесной глиняной избушке.— На станках натянуты шелковые нити разных цветов... Шелководство во всем Туркестане носит на себе этот мелкий кустарный характер» (Марков Е. Указ. соч., с. 270).

[86] Там же.

[87] Там же, с. 272.

[88] Там же, с. 273.

[89] Там же, с. 316.

[90] Там же, с. 269.

[91] Там же, с. 316—317.

[92] Там же, с. 198. Материалы, освещающие движение под руководством

выходца из бедноты Баба Гоклена Утузова (1880—1891 гг.), содержатся в ЦГА УзССР (ф. 17, 134). Сведения о движении опубликованы также: Косбергенов Р. Присоединение Каракалпакии к России (1873—1917 гг.). Нукус: Каракалпакстан, 1972.

[93] Марков Е. Указ. соч., с. 49.

[94] Там же.

[95] Закаспийская железная дорога была первой крупной железнодорожной магистралью в Средней Азии. Строительство было начато в 1880 г. В 1888 г. дорога была доведена до Самарканда, затем продолжена до Ташкента, и в 1899 г. завершено ее сооружение.

[96] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 140.

[97] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 82.

[98] Владимир Афанасьевич Обручев (1863—1956), выдающийся советский геолог и географ, исследователь Сибири и Центральной Азии, академик АН СССР (с 1929 г.), Герой Социалистического Труда (1945), Заслуженный деятель науки РСФСР (1927), Почетный президент Географического общества СССР. В 1886—1888 гг. проводил исследования в Каракумах. Предложил меры защиты линии железной дороги от движущихся песков. См. о нем: БСЭ, 3-е изд-е. М.: Советская энциклопедия, 1978, т. 18, с. 228.

[99] Обручев В. А. По горам и пустыням Средней Азии. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

[100] Там же, с. 47.

[101] Там же, с. 67.

[102] Там же, с. 15—16.

[103] Эспер Эсперович Ухтомский (род. 1861). См. о нем: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XXXV. Спб., 1902, с. 102.

[104] Ухтомский Эспер. От Калмыцкой степи до Бухары. Спб., 1891.

[105] Там же, с. 46.

[106] Там же, с. 50.

[107] Там же, с. 52.

[108] Там же, с. 55.

[109] Там же, с. 53.

[110] Арендаренко Г. А. Досуги в Туркестане. Спб., 1889, с. 13—20.

[111] Зап. Кавказского отд. РГО. Т. 13. Вып. I, 1884.

[112] Изв. РГО. Т. 24. Вып. 4, 1888.

[112а] Нива, 1888. Записки были иллюстрированы рисунками видов поселка Узун-ада, Кизыл-Арвата, Бахардена, Геок-Тепе, окрестностей Ашхабада и Мерва, станции Байрам-Али, Чарджуя.

[113] М., 1889. Журн. публикация: Русская мысль, 1889, №№ 2—5, 8.

[114] М., 1892.

[115] Спб., 1894.

[116] Спб., 1897.

[117] Никитин С. Н. По Закаспийским степям и Устюрту.— Горный журнал, 1905, № 1.

[118] Архив ЛОИВ АН СССР, разряд 4, оп. 1, д. 27, 145 л. В предисловии к «Дневнику» (8 л.) подробно изложены обстоятельства и причины снаряжения экспедиции, состав участников, организация, условия работы и т. д. Эти данные позволяют уяснить характер правительственных действий, вызванных экономическими условиями развития России и интересами буржуазных кругов.

[119] Михаил Николаевич Чернышевский (1858—1924), сын великого русского революционного демократа Н. Г. Чернышевского. Ему мы обязаны тем, что до нас дошли переписка и литературное наследие Н. Г. Чернышевского. В то время, когда имя Н. Г. Чернышевского было запрещено даже упоминать в печати, М. Н. Чернышевский издавал анонимные однотомники отца. В годы первой русской революции 1905—1907 гг. М. Н. Чернышевский предпринял издание первого полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского. После Октябрьской революции, вплоть до кончины, продолжал пропагандиро-

вать литературное наследие Н. Г. Чернышевского, стал создателем Дома-музея Н. Г. Чернышевского в Саратове.

Еще при жизни отца М. Н. Чернышевский начал службу в департаменте железнодорожных дел Министерства финансов. См. о нем: Чернышевская Н. М. Младший сын Н. Г. Чернышевского.— В сб.: Чернышевский Н. Г. Статьи, исследования и материалы. Вып. 3. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1962, с. 183—212.

120 Архив ЛОИВ АН СССР, разряд 4, оп. 1, д. 27, л. 144.

121 Там же, л. 68.

122 Там же, л. 80.

123 Там же.

124 Там же, л. 119.

125 Об этом сообщила нам одна из старейших этнографов Средней Азии, долгое время занимавшаяся изучением жизни и быта каракалпаков, канд. ист. наук Анна Сергеевна Морозова.

126 Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, с. 263.

127 Залесов Н. Г. Письмо из степи.— Военный сборник. Т. III. 1858, с. 487—491; Он же. Письмо из Хивы.— Военный сборник. Т. IV. 1858, с. 491—497; 1859, т. V, с. 273—295; Письма из Бухары.— Военный сборник. Т. XII, с. 235—348; Он же. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г.— Русский вестник, 1871, № 2, с. 421—440; № 3, с. 42—82.

128 Николай Гаврилович Залесов (1826—1896). В 1848 г. был назначен в Оренбургский линейный батальон. В 1850—1853 гг. учился в Военной академии. В 1856 г. командирован на службу в отдельный Оренбургский корпус, в 1858 г. участвовал в миссии полковника Игнатьева в Хиву и Бухару, служил в Оренбурге, в 1864—1870 гг.— помощником начальника и начальником штаба. См. о нем: Русская старина, 1903, апрель — декабрь.

129 Русский вестник, 1871, № 2, 3.

130 Зап. РГО. Кн. 1, 1861.

131 Воспоминания о степном походе миссии флигель-адъютанта Игнатьева в ханства Хиву и Бухару.— Военный сборник, 1864, № 4.

132 Спб., 1868.

133 Михаил Николаевич Галкин (род. 1834). В 1858 г. принял участие в посольстве Н. П. Игнатьева. В 1859 г. участвовал в экспедиции полковника В. Д. Даниелевского на побережье Каспийского моря для сбора различных, в т. ч. этнографических сведений. Результаты наблюдений обобщены в опубликованной в 1868 г. книге «Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю». См. о нем: Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций. Ч. II, с. 32—33.

134 Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. Спб., 1868, с. 164—189.

135 Николай Павлович Игнатьев (1832—1908). В 1858 г. возглавил военно-дипломатическую миссию в Хиву и Бухару. Впоследствии занимал различные административные посты, в т. ч. начальника Азиатского департамента, министра внутренних дел (1882). Был президентом Общества для содействия русской промышленности и торговли. См. о нем: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XIIа. Спб., 1894, с. 785—786; БСЭ. Изд-е 2-е. Т. 17. М., 1952, с. 310, и др.

136 ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 131—136.

137 Игнатьев Н. П. Указ. соч., с. 137.

138 Там же, с. 160.

139 Там же, с. 221.

140 Там же, с. 211.

141 Там же, с. 230.

142 Там же, с. 167.

143 ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 119, 124.

[144] А. С. Татаринов совершил множество поездок и написал несколько статей о минеральных богатствах края. В 1864 г. он посетил Тарбагатайский хребет с целью разведки месторождений полезных ископаемых. В 1866—1872 гг. являлся заведующим горной частью Туркестанского генерал-губернаторства. В 1866 г. А. С. Татаринов был прикомандирован в качестве сопровождающего лица к составу русского посольства в Бухару. Ход переговоров, цели, поставленные перед посольством, им не освещаются. См. о нем: Мушкетов И. В. Туркестан. Спб., 1886, с. 203.

[145] Татаринов А. С. Семимесячный плен в Бухарии. Спб.—М., 1867.

[146] Эмир Бухары претендовал на Самарканд, в Ташкент поступали тревожившие царские власти сообщения о переговорах между эмиром Музаффаром и афганским эмиром о сближении бухарского правительства с шахрисабзскими беками, о соглашении между Бухарой и Хивой. См.: Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России, с. 289.

[147] Там же, с. 290.

[148] Спб., 1871.

[149] Лев Феофилович Костенко (1841—1891), генерал-майор. Выпускник Академии Генштаба. В 1867 г. был назначен в штаб Туркестанского военного округа, был членом Статистического комитета (1868), принимал участие в Хивинском походе 1873 г. Один из первых путешественников, посетивших и описавших Памир. Совершил несколько поездок по Тянь-Шаню. В 1887 г. был назначен заведующим Азиатской частью Главного штаба. Автор работ: «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности» (1870); «Город Хива и его значение» (1873); «Туркестанские войска и условия их бытовой и боевой подготовки» (1875); «Краткая характеристика Великого Тянь-Шанского нагорья» (1878); «Река Аму-Дарья и свод новейших сведений об этой реке» (1878) и др. См. о нем: Русский биографический словарь. Т. IX. Спб., 1903, с. 304—305.

[150] Костенко Л. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году, с. 83.

[151] Там же, с. 95.

[152] Там же.

[153] Там же, с. 93.

[154] Там же, с. 85.

[155] Сухарева О. А. Бухара. XIX — начало XX в., с. 168. Из 220 бухарских кварталов только три не имели своих мечетей.

[156] Костенко Л. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г., с. 85.

[157] Там же, с. 86.

[158] Там же, с. 104.

[159] Там же, с. 97.

[160] Там же, с. 98.

[161] Там же, с. 104.

[162] Там же.

[163] Там же, с. 99.

[164] Там же, с. 54.

[165] Там же, с. 57.

[166] Там же.

[167] Там же, с. 71.

[168] Там же, с. 79.

[169] Сухарева О. А. Бухара. XIX — начало XX в., с. 101—111.

[170] Крестовский В. В. В гостях у эмира бухарского. Спб., 1887.

[171] Всеволод Владимирович Крестовский (1840—1895), писатель. В 1882 г. он был назначен чиновником особых поручений при М. Г. Черняеве. В чине полковника перешел на службу в корпус пограничной стражи. По своим политическим убеждениям В. В. Крестовский — носитель реакционных взглядов. См. о нем: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XVIа. Спб., 1895, с. 651.

[171a] Небезынтересными в данной связи представляются также замечания В. В. Крестовского: «При посещении кого-либо из беков получаем от них подарок по одной лошади с парчовой попоной, наборной уздечкой и по одному тюку халатов, а старший посол по две лошади под бархатными попонами, расшитыми серебром и шелком и девять тюков халатов. Итого каждый раз шесть лошадей и тридцать тюков, в которых в общей сложности заключается 117 халатов, приблизительно на сумму до 2000 рублей». (Крестовский В. В. Указ. соч., с. 231). Подарочные халаты превратились в Бухаре в своего рода денежный эквивалент (см.: Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века, с. 112). Эти сведения В. В. Крестовского подтверждает и Д. Н. Логофет. Отмечая, что в эмират ежегодно прибывало значительное число офицеров, интендантских чиновников, топографов и др., он указывал, что на обеспечение этих лиц тратились крупные суммы, которые взимались с населения. (См.: Логофет Д. Н. Страна бесправия. Спб., 1909, с. 160). По словам профессора А. А. Семенова, отдельные представители царской администрации, «чувствуя за собой могучую поддержку в Петербурге, топтали здесь в грязь себя..., а представители титулованных фамилий, будучи посланы в Бухару в качестве чрезвычайных послов от генерал-губернатора, обращались к эмиру с требованием дать сейчас же десятки тысяч рублей» (См.: Семенов А. А. Введение к «Кауфманскому сборнику». М., 1912, с. XXXIV). Подобные факты приводят и советские исследователи истории эмирата (см., напр.: Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата, с. 49—50).

[172] Город Карши — второй политический центр Бухарского ханства. Каршинский вилайят был районом расселения племени мангытов, к которому принадлежала правящая династия, опиравшаяся по традициям родоплеменного быта на поддержку соплеменников (см.: Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства, с. 111—112).

[173] Крестовский В. В. В гостях у эмира бухарского, с. 422—423.

[174] Там же, с. 192. В период протектората эмирские сарбазы состояли из регулярных и иррегулярных частей. Регулярные войска делились на пехоту, артиллерию и кавалерию. Насчитывали более 10 тыс. человек. Иррегулярные части (ильнаукары) состояли из правительственных и бекских сарбазов. Бекские ильнаукары насчитывали от 200 до 400 человек в каждом бекстве и несли административно-полицейскую службу. Сарбазы должны были символизировать власть, олицетворять могущество правителя страны и подавлять антифеодальные и антиправительственные выступления трудящихся Бухары. (См.: Арендаренко Г. А. Бухарские войска в 1880 году.— Туркестанский сборник. Т. 297; Тухтаметов Т. Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в. Ташкент: Фан, 1966, с. 52—53).

[175] Крестовский В. В. Указ. соч., с. 341.

[176] Там же, с. 354.

[177] В 1880—1881 г., например, если не считать товаров, отправленных из эмирата в Туркестанский край и в Сибирь, в Россию было вывезено: 4000 пуд. каракулевых шкурок, 410000 пуд. хлопка; 6,1 тыс. пуд. цитварного семени, 4,0 тыс. пуд. бумажной пряжи, 0,8 тыс. пуд. халатов (см.: Ремез И. А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Ташкент, 1922, с. 49).

[178] Крестовский В. В. Указ. соч., с. 299.

[179] Сухарева О. А. Бухара. XIX — начало XX в., с. 187—261.

[180] Крестовский В. В. Указ. соч., с. 315.

[181] Сухарева О. А. Позднефеодальный город. Бухара конца XIX — начала XX в., с. 66, 76, Она же. Бухара. XIX — начало XX в., с. 170—171.

[182] Сухарева О. А. Бухара. XIX — начало XX в., с. 175.

[183] Крестовский В. В. Указ. соч., с. 160.

[184] Детальное и планомерное исследование этого ценного археологического памятника стало возможным лишь в советское время.

[185] Крестовский В. В. Указ. соч., с. 45, 73.

[186] Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей.— В сб.: Афрасиаб. Афрасиабская комплексная археологическая экспедиция. Вып. 1. Ташкент: Фан УзССР, 1969, с. 15.

[187] В 1883 г. В. В. Крестовский предпринял раскопки на Афрасиабе «для пополнения Ташкентского музея предметами древности». К археологическим раскопкам, да еще на Афрасиабе — сложном многослойном объекте — он был мало подготовлен. Однако, будучи достаточно образованным человеком, подошел к делу серьезнее некоторых других любителей. См.: Шишкин В. А. Указ. соч., с. 16.

[188] Путешествия русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—79 гг. Из дневников члена посольства доктора И. Л. Яворского. Спб. 1882—1883. Рец. в «Журнале Министерства народного просвещения». Кн. 10, 1883.

[189] Мушкетов И. В. Туркестан, с. 286.

[190] Вестник Европы, 1873, № 2.

[191] Русский вестник, 1875, № 6.

[192] Русский вестник, 1870, № 3.

[193] Военный сборник, 1877, № 8.

[194] Спб., 1879.

[195] Сб. «Туркестан». Т. 27, с. 1—56.

[196] Исторический вестник. Т. 87, 88, 1902.

[197] Спб., 1903.

[198] Изв. РГО. Т. 44. Вып. 9, 1908.

[199] Известия Ботанического сада, 1906, № 6.

[200] Дмитрий Николаевич Логофет (род. 1865), полковник. Долго жил в Бухарском ханстве, много ездил, собрал небезынтересный материал о жизни местного населения. За книгу «Бухарское ханство под русским протекторатом» получил звание действительного члена Русского Географического общества. Отзыв В. В. Бартольда о книге Д. Н. Логофета «На границах Средней Азии» см.: ЛО Архива АН СССР, ф. 68, д. 76. Бартольд и другие востоковеды-специалисты критически и невысоко оценивали публикации Логофета за их неудовлетворительный научный уровень. Б. В. Лунин указывает, в частности, что «Свидетельства полковника царской армии (войск пограничной стражи) Д. Н. Логофета по поводу этого «дикого произвола» заслуживают несомненного внимания и объективно во многом соответствуют действительному положению дел в дореволюционной Бухаре. Однако сам Логофет был человеком крайне далеким от прогрессивного лагеря, а его книги отражали замыслы и настроения той части высших военно-чиновничьих и буржуазных кругов царской России, которые под предлогом цивилизаторской миссии «белого царя» ратовали в своих интересах за безоговорочное включение Бухары в состав Российской империи с окончательной ликвидацией ее и без того полупризрачного вассалитета. Не случайно книгу Логофета выпустило издательство «Разведчик», пользовавшееся секретными субсидиями военного министерства. Горячие призывы Логофета к царскому правительству «навести порядок и установить справедливость» в Бухаре с ее диким средневековьем диктовались, таким образом, отнюдь не его прогрессивными убеждениями действительного защитника интересов трудящихся масс эмирата. Мы оговариваем это еще и потому, что некритически воспринятое мнение о Логофете как «носителе прогрессивных идей и страстном обличителе социальной неправды» в Средней Азии получило в исторической литературе довольно широкое распространение».— См.: Коммунист Узбекистана, 1968, № 1, с. 93. См. о нем также: Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1. Пг., 1915, с. 235.

[201] Спб., 1909.

[202] Спб., 1909.

[203] Спб., 1905.

[204] Ташкент, 1904.

[205] Спб., 1911.

[206] М., 1912.

[207] Тухтаметов Т. Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в., с. 69—71. Из письма генерал-губернатора М. Д. Мищенко Евреинову от 28/29 октября 1908 г.: «Следя за содержанием «Закаспийского обозрения», я не могу не обратить Вашего внимания на то, что в этой газете иногда помещаются статьи нежелательного направления. Напр., в № 237 от 18 октября сего года была помещена перепечатка из «Биржевых ведомостей» в фельетоне «Страна бесправия» с несомненной тенденцией обратить внимание местного общества на внутренние распорядки в Бухарском ханстве, совершающиеся под прикрытием авторитета власти туркестанского генерал-губернатора. ...Ввиду сего прошу Ваше превосходительство отнестись с должным вниманием к содержанию местной прессы и в подлежащих случаях благоволите или опровергать статьи и заметки вышеназванного характера или применять к местным газетам указанные в законе меры» (ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 4, д. 1221, л. 80—80, об).

[208] Вестовой, 1910.

[209] Логофет Д. Н. В забытой стране. Путевые очерки по Средней Азии. М., 1912, с. 172—173.

[210] Логофет Д. Н. На границах Средней Азии (Путевые очерки). Кн. 3, с. 66.

[211] Логофет Д. Н. В забытой стране, с. 153—154.

[212] Логофет Д. Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. Спб., 1909; Он же. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1. Спб., 1911.

[213] Тухтаметов Т. Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в., с. 26—28.

[214] Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата, с. 52.

[215] Логофет Д. Н. В забытой стране, с. 131. Подобные факты подтверждал и капитан Генерального штаба Кузнецов, посетивший Дарваз в начале 90-х годов XIX в.— См.: Кузнецов. Дарваз. Рекогносцировка. Новый Маргилан, 1893, с. 9.

[216] Эти же факты подтверждает и Б. Искандаров в своей книге «Из истории Бухарского эмирата», с. 32—33.

[217] Логофет Д. Н. В забытой стране, с. 174.

[218] Там же, с. 143.

[219] Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Кн. 3, с. 192. В 1896 г. генерал-губернатором Туркестана бароном Вревским было издано «Постановление о золотопромышленности в Бухарском ханстве», согласно которому все золото, добываемое русскими концессионерами, подлежало сдаче бухарскому правительству, которое за это должно было выплачивать кредитными билетами по курсу дня, существовавшему на петербургской бирже.— См.: Тухтаметов Т. Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в., с. 64—65.

[220] Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Кн. 3, с. 151.

[221] Там же. Кн. 2, с. 8.

[222] Там же, с. 18.

[223] Там же.

[224] Там же. Кн. 1, с. 148.

[225] Там же, с. 238—239.

[226] Тухтаметов Т. Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в., с. 57.

[227] Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата, с. 26.

[228] Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Кн. 2, с. 163.

[229] Там же.

[230] Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата, с. 25.

[231] О подобных случаях сообщал ботаник В. И. Липский в своей кни-

ге «Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий по Средней Азии (в 1896, 1897 и 1899 гг.)», опубликованной в Петербурге в 1902 г. (Ч. 1, с. 304).

232 Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Кн. 3, с. 142.

233 Там же, с. 162.

234 Там же, с. 121—122.

235 Там же. Кн. 2, с. 142.

236 Логофет Д. Н. В забытой стране, с. 63—65. Д. Н. Логофет описал представление народного театра, носившее яркий обличительный характер против процесса мусульманского судопроизводства.

237 Аналогичные факты содержатся в «Автобиографии» Г. П. Сазонова. Составлена предположительно в 1923 г., 36 л. В основном связана с событиями общественной и личной жизни автора, его окружением, изданием научных трудов. Имеются сведения об экономическом освоении Закаспийской области. (См.: ЦГИАЛ, ф. 1659, оп. 1, д. 1).

238 ЛО Архива АН СССР, ф. 2, оп. 1, д. 38, л. 8—9.

239 Алексей Васильевич Нечаев (1864—1915), геолог и палеонтолог. С 1899 г. профессор Казанского университета, с 1903 г.— Киевского политехнического института. В 1911 г. уволен за поддержку антиправительственного студенческого выступления. С 1912 г. сотрудник Геологического комитета в Петербурге. Автор ряда специальных работ. См. о нем: БСЭ, 3-е изд-е. М.: Советская энциклопедия. Т. 17, 1978, с. 552.

240 Нечаев А. В. По горной Бухаре. Путевые очерки. Спб., 1914. Книга А. В. Нечаева выходит за хронологические рамки нашего исследования. Однако сообщаемые им факты характерны для изучаемого периода.

241 Там же, с. 13.

242 Ташкент, 1888.

243 Новый Маргилан, 1893.

244 Всемирная иллюстрация. Т. 1, 1895.

245 Ташкент, 1895.

246 Землеведение. Т. III. Кн. 1, 1896.

247 Сб.: Русский Туркестан, 1899.

248 Землеведение. Т. IV, 1899.

249 Спб. В 3-х ч., 1902.

250 М., 1902.

251 Ежегодник Русского Горного общества. Т. 2, 1902.

252 Зап. РГО. Т. 38. Ч. I, 1903.

253 Труды Общества землеведения. Спб., 1903—1904, 1904—1905.

254 Исторический вестник. Т. XCVIII, 1904.

255 Спб., 1906.

256 Ташкент, 1910.

Глава III

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 241.

2 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 108.

3 Там же, т. 41, с. 7—8.

4 Там же, т. 7, с. 242.

5 Николай Петрович Остроумов (1848—1930). С 1877 г. жил и работал в Туркестанском крае. В течение 40 лет жил в Ташкенте. Был инспектором народных училищ, директором Ташкентской учительской семинарии (1879—1883), директором Ташкентской мужской гимназии (1883—1901), директором Ташкентской учительской семинарии (1901—1917). С 1883 по 1917 г.— редактор «Туземной газеты». Автор многих статей, заметок и исследований о Туркестанском крае. Член нескольких ученых обществ. Руководил деятельностью Туркестанского кружка любителей археологии, редактировал протоколы заседаний и сообщений членов кружка, вел переписку. Н. П. Остроу-

мова называли «патриархом туркестановедения» (В. В. Бартольд), считали «крупным знатоком местного края» и «представителем всего среднеазиатского востоковедения» (Ю. И. Крачковский) .В то же время это «одна из самых реакционных фигур в среде «служилых туркестанцев», «заядлый монархист и убежденный враг революции» (Б. В. Лунин). См. о нем: Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Составитель Б. В. Лунин. Ташкент, 1974, с. 259—271.

[6] Рукопись воспоминаний хранится в ЦГА УзССР, ф. 1009.

[7] Суть новой системы «инородческого образования» сводилась к тому, что по некоторым чертам она отличалась от русских и мусульманских школ. В первую очередь это касалось форм обучения и быта. Преподавание велось на родном языке. Русский язык был объявлен учебным и изучался наравне с другими школьными предметами. Н. И. Ильминский (1822—1896) — основатель системы «инородческого просвещения», педагог консервативного миссионерского направления. В своей активной деятельности по просвещению национальных меньшинств он видел прежде всего средство для их руссификации и обращения в православие. На основе русской графики Ильминский создал алфавиты чувашского, татарского, марийского, удмуртского и других языков народов царской России, что способствовало распространению грамотности среди этих народов. Он был учителем и духовным наставником Н. П. Остроумова, с которым состоял в длительной переписке. См.: Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении, с. 83.

[8] Остроумов Н. К истории народного образования в Туркестанском крае, с. 30—32, 100; «Устроитель Туркестанского края К. П. Кауфман придерживался системы игнорирования мусульманского духовенства и мусульманских учреждений». См.: Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, с. 123.

Отношение К. П. Кауфмана к миссионерскому вопросу отражено в его письмах к гр. Дм. Толстому, черновики которых хранятся в ЦГА УзССР (ф. И-1, оп. 20, д. 124). Как видно из этих писем, К. П. Кауфман считал, что миссионерская деятельность в Туркестане «не даст хороших последствий, а принесет только вред потому, что будет способствовать отчуждению «туземцев» от русских».

После Андижанского восстания 1898 г. усиливается внимание колониальной администрации к жизни мусульманской школы, сбору, изучению и изданию материалов по мусульманству. Но миссионерскую деятельность по-прежнему проводить не рекомендовалось.— См.: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором графом К. Паленом. Ч. 2. Спб., 1910, с. 63.

[9] Остроумов Н. К истории народного образования в Туркестанском крае, с. 171—172.

[10] Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. Пг., 1916.

[11] Нил Сергеевич Лыкошин (1860—1922), видный представитель военно-колониальной администрации Туркестана, поднявшийся по служебной лестнице от рядового военного чиновника до начальника Амударьинского отдела, военный губернатор Самаркандской области. Фигура социально противоречивая, сложная. С одной стороны, «исполнительный служака», с другой — за проявленную «умеренность» в действиях во время восстания 1916 г. был вынужден подать в отставку. Известен как востоковед-автодидакт. Автор перевода на русский язык ряда восточных рукописей, в том числе «Истории Бухары» Наршахи. После Октябрьской революции работал в ряде советских учреждений. В 1921 г. по рекомендации В. В. Бартольда, В. Н. Перетца и других крупных ученых был избран преподавателем по кафедре тюркско-татарских наречий социально-исторического факультета Самарского государственного университета. См. о нем: Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки, с. 216—222.

[12] Н. С. Лыкошин. Полжизни в Туркестане, с. 32.

[13] Рисуемые картины довольно безрадостны и оставляют тяжелое впечатление — палочная система, бессмысленная зубрежка и механическое запоминание непонятных строф, отсутствие элементарных бытовых условий. Вот что пишет, например, Н. С. Лыкошин о туземных школах в Шейхантаурской части г. Ташкента: «Находящиеся там две начальные школы (мактабы) для мальчиков помещаются в таких тесных, низких и темных саклях, что надо удивляться выносливости детей, занимающихся в такой неблагоприятной обстановке».— См. Лыкошин Н. С. Указ. соч., с. 226.

[14] Лыкошин Н. С. Указ. соч., с. 231.

[15] Там же, с. 52.

[16] Шариат — свод законов, составленных на основе Корана и сунны в период феодализма в странах распространения ислама. Содержит нормы государственного, наследственного, уголовного, брачно-семейного права, предписания о хадже и газавате, регламентирует молитву, пост и т. д. Шариат защищает интересы господствующих классов феодального общества и духовенства, частную собственность объявляет божественным установлением.— См.: Васильев Л. С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество. М.: Высшая школа, 1983, с. 133—136).

[17] Лыкошин Н. С. Указ. соч., с. 88.

[18] Там же.

[19] Там же, с. 93.

[20] Там же, с. 92.

[21] Там же, с. 76. Женщина была приговорена к тюремному заключению в течение полугода.

[22] В ЦГА УзССР в фонде канцелярии туркестанского генерал-губернатора (И-1) хранятся множество дел, связанных с жалобами населения на злоупотребления народных судов.

[23] Лыкошин Н. С. Указ. соч., с. 128.

[24] Там же, с. 132.

[25] Там же, с. 134.

[26] Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае.— В ж. «Исторический вестник». Т. 133, 1913, № 9, с. 786—812; Т. 134, № 10, с. 33—35; № 11, с. 437—467; № 12, с. 860—893.

[27] Георгий Павлович Федоров (род. 1846). В 1868 г. направлен служить в Оренбург, в 1870 г.— в Ташкент. В 1871 г. определен в канцелярию туркестанского генерал-губернатора, был помощником делопроизводителя и делопроизводителем канцелярии, исправлял обязанности дипломатического чиновника. Принимал участие в ревизии А. К. Гирса в составлении проекта положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. С 1899 г.— помощник управляющего, с 1901 г.— управляющий канцелярией генерал-губернатора. Уволен со службы в мае 1906 г. См. о нем: Добромыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем, с. 451.

[28] Например, Г. П. Федоров дает отрицательную оценку действиям М. Г. Черняева по ликвидации Публичной библиотеки, одним из мотивов чего послужили непроизводительные, по мнению М. Г. Черняева, расходы на библиотеку, выразившиеся, в частности, в найме помещений и обошедшиеся казне в 10 тыс. руб.— См.: ГИМ ОПИ, ф. 208, оп. 1, д. 56, л. 81.

[29] Федоров Г. П. Ответ А. Черняевой на ее заметку в № 13546 «Нового времени» по поводу его воспоминаний о М. Г. Черняеве. Исторический вестник. Т. 135, 1914. № 1; заметка по поводу воспоминаний о С. М. Духовском.— Исторический вестник. Т. 135, 1914, № 3, и др.

[30] Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае.— Исторический вестник. Т. 134, № 11, с. 444—445.

[31] ЦГИАЛ, ф. 1042, оп. 1, д. 7 «и» — 7 «п». Непосредственно к периоду пребывания Н. Я. Ростовцева в Туркестане относятся 43 тетради объемом 2408 страниц.

[32] Николай Яковлевич Ростовцев (род. 1831), генерал. С 1891 г.— военный губернатор Самаркандской области. Корреспондент Вольного Экономического общества (1863), член Русского Географического общества (1873).— См. о нем: Альманах современных русских государственных деятелей. Т. 2. Спб., 1897, с. 722; ЦГИАЛ, ф. 1042, оп. 1, д. 1, л. 9—63.

[33] В дневник вклеены вырезки из газет, относящиеся к назначениям Н. Я. Ростовцева, его деятельности, документы биографического характера. Некоторые из них целиком переписаны в дневник: об избрании почетным членом Ташкентского общественного собрания, членом Русского Географического общества, приказ о назначении на должность самаркандского военного губернатора и т. д.

[34] ЦГВИА СССР, ф. 165, оп. 1, д. 1768. 26 тетрадей, около 2500 л. Освещается период с 1891 по 1897 г.

[35] Алексей Николаевич Куропаткин (1848—1925), военный деятель, генерал от инфантерии. Участник военных походов в Средней Азии. В 1890—1897 гг.— начальник и командующий войсками Закаспийской области. В 1898—1904 гг.— военный министр, был близок С. Ю. Витте. Во время русско-японской войны 1904—1905 гг.— главнокомандующий русскими сухопутными войсками, с февраля 1905 г.— всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке. После проигранного Мукденского сражения был смещен с поста главнокомандующего. С июля 1916 г.— генерал-губернатор и командующий войсками в Туркестане. В апреле 1917 г. по настоянию Ташкентского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов арестован и отправлен в Петроград. После освобождения Временным правительством поселился в Псковской губернии. Автор многих публикаций. В ж. «Красный архив» за 1922, 1924—1925 и 1935 гг. опубликован дневник А. Н. Куропаткина за период его пребывания на посту туркестанского генерал-губернатора. См. о нем: БСЭ, 2-е изд. Т. 24. М., 1954, с. 105.

[36] Дочь князя Голицына. По отзывам современников, обладала некоторым литературным даром.— См.: Духовская В. Туркестанские скитания. Спб., 1913.

[37] Духовская В. Указ. соч., с. 52.

[38] Там же, с. 37.

[39] Касымбеков К. Ф. Социально-экономическое и политическое положение Ферганы в конце XIX — начале XX в. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1966, с. 21.

[40] Духовская В. Указ. соч., с. 37.

[41] Там же, с. 38, 44—45.

[42] ЦГВИА СССР, ф. 81, оп. 1, д. 58, 69, л. 77.

[43] Евгений Иосифович Мациевский (1867—1907), генерал-лейтенант. В 1901—1904 гг. занимал должности помощника туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа; в 1904—1907 гг.— командира 1-го Туркестанского армейского корпуса. См. о нем: Путеводитель по ЦГВИА СССР. М., 1949, с. 355.

[44] Владимир Андреевич Косаговский (род. 1857), генерал-лейтенант. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., русско-японской войны 1904—1905 гг. В 1905—1906 гг. исполнял обязанности начальника Закаспийской области, командовал 2-м Туркестанским армейским корпусом. См. о нем: ЦГВИА СССР, ф. 217, оп. 1, д. 76.

[45] ЦГВИА СССР, ф. 217, оп. 1, д. 76, л. 319—327, 404, 405.

[46] В августе 1906 г. Д. И. Суботич был отстранен от должности туркестанского генерал-губернатора.

[47] ЦГВИА СССР, ф. 217, оп. 1, д. 76, л. 321 об.

[48] Там же, л. 405.

[49] Там же, л. 323.

[50] Там же, л. 321 об.

[51] Так у Косаговского. На самом деле фамилия покушавшегося на генерала Прасолова — Петрунин.

[52] См. сб.: Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 годы (Документы и материалы), с. 270—271. И. Н. Нестеров — помощник секретаря Асхабадского окружного суда, социал-демократ, участник революционных событий в Асхабаде, по словам властей «принимал самое горячее и активное участие в распространении противоправительственной агитации... среди городского населения, как русского, так и инородного».— См.: Лунин Б. В. У истоков великой дружбы. Ташкент: Узбекистан, 1972, с. 261; В. П. Вахнин, социал-демократ, член стачечного комитета в Асхабаде в 1905 г., один из руководителей солдатского восстания в 1906 г.— См.: Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане. Летопись событий. Ч. 1. (1903 — февраль 1917 г.). Ташкент: Узбекистан, 1971, с. 169—170.

[53] История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968, с. 326.

[54] Владимир Андреевич Мустафин. Выпускник Военно-юридической академии. В 1902 г. помощник прокурора туркестанского военно-окружного суда. С 1906 по 1911 г.— управляющий канцелярией туркестанского генерал-губернатора, генерал-майор. См. о нем: Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем, с. 451—452.

[55] Мустафин В. Николай Иванович Гродеков. 1883—1913 гг. Воспоминания-заметки.— Исторический вестник. Т. 142, 1915, № 10.

[56] Мустафин В. Указ. соч., с. 145.

[57] Там же, с. 149.

[58] По определению В. А. Мустафина,— «социал-революционная партия».

[59] Мустафин В. Указ. соч., с. 153.

[60] Там же.

[61] Там же, с. 150.

[62] Гидротехник А. Соловьев, работавший в 1904 г. в составе изыскательской партии на переселенческих участках, писал: «Появление весьма многочисленных русских поселков, все более и более стесняя киргизов в свободе пользования землями, под конец поставили киргиз в условия невозможности для его скотоводства, составляющего главную основу экономической жизни киргиза и единственный источник его благосостояния...» (См.: АВГО, разряд 65, оп. 1, д. 59, л. 16).

[63] История Узбекской ССР. Т. 2, с. 319.

[64] Ревизия Туркестанского края под руководством графа К. К. Палена была назначена 19 марта 1908 г. Ее работа продолжалась с 13 июля 1908 г. вплоть до начала 1909 г. К работам были привлечены специалисты из Центра, а также представители местного административного и судебного аппарата.

[65] Главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин посетил Туркестан весной 1912 г. с целью «лично на месте присмотреться к условиям возможного расширения туркестанского хлопководства».— См.: История Узбекской ССР. Т. 2, с. 332.

[66] Мустафин В. Указ. соч., с. 156.

[67] В декабре 1910 г. вступил в силу закона законопроект, принятый III Государственной думой. Он узаконил практику экспроприации земель коренного населения в кочевых районах Туркестана, особенно в Семиречье и Сырдарьинской области.— См.: История Узбекской ССР. Т. 2, с. 331.

[68] Мустафин В. Указ. соч., с. 159.

[69] Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности. Систематические и азбучные указатели сочинений и статей на русском и иностранном языках. Т. 1—3. Спб., 1878—1888.

[70] Борис Михайлович Шапошников (1882—1945), Маршал Советского Союза, выдающийся военный деятель. Принадлежал к числу офицеров старой армии, которые после победы Октябрьской революции отдали свои знания, уме-

ние и опыт борьбе за Советскую власть, за строительство и укрепление Советских Вооруженных сил. После окончания в 1903 г. Московского военного училища Б. М. Шапошников был направлен на службу в Туркестан в чине подпоручика. Прослужив здесь четыре года, поступил в Академию Генерального штаба, которую окончил в 1910 г. С 1910 по 1912 г. осуществлял цензовое командование ротой в 1-м туркестанском стрелковом полку. Накануне Октябрьской революции командовал полком, затем дивизией. В мае 1918 г. вступил в ряды Красной Армии и до конца гражданской войны был начальником оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета республики. Затем Б. М. Шапошников — помощник начальника штаба РККА, командующий войсками Ленинградского, Московского, Приволжского военных округов. В 1932—1935 гг.— начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе, в последующие годы — начальник Генерального штаба, заместитель Наркома обороны, с июня 1943 г. до конца жизни — начальник Высшей Военной академии (Академии Генерального штаба). Им написано около 40 работ, в которых рассматриваются важнейшие проблемы истории войн и военного искусства. См. о нем: БСЭ, 3-е изд. М.: Советская энциклопедия. Т. 29, 1978, с. 288.

[71] Рукопись из десяти толстых тетрадей под названием «Пройденный путь» согласно завещанию маршала была представлена его семьей редакции «Военно-исторического журнала» (ВИЖ). Отдельные главы были опубликованы в 1966 г. (ВИЖ, 1966, № 6, 7, 12), затем в 1974 г. в ж. «Новая и новейшая история», № 1.

Интересующие нас периоды службы Б. М. Шапошникова в Туркестане нашли отражение в двух публикациях «Военно-исторического журнала»: «Служба в Туркестане» (ВИЖ, 1966, № 7, с. 59—74) и «Опять в Туркестане» (ВИЖ, 1966, № 12, с. 75—89). В рукописи это четыре главы под названиями: «Начало службы в 1-м Туркестанском стрелковом батальоне», «Начальник учебной команды батальона и подготовка в Академию Генерального штаба», «Командование ротой» и «Сдача роты и перевод в Генеральный штаб».

[72] ВИЖ, 1966, № 7, с. 68.

[73] В воспоминаниях Б. М. Шапошникова рассказывается главным образом о среде, порядках, быте и нравах тех частей и военных учебных заведений, в которых автор служил и учился. Б. М. Шапошников освещает систему и методы подготовки офицеров старой армии.

[74] ВИЖ, 1966, № 7, с. 72.

[75] Там же.

[76] Там же.

[77] ВИЖ, 1966, № 12, с. 87.

[78] Таков, например, командир Первой Туркестанской стрелковой бригады генерал Моржецкий, которого автор называет «ограниченным» и «безграмотным» в военном деле. По вине Моржецкого во время первой мировой войны бригада пролила «немало крови» (ВИЖ, 1966, № 12, с. 88). О другом представителе высшего командного состава генерале Церпицком, командире Туркестанского корпуса в 1904—1905 гг., Б. М. Шапошников пишет, что в данном случае «можно написать книгу рассказов как офицер-очковтиратель делал карьеру в старой армии» (ВИЖ, 1966, № 7, с. 69).

[79] ВИЖ, 1966, № 7, с. 70. Б. М. Шапошников сообщает, например, что в Первом Туркестанском стрелковом батальоне служил М. Ю. Ашенбреннер, подполковник, народоволец, переведенный в Туркестан за отказ от участия в подавлении восстания 1863 г. в Польше и вставший впоследствии на защиту завоеваний Октября. В 1924 г. ему было присвоено почетное звание «старейший красноармеец». В этом же батальоне служил П. В. Черкасов, дослужившийся до чина генерал-лейтенанта и вступивший в 1919 г. в ряды Красной Армии. Впоследствии он преподавал на Высших академических курсах. Нам кажется, что при публикации редактору следовало бы оговорить данное обстоятельство в примечании, дабы у основной массы читателей не сложились неправильные представления.

[80] Михайлов — участник «Хомутовского кружка». — ЦГА, УзССР, ф. Р-2231, оп. 1, д. 268, л. 4.

[81] Ильин Н. В новом краю. Ташкент, 1913, с. 3.

[82] Ильин Н. Указ. соч., с. 2.

[83] Там же.

[84] Там же.

[85] Там же, с. 155.

[86] Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем.

[87] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 28, д. 885.

[88] ОР ГПБ, ф. 303, оп. 1, д. 1; Ванков С. Н. Мои мемуары. Автограф.

[89] Семен Николаевич Ванков (1858—1937), генерал-майор, начальник Туркестанского, Хабаровского и Брянского арсеналов, профессор Московского университета, Высшего технического училища им. Н. Э. Баумана. См. о нем: ОР ГПБ, ф. 218, д. 1—5.

[90] Евгений Тимофеевич Смирнов (ум. 1913), один из видных деятелей исторического краеведения в Туркестане и зачинателей среднеазиатской археологии. Инициатор издания и редактор альманаха «Средняя Азия» (1895), затем ежемесячного научно-литературного журнала «Среднеазиатский вестник». См. о нем: Историография общественных наук в Узбекистане, с. 350—355.

[91] Опубл. в ж. «Исторический вестник». Т. 132, 1913, № 5, под названием «Военно-бюрократическое мероприятие орографического характера».

[92] Автор был включен в состав ревизионной комиссии в качестве негласного члена.

[93] Н. А. Северцев, П. П. Семенов, В. П. Наливкин, супруги А. П. и О. А. Федченко, П. П. Остроумов и ряд др.

[94] О «Хомутовском кружке» см. подробно: Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность, с. 33—70.

[95] Маслова О. В. Систематический указатель к томам 417—591 «Туркестанского сборника». Алфавитный указатель авторов. Ташкент, 1940, с. 33—34 (Маш. рукопись из собраний Государственной публичной библиотеки им. А. Навои в Ташкенте).

[96] Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность, с. 33—34.

[97] Ташкентский курьер, 1908, № 152.

[98] Лев Васильевич Ошанин (1884—1961), известный советский антрополог, заслуженный деятель науки УзССР, доктор биологических наук, профессор. Родился в Ташкенте в семье педагога и видного исследователя Средней Азии В. Ф. Ошанина. Работал врачом-терапевтом в Ташкентской городской больнице. После победы Октября Л. В. Ошанин выступает в числе активных организаторов Туркестанского университета. Один из пионеров высшего медицинского образования в Средней Азии. См. о нем: Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Т. II. Составитель Б. В. Лунин. Ташкент: Фан, 1977, с. 9—13.

[99] В кн.: Ошанин Л. В. и Азатьян А. А. Василий Федорович Ошанин. Очерки жизни и деятельности. М., 1961, с. 5—39.

[100] ЦГА УзССР, ф. Р-2231, оп. 1, д. 268, л. 76. Четыре тетради, из них три ученические, одна общая. С семьей В. Ф. Ошанина мемуаристку связывали и родственные узы. Так, Л. В. Ошанин был женат на ее сестре Н. Н. Остроумовой.

[101] Рукопись, 272 л. Дневник весьма тенденциозен по содержанию.— См.: ЦГА УзССР, ф. Р-2231, оп. 1, д. 266, 267.

[102] ЦГА УзССР, ф. 2287, оп. 1, д. 290, 6 л. Рукопись.

[103] Иванов Д. Л. Из личных воспоминаний об Ольге Александровне Федченко.— Известия Главного Ботанического сада РСФСР. Т. XXIII. Вып. 2.

[104] Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность, с. 45.

[105] Там же, с. 249—254. Рукопись из собрания дочери М. И. Шишовой Н. А. Журавлевой (1947 г.).

[106] События революции 1905—1907 гг. в Туркестане явились серьезным испытанием зрелости местных рабочих, их классовой сознательности и организованности, а также политической школой борьбы против царизма и капиталистической эксплуатации.

[107] По численности населения Ташкент был одним из крупнейших городов страны, а в «Азиатской части России» — самым населенным: в 1897 г. здесь проживало 155 673 человек, а к 1911 — 234 289 человек. Ташкент был и промышленным центром Средней Азии, количество рабочих здесь в 1906 г. достигало 8 тыс. В железнодорожных мастерских двух дорог численность рабочих превышала тысячу.— См.: Обзор Сырдарьинской обл. за 1906 г. Ташкент, 1907, с. 206—211; Азиатская Россия. Т. 1. Спб., 1914, с. 352.

[108] ПА УзФ ИМЛ, РФ, д. Р-920.

[109] Там же, д. Р-1534.

[110] Там же, д. Р-385.

[111] Там же, д. Р-961.

[112] Там же, д. Р-1359.

[113] Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, д. 1708—1712.

[114] ПА УзФ ИМЛ, РФ, Р-1915.

[115] Там же, д. Р-1531; Красная летопись Туркестана, 1923, № 1—2.

[116] Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, д. 12/7,3, № 1814; № 12/7,4, № 1815; № 13/7,5 № 1816; 12/7,6 № 1817; Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Сб. статей и воспоминаний. Ташкент, 1955.

[117] Семен Терентьевич Дворянов (род. 1873). Уроженец Саратовской губернии, из рабочей семьи. Основная специальность — железнодорожный колесный токарь. Участвовал в революционном движении с 1905 г. С 1906 г. член Ташкентской группы РСДРП. Партийные клички «Кирилл» и «Семен». В 1907 г. осужден за участие в революционном движении. С 1907 по 1911 г. находился в Ташкентской городской тюрьме. В 1911 г. сослан на поселение в Сибирь. Отбывал ссылку в Верхоянском уезде Иркутской губернии и в г. Иркутске. В марте 1917 г. был амнистирован, возвратился в Ташкент, работал в Главных железнодорожных мастерских токарем. С ноября 1917 по март 1918 г. был членом Исполкома Ташсовета. См. о нем: Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, д. 19, л. 150—153. Данные о революционной деятельности С. Т. Дворянова содержатся, в частности, в обвинительном акте товарища прокурора Ташкентского окружного суда (ЦГА УзССР, ф. И-132, оп. 2, д. 97, л. 107—113). Опубликован в сб. материалов «Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане». Ташкент, 1962, с. 214—220.

[118] Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР.

[119] Красная летопись Туркестана, 1923, № 1—2, с. 7—12.

[120] Аршак Георгиевич Зурабов (Рашид-бек, Беков) (1873—1919), социал-демократ, делегат II съезда РСДРП. В Ташкент прибыл в декабре 1904 г. для отбывания воинской повинности (был прапорщиком Ходжентского резервного батальона). В мае — сентябре 1905 г. стоял на позициях, близких к большевизму, затем примкнул к меньшевикам. В годы первой мировой войны примыкал к интернационалистам; в период борьбы за Советскую власть в Армении и Грузии в 1919 г. занимал революционные позиции. (См.: Очерки из истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, 1958, с. 53).

[121] Красная летопись Туркестана, с. 9.

[122] Там же.

[123] Там же, с. 13.

[124] В редакции газеты «Русский Туркестан» по Стрелковой улице г. Ташкента А. В. Худаш-Морозова держала явочную квартиру. См. о ней: Мав-

лани И. В. Михаил Владимирович Морозов. Ташкент: Госиздат УзССР, 1963, с. 10, 11, 34.

[125] Согласно сообщению начальника Туркестанского охранного отделения прокурору Ташкентского окружного суда о возобновлении деятельности Ташкентского комитета РСДРП и об отношении рабочих к партии социалистов-революционеров (эсеров) «среди ядра революционного движения, железнодорожных рабочих стало обнаруживаться недоверие к тактике означенной партии, а единичные выступления более ярких единомышленников по экспроприации... вносили в среду более сознательных рабочих лишь одно раздражение» (Опубл. в сб.: Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг., с. 30).

[126] Кирилл Данилович Литвишко (род. 1872). Уроженец Полтавской губернии, украинец. Выходец из рабочей семьи. Окончил церковно-приходскую школу. Участвовал в революционном движении с 1903 г. Партийная кличка «Кум». В 1905 г. вместе с Я. И. Бабак и А. А. Линяевым был привлечен к судебной ответственности по делу о подпольной типографии в Ташкенте и осужден на поселение в Сибирь. В ссылке (Тарский уезд Тобольской губернии) пробыл до 1917 г. После Февральской революции амнистирован, работал в Сибири. Избирался председателем Совета рабочих и солдатских депутатов, секретарем Союза рабземлеса в Тарском уезде. В 1918 г. добровольцем ушел на фронт, воевал в годы гражданской войны. Был активным партийным работником. В 1926 г. вновь приехал в Ташкент. Был членом Правления Ташкентского отделения Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. См. о нем: Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, д. 19, л. 172—175.

[127] Обстоятельства разгрома подпольной типографии воспроизведены в «Обвинительном акте» товарища прокурора Ташкентской судебной палаты от 12 июля 1906 г. (Опубликован в сб. материалов «Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане», с. 205—214).

[128] Литвишко К. Первая подпольная социал-демократическая типография в Ташкенте.— Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, д. 605, л. 1.

[129] Там же, д. 19, л. 175—175 об.

[130] Александр Григорьевич Калашников (род. 1882). Уроженец Саратовской губернии. Выходец из рабочей семьи. Участвовал в революционном движении, вел агитационно-пропагандистскую работу. В 1903 г. был арестован и приговорен к исправительным работам. В октябре 1905 г. амнистирован и определен на местожительство под надзор в Ферганскую область. В 1905—1906 гг. нелегально проживал в Ташкенте, где вел активную революционную работу. В 1906 г. выехал на ст. Ванновская (Ферганская область) Среднеазиатской железной дороги. В 1908 г. возвратился в Ташкент, но был арестован за хранение оружия и подозрение в экспроприаторских действиях. Проживал под надзором в г. Чимкенте, остался здесь на постоянное местожительство. После Октября 1917 г. участник гражданской войны. См. о нем: Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, д. 19, л. 17—19, 23—24.

[131] Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, д. 12/6,2 № 1774. Машинопись, 62 л.

[132] В их числе был и автор воспоминаний.

[133] История Узбекской ССР. Т. 2, с. 228.

[134] Калашников А. Г. Воспоминания, л. 4.

[135] Там же, л. 11.

[136] Там же, л. 19.

[137] Там же, л. 18—19.

[138] Там же, л. 20.

[139] Там же, л. 23—24.

[140] Там же, л. 27—29.

[141] На конференции был создан Союз туркестанских организаций РСДРП во главе с Союзным комитетом, избранным из состава Ташкентской группы РСДРП. (См. Асылбеков М. Х. Железнодорожники Казахстана в период революции (1905—1907 гг.). Алма-Ата: Наука, 1965, с. 108.

[142] Калашников А. Г. Воспоминания, л. 28.

[143] Об А. Г. Зурабове см. сноску 121.

[144] В. В. Быховский приехал в Туркестан после IV съезда РСДРП в апреле 1906 г. из Петербурга по указанию В. И. Ленина и по направлению ЦК РСДРП. Летом 1906 г. возглавил Ташкентскую организацию РСДРП. См. о нем: Сб. статей и воспоминаний «Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане», с. 49, 63; Тураев Гази. Большевики Ташкента в революции 1905—1907 гг. Ташкент: Госиздат УзССР, 1955, с. 15, 89—90, 394, 465, 504.

[145] Калашников А. Г. Воспоминания, л. 49.

[146] «Русский Туркестан» — общественно-политическая и литературная газета, начала выходить в Ташкенте с 1898 г. Носила буржуазный характер и являлась вторым частным печатным органом в Ташкенте. С декабря 1905 г. газета переходит в руки большевиков и с этого времени меняет свое направление. Редактором и издателем этой газеты стал известный революционер Михаил Владимирович Морозов. Под его руководством газета превратилась в боевой легальный орган Ташкентской группы РСДРП. В ней сотрудничали социал-демократы А. П. Гольберт, Г. И. Шавдия, В. В. Быховский, А. В. Худаш и др. С начала 1906 г. по февраль 1907 г. газета сменила несколько названий: «Туркестан», «Вперед», «Русский Туркестан». В феврале 1907 г. прекратила свое существование. См. Авшарова М. П. Русская периодическая печать в Туркестане (1870—1917 гг.). Библиографический указатель литературы. Ташкент: Госиздат УзССР, 1960, с. 38—40; Эрназаров Т. Э., Акбаров А. И. История печати Туркестана (1870—1925 гг.). Ташкент: Укитувчи, 1976, с. 80—83.

[147] Калашников А. Г. Воспоминания, л. 32.

[148] Калашников А. Г. Воспоминания, л. 51.

[149] Запись была произведена 50 лет спустя научным сотрудником Музея истории АН УзССР Е. А. Деевой.

[150] Андрей Семенович Паренков-Алексеев (род. 1885), из крестьян Владимирской губернии. В 1904 г. приехал в Самарканд. Попытка писать рассказы привела к встрече с М. В. Морозовым, оказавшим огромное влияние на дальнейшую судьбу А. С. Паренкова. М. В. Морозов устроил его на работу в редакцию газеты «Самарканд», где были опубликованы рассказы А. С. Паренкова «Мтрич», «Оратор», «Монах», «Федотыч», «Записки из дневника рабочего» и ряд других. С 1905 г. А. С. Паренков был назначен заведующим конторой редакции «Самарканд» и заведующим открытой при редакции «Общественной библиотекой-читальней». В том же 1905 г. он вступил в Самаркандскую группу РСДРП. Проводил организационную и пропагандистскую работу. Писал тексты революционных прокламаций. За рассказ «Совесть замучила» был привлечен к судебной ответственности (декабрь 1906 г.). В 1907 г. арестован за непринятие военной присяги и отправлен по этапу в полк в г. Остров, где состоял под негласным надзором полиции.

После Октябрьской революции был председателем Уратюбинского гарнизона, выборным комиссаром милиции г. Ура-Тюбе. В 1918 г. вступил в ряды партии большевиков. В 1919 г. избран секретарем, а затем товарищем председателя Кокандского Совдепа. Участвовал в работе 1-го Всетуркестанского съезда солдатских и рабочих депутатов, 2-го Чрезвычайного железнодорожного съезда, 8-го съезда Советов Туркестанской республики, где был избран членом ТуркЦИКа. Состоял членом коллегии Комиссариата внутренних дел. На рубеже 20-х годов работал в Туркбюро Коминтерна. См. о нем: Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, д. 19, л. 285—290.

[151] Красная летопись Туркестана, с. 24—43.

[152] «Самарканд» — общественно-политическая, литературная газета. Выходила в Самарканде на русском языке с мая 1904 по апрель 1907 г. Редакторы (в разное время) — Н. В. Болотин (с 1 по 14 мая 1904 г.); П. В. Поздняков (с октября 1905 по апрель 1907 г.); издатели — М. В. Морозов, П. В. Поздняков. С конца 1905 г. газета фактически стала легальным органом большевиков. После запрещения сменила несколько названий: «Зеравшан», «Новый Самарканд», «Русский Самарканд». С января 1907 г. возобновилось издание газеты «Самарканд» под редакцией П. В. Позднякова; вышло всего 57 номеров. 7 апреля 1907 г. газета прекратила свое существование. См.: Авшарова М. П. Русская периодическая печать в Туркестане, с. 41—51; Симонов Н. Большевистская печать в Туркестане (1902—1907 гг.). Ташкент, 1940, с. 39—41.

[153] См.: Обвинительный акт товарища прокурора Ташкентского окружного суда по делу активных членов Союза Туркестанских организаций РСДРП.— Сб. документов и материалов «Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг.», с. 155, 166.

[154] Железнодорожники дореволюционного Туркестана, отличаясь политической сознательностью, классовой организованностью, высокой концентрацией явились той социальной силой, на базе которой создавались многие кружки, группы и организации РСДРП.

[155] ПА УзФ ИМЛ, Рф. д. Р-532.

[156] Коммунист, Ташкент, 1922, № 7—8.

[157] ПА УзФ ИМЛ, Рф., д. Р-1359, Р-962.

[158] Там же, д. Р-960.

[159] Архив Музея истории народов Узбекистана, б/ш.

[160] ПА УзФ ИМЛ, Рф., Р-841, Р-1985; Сб. документов «Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг.». Кн. 2. Ашхабад, 1947.

[161] ПА УзФ ИМЛ, Рф., д. Р-960.

[162] Архив Института истории и археологии АН ТаджССР, Рф., д. 377.

[163] Коммунист. Ташкент, 1922, № 7—8.

[164] Сб. документов «Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг.». Кн. 2.

[165] Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, б/ш.

[166] ПА УзФ ИМЛ, Рф., д. Р-1523.

[167] Там же, Р-962.

[168] Архив Института истории, археологии и этнографии АН ТССР, д. 52.

[169] ПА УзФ ИМЛ, Рф., д. 1985; Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, д. 733—12 (966).

[170] Андриевский П. Д. Из воспоминаний об октябрьской забастовке на Ср.-Аз. ж. д. в 1905 году; Он же. Из воспоминаний о ноябрьской забастовке на Ср.-Аз. ж. д. в 1905 году. Машинопись, 32 л. Хранится в архиве Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, б/ш. Петр Данилович Андриевский (род. 1872), крестьянин Талалаевской волости Ровенского уезда Полтавской губ. Привлекался к судебной ответственности по делу руководителей ноябрьско-декабрьской забастовки 1905 г. на Среднеазиатской железной дороге и был осужден. Как гласил приговор Ташкентской судебной палаты от 7 октября 1910 г., «1) Подсудимый Андриевский посещал собрания Центрального комитета, имеющие место в классном вагоне «Ж», поставленном около станции Асхабад, посылал подписанные им от имени Центрального комитета телеграммы, касающиеся забастовки и вообще исполнял разные поручения комитета, в том числе вместе с другими лицами потребовал удаления со станции начальника станции Асхабад Неласова, заявив, что станция переходит в их, членов Центрального комитета распоряжение». См. о нем: Сб. документов и материалов «Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 гг.», с. 238, 239, 241.

[171] Железнодорожная забастовка началась 6 октября 1905 г. на Московско-Казанской железной дороге. С 16 октября она охватила почти все железные дороги Европейской России, Финляндии, Забайкальскую дорогу и др. и стала Всероссийской. Туркестанское отделение Всероссийского железнодорожного союза объединяло 8 тыс. членов Союза, большинство их приходилось на Оренбургско-Ташкентскую дорогу (6 тыс.).

[172] Андриевский П. Д. Из воспоминаний об октябрьской забастовке на Ср.-Аз. ж .д. в 1905 году, л. 3—4.

[173] Генерал Ульянин, начальник Закаспийской железной дороги.

[174] Генерал Уссаковский, начальник Закаспийской области.

[175] Андриевский П. Д. Из воспоминаний, л. 10—11.

[176] Там же, л. 11.

[177] Там же.

[178] Там же, л. 3.

[179] Там же.

[180] Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане, с. 232.

[181] Андриевский П. Д. Из воспоминаний о ноябрьской забастовке на Ср.-Аз. ж. д. в 1905 году. Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, б/ш. Рукопись, 14 л.

[182] Комендант крепости Кушка.

[183] И. И. Первышев, И. В. Носов, В. П. Вахнин, В. С. Шалапутов и некоторые другие.

[184] Наступление реакции началось сразу после прекращения ноябрьско-декабрьской политической забастовки. Несмотря на обещание не наказывать за участие в забастовке (см. Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Вып. IV, 1958, с. 128—134, 135—136), местная администрация сразу же начала расследование «виновности» рабочих. Производились массовые обыски и аресты, высылка и увольнение с работы, были запрещены собрания и митинги.

[185] В ряде официальных документов деятельность соглашательского Центрального комитета представлена в «ярко-красном цвете», а сам комитет характеризуется как архиреволюционная организация и, наоборот, в некоторых случаях роль подлинно революционных выступлений народных масс сведена на нет. Это объясняется главным образом тем, что отдельные чиновники и военные старались обрисовать положение вверенных им участков в «благополучном» виде. Характерны в этом отношении, например, материалы Ташкентской судебной палаты и некоторые другие хранящиеся в ЦГА УзССР документы.

[186] Иустин Львович Милорадов (род. 1881). За участие в революционных событиях 1905 г. был привлечен к судебной ответственности и уволен в запас. Как гласил обвинительный акт за подписью военного прокурора по делу И. Л. Милорадова от 23 февраля 1907 г., последний обвинялся в том, что «в ноябре 1905 г., получив на станции Иолатан телеграмму от 4-й роты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона с предложениями присоединяться к забастовщикам, принес в 6-ю роту, где, ознакомив с ее содержанием нижних чинов роты, возбуждал нижних чинов к забастовке, и в том, что по приходе на ст. Иолатан отряда генерала Прасолова, возбуждал нижних чинов той же роты отбирать ключи от цейхгауза у каптенармуса, чтобы взять патроны и защищаться от прибывшего отряда, что предусмотрено ст. 112 и 1110 кн. XXII Свода военных постановлений 1869 г., изд. 3...». См. о нем: ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 160, л. 3—4 об.

[187] В память 25-летия. Воспоминания участника восстания в войсках Средней Азии 1905 г. Милорадова И. Л. Машинопись, 2 л. Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, б/ш.

[188] Толчок к дальнейшему усилению и развитию забастовочного движения в ноябре 1905 г. дали кушкинские события, возникшие на почве действий коменданта Прасолова, объявившего Кушку на военном положении.

Он арестовал многих участников революционного движения и угрожал им казнью, организовал «крестовый поход» против «мятежников», обуреваемых бесом, мутящих Русь православную и идущих против державного ее царя».— См.: сб. «Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг.». Кн. 2, с. 202—204.

[189] В память 25-летия. Воспоминания... И. Л. Милорадова, л. 2.

[190] Габричидзе Г. Из истории революционного движения в Туркестане (Закаспийская область). Машинопись, 14 л. Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, д. 533.

[191] Габричидзе Г. Из истории..., л. 2.

[192] Аршак Хачиев (Аршак Хачиянц), большевик. Работал в типографии газеты «Самарканд», входил в местную организацию РСДРП. Позднее, при Советской власти был членом правительства Армянской Советской Республики.— См.: сб. Бакинского комитета АКП «25 лет Бакинской организации большевиков». Баку, 1925, с. 137—143.

[193] Воспоминания участников событий, а также документы из архивов дают неопровержимые доказательства этой тесной и постоянной связи.

[194] Габричидзе Г. Из истории..., л. 1—2.

[195] Там же, л. 3—4.

[196] Там же, л. 3.

[197] Об этом сообщал, например, чиновник особых поручений барон Остен-Дризден, посланный туркестанским генерал-губернатором в начале сентября 1905 г. в Закаспийскую область «для выяснения революционного там движения».— См.: Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане, с. 165.

[198] Сб. «Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг.». Кн. 2, с. 111—112.

[199] Габричидзе Г. Из истории..., л. 6.

[200] Там же.

[201] Там же, л. 12.

[202] Там же, л. 11.

[203] Там же, л. 11—12.

[204] Выступление на собрании Среднеазиатского землячества в Москве 23 декабря 1923 г. Стенографическая запись. Опубликована в сб. «Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 гг.», с. 435—447.

[205] Там же, с. 442.

[206] Там же, с. 443.

[207] Артем Берекашвили, счетовод коммерческого отдела Управления Среднеазиатской железной дороги, член социал-демократической организации. В октябре 1906 г. был выслан за пределы Закаспийской области. В сообщении о высылке от 6 октября 1906 г. начальник Закаспийской области генерал-лейтенант Карцев называет А. Берекашвили в числе других лиц агитатором однодневной забастовки 7 сентября 1906 г., объявленной в знак протеста против суда над нижними чинами в Асхабаде, и вообще оказывавшем «вредное влияние ма мастеровых и нижних служащих».— См. сб.: Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 гг., с. 362.

[208] Коммунист. Ташкент, 1922, № 7—8.

[209] Там же.

[210] Иван Иванович Первышев (род. 1879), мещанин г. Курска. Был предан суду особого присутствия Асхабадского окружного суда по обвинению в участии «в сообществе, именовавшем себя Центральным комитетом Союза железнодорожных служащих и рабочих Среднеазиатской ж. д.».— См. сб.: Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 гг., с. 238—242.

[211] Как сообщалось в письме заместителя министра внутренних дел министру путей сообщения от 18 апреля 1907 г., при обыске, произведенном на

квартире у и. о. землемера Асхабадского участка Среднеазиатской железной дороги Ивана Ивановича Первышева, «в обычной печатной обложке дел местного железнодорожного управления было найдено «Дело об улучшении быта служащих», состоящее из ряда документов, относящихся исключительно к организации и деятельности тайного преступного сообщества, именуемого «Союзом железнодорожных служащих Среднеазиатской и Оренбургско-Ташкентской железных дорог». Далее шла характеристика документов.— См. сб.: Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг., с. 277—278.

[212] Воспоминания М. С. Руманова. Стенограмма заседания землячества Средней Азии 26 декабря 1930 г. в Москве. Опубликовано в сб. Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг. Кн. 2.

[213] Сб. Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 гг., с. 464—467; ПА УзФ ИМЛ, РФ, д. 959.

[214] Указ. сб., с. 451—453; ПА УзФ ИМЛ, РФ, д. 535.

[215] Указ. сб. с. 450—451; Рф. Института истории, археологии и этнографии АН ТССР, д. 6.

[216] Сб. Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 гг., с. 468—469; РФ. Института истории, археологии и этнографии АН ТССР, д. 6.

[217] № 1 вышел 13. II. 1906 г.; № 2 — 12. III. 1906 г.; № 3 — 2. IV. 1906 г.; № 4 — 20. V. 1906 г.; № 5 — 15. X. 1906 г.

[218] См. Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 гг., с. 466.

[219] Красная летопись Туркестана, 1923, № 1—2, с. 15.

[220] Там же, с. 26.

[221] Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, д. 19.

[222] ПА УзФ ИМЛ, РФ, Р-1359, л. 1—49.

[223] Протокол вечера воспоминаний участников Февральской и Октябрьской революций, членов с.-д. организации от 8 мая 1932 г. См.: Архив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР, д. 1866—121 (6, 15), л. 1.

[224] Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Документы и материалы. Ташкент: Узбекистан, 1984, с. 311, 334.

[225] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 323.

[226] Там же, с. 66.

[227] Дмитрий Иванович Манжара (1885—1937). Активный участник трех революций на Украине и в Туркестане, подпольщик-большевик, рабочий-железнодорожник, известный государственный деятель Советского Узбекистана. Непосредственная революционная деятельность Д. И. Манжары в Туркестане начинается с осени 1909 г., когда он в поисках работы приезжает в Ташкент и устраивается слесарем в Главные мастерские Среднеазиатской железной дороги. Приняв участие в организованном Н. В. Шумиловым социал-демократическом кружке, Д. И. Манжара провел большую агитационно-пропагандистскую и просветительную работу среди рабочих. Во время Октябрьского вооруженного восстания в Ташкенте вошел в состав Революционного совета. Был членом Ташкентского горкома партии. Занимал руководящие посты в профсоюзных организациях ЦК КПТ, ЦКК РКИ, был Наркомом Рабоче-крестьянской инспекции Туркестана. Большие заслуги принадлежат Д. И. Манжаре в деле организации филиала центрального Истпарта — Комиссии по изучению и сбору документов, материалов по истории революционного движения в Туркестане, по истории Коммунистической партии Туркестана. Им был собран ряд важных документальных материалов, использованных в воспоминаниях. См. о нем: Революционеры — вожаки масс (Славная плеяда коммунистов Узбекистана). Ташкент: Узбекистан, 1967, с. 267—287.

[228] Манжара Д. И. Революционое движение в Средней Азии. 1905—1920 гг. Ташкент: Средазистпарт, 1934.

[229] Правда, 1985 г., 3 января.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВГО — Архив Всесоюзного географического общества
АН — Академия Наук
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВИЖ — Военно-исторический журнал
ГИМ — Государственный исторический музей, г. Москва
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, г. Ленинград
ГП Бл СССР — Государственная публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина, г. Москва
Зап.— записки
Л.— Ленинград
л.— лист
ЛОА АН СССР — Ленинградское отделение Архива АН СССР
ЛОИВ АН СССР — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
М.— Москва
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ОПИ — Отдел письменных источников
ОР — Отдел рукописей
ПД — Пушкинский Дом, Институт языка и литературы АН СССР, г. Ленинград
Пг.— Петроград
РГО — Русское географическое общество
СПб.— Санкт-Петербург
Ср. Аз.— среднеазиатская
Средазистпарт — Среднеазиатское бюро Комиссии по истории Октябрьской революции и истории РКП(б)
ТашГУ — Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина
ТВ — Туркестанские Ведомости
Туркбюро — Туркестанское бюро ЦК РКП(б)
ЦГА УзССР — Центральный государственный архив Узбекской ССР
ЦГАДА СССР — Центральный государственный архив древних актов СССР
ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР
ЦГВИА СССР — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в г. Ленинграде

УКАЗАТЕЛИ

Именной

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ч

Ц

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Географический

А

Б

В

Г

Д

Е

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛАРИСА ГЕОРГИЕВНА ЛЕВТЕЕВА

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ В МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКАХ
(историография проблемы)

Утверждено Ученым советом
Музея истории народов Узбекистана
им. М. Т. Айбека и Бюро отделения
истории, языкознания
и литературоведения АН УзССР

Редактор *А. М. Ярошевская*
Художник *В. М. Мочалин*
Технический редактор *В. М. Тарахович*
Корректор *И. Р. Ткаченко*

ИБ № 3594

Сдано в набор 14.05.86. Подписано к печати 13.06.86. Р15156. Формат 60×84 1/16. типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 1390. Заказ 114. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Фан» УзССР, Ташкент, 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Цена 1 р. 50 коп.

